

ИЗДАТЕЛЬ
ООО
“РАУ-
Университет
”

ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР
ШТОЛЬ В.В.

РЕДАКЦИОННА
Я КОЛЛЕГИЯ
ЕРЕМЕНКО И.Н.
(исполнительный
директор
редакции)

НОВИКОВ Ю.Д.
(заместитель
главного
редактора)

АБАШИДЗЕ А.Х.
БЕРКОВ А.А.
ДЕРЯБИН Ю.С.
ЗИМЕНКОВ А.Л.

ИЗВЕКОВ Н.Н.
КОМАРОВ И.К.
КОТИЛЕВСКИЙ
М.Д.

ЛЕБЕДЕВ Ю.В.
ЛУНЬКОВ А.Г.
МЧЕДЛОВ М.П.
ОРЛОВ А.А.

ПЕТРАКОВ Н.Я.
РЕПКИН Ю.М.
ЯХЬЯЕВ Т.Г.

НАУЧНО-
РЕДАКЦИОННЫ
Й СОВЕТ

АРИСТОВ В.В.
ГАБАРАЕВ Б.А.
ГАЛОГАНОВ
А.П.

ДЕЛЯГИН М.Г.
ЕФИМОВ Б.Е.
ЖУРКИН В.В.
ЗОРИН В.С.

ИВАШОВ Л.Г.
ИВЛИЕВ Г.П.
КАШЛЕВ Ю.Б.

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: “ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ” БОЛЕЗНЬ ИЛИ СИСТЕМНОЕ КАЧЕСТВО ВЛАСТИ? <i>О.Муштук</i>	3
МАКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ XXI ВЕКА: КОНФЛИКТНОСТЬ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ <i>В.Авксентьев, М.Попов</i>	13
СЕМЬ УГРОЗ РОСПУСКА ДУМЫ (1994–2005 гг.) <i>С.Обухов</i>	20
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ <i>С.Иванова</i>	31
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ <i>Ю.Бойко</i>	38
ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО В СИСТЕМЕ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА <i>А.Никоненко</i>	45
МЕТОДОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ <i>Л.Максименко</i>	51
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ <i>А.Толоконников</i>	59
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ <i>Е.Подолько</i>	68
ПАКИСТАНО-ИНДИЙСКОЕ ЯДЕРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ <i>А.Александров</i>	73
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Н.Генрих</i>	81
ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ МИРА <i>Г.Гриценко</i>	88
ПОМОЩЬ ГРАЖДАН ВЕЛИКОБРИТАНИИ СТАЛИНГРАДУ (1942-1944 гг.) <i>Д.Белов</i>	94

Рецензии

НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ <i>А.Олейник</i>	101
НОВЫЕ ИДЕИ И СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА <i>Т.Булыгина</i>	107

КРЕМЕНЮК В.А.
ЛАДЫГИН Ф.И.
ЛАПТЕВ П.А.
ЛЬВОВ Д.С.
ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО
М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ
К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-
аналитический
журнал
«Обозреватель-
Observer»
издается с 1992 г.

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: “ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ” БОЛЕЗНЬ ИЛИ СИСТЕМНОЕ КАЧЕСТВО ВЛАСТИ?

О.Муштук,
профессор

Среди всего многообразия институтов и учреждений, структурирующих и функционально детерминирующих политическую систему, решающая роль принадлежит государству как “особой организации силы”. Именно этот институт в наиболее концентрированной и обобществленной форме воплощает в себе политико-властные начала в жизнедеятельности любого социума. Это то организационно-управленческое ядро в виде иерархии государственно-властных органов, с помощью которого в решающей степени обеспечивается совместная жизнь людей в обществе, их единство во множестве, и опосредуется движение одного из основных противоречий этой жизни – противоречие между потребностями людей в свободе и невозможностью реализации этой свободы в условиях социального хаоса и анархии.

Ю.М.Осипов – директор Центра общественных наук при МГУ в статье, посвященной российской государственности, в этой связи ставит ряд вопросов, ответы на которые начинает с приставки “не”.

“Может ли современный человек обойтись без государства? Не будем наивными – не может! Может ли российский человек обойтись без сильного государства? Не будем простодушными – не может! Можно ли приветствовать разрушение государства в России? Не будем глупыми – нельзя!”¹.

И с этим, конечно же, нельзя не согласиться. Как бы нас не уверяли в обратном сторонники анархизма, либерализма, глобализма или еще какого-нибудь модного ныне “изма”. Ибо государственная власть – это та находящаяся в услужении общества институционально организованная сила, которая создает общесоциальные условия жизнедеятельности социума, заботится о целостности социальной системы, известной стабильности общества, нейтрализует деструктивные, дезорганизирующие тенденции и т.д. Словом, обеспечивает тот необходимый минимум урегулированности и порядка, без которого нормальная жизнь, равно как и эффективная хозяйственная деятельность (в том числе и цивилизованный бизнес) просто не возможны.

“Государственное устройство, – говорил в своем выступлении в Государственной Думе (октябрь 1994 г.) А.И.Солженицын, – оно первой и важней экономики, потому, что это условие, чтобы вообще можно было жить”.

Между тем, разрушив по второму кругу за одно столетие старый, теперь уже социалистический мир, по причине его “антидемократичности” и тоталитарности, мы одновременно (по недомыслию или по злему умыслу) основательно разрушили и олицетворявшее его государство, без того, чтобы возвести на его месте новое и сильное демократическое государство.

То, что возникло на руинах старого, если и заслуживает названия государства, то только через такую неллицеприятную образную дефиницию, как “государство-импотент”.

По существу, именно об этом говорил Президент РФ В.В.Путин в своем обращении к

народу 4 сентября 2004 г. в связи с трагедией в Беслане, указывая, что ко многому, что изменилось в нашей жизни, власть оказалась абсолютно неподготовленной, не проявила понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом, не смогла на них адекватно среагировать, проявила себя функционально не состоятельной (слабой) властью – настолько слабой, что не в состоянии гарантировать своим гражданам даже их исходное неотчуждаемое право – право на жизнь, не говоря же о гарантиях безопасности имущественной, социальной, экологической и т.д.

Одна из ключевых причин этой вселенской слабости нынешнего государства в России кроется в его коррумпированности – явлении, которое по своим масштабам приобрело характер национального бедствия и превратилось в реальную угрозу национальной безопасности страны.

Согласно данным Международной организации Transparency International за 2005 г., по этой своеобразной коррупционной отметине Россия входит в число “лидеров” и занимает 122-е место в мире, тогда как еще год назад находилась на 90-м месте.

I

На уровне массовых представлений коррупция всецело ассоциируется с взяточничеством, злоупотреблением должностным положением, завуалированными формами подкупа чиновников.

На самом деле это явление гораздо более сложное и многоликое, живущее и развивающееся по своим собственным неписаным канонам, алгоритму действий не по юридически – правовому закону, а по понятиям с использованием особой “профессиональной” лексики, своеобразной “коррупционной фени”.

По своей содержательной сути коррупция – ничто иное, как порча, своего рода коррозия власти, которая, как ржа, разъедает властный стержень сверху донизу.

Ею, как вирусом, поражаются все звенья властной вертикали – от рядового муниципального работника и милиционера до правительственного чиновника и министра.

Это (в самом широком смысле) незаконные и не поддающиеся контролю способы сожительства “грязных денег” и власти.

Это разного рода противоправные “технологии” использования государственной службы для достижения корыстных целей (укрепления своей власти или личного обогащения), имеющие в основании неофициальный, бесконтрольный обмен разного рода ресурсами между властными элитами и другими структурами общества, обладающими экономической мощью и влиянием.

При этом различают два “базовых” вида коррупции: “верхушечную” и “низовую”:

Первая охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с правом принятия решений, имеющих очень высокую цену (государственные заказы и подряды, квотирование экспорта, изменение форм собственности, налоговый и таможенный контроль, льготы и преимущества в финансово-кредитной сфере и т.д.).

Вторая – распространена на среднем и низшем уровнях и связана с постоянным, рутинным взаимодействием чиновников и граждан:

- сбор разного рода платежей, в том числе штрафов с населения;
- выдача виз, водительских прав, разрешений на различные виды деятельности;
- наделение земельными участками;
- распределение жилплощади;
- контроль со стороны таких государственных служб, как энергетики, пожарники, СЭС и др.).

Эти два вида коррупции не изолированы друг от друга, а тесно переплетаются и взаимодействуют через коррупцию “внутреннюю”, то есть когда нижестоящий чиновник

подкупает вышестоящего.

В результате этой “тандемной чиновничьей связки” снизу вверх идут подношения и дары, а сверху вниз – прикрытия.

Следует подчеркнуть, что далеко не все виды коррупции определяются законом как преступление.

Представляя собой общественно осуждаемое поведение властей, коррупция может включать, а может и не включать уголовно наказуемое деяние.

Американские юристы К.Джибсон и Д.Роуворт типологизируют политическую коррупцию, с одной стороны, как девиантное (отклоняющееся) поведение, с другой – как преступление.

Как специфический вид отклоняющегося поведения коррупция чаще всего принимает формы:

- политического патронажа и клиентелизма, то есть опеки политиками нижестоящих структур, создание для них наиболее благоприятных условий в обмен на личную преданность и политическую поддержку;
- “покупки голосов”, которая осуществляется во время избирательных кампаний и применяется в отношении фиксированных групп избирателей (подарки, спиртные напитки и т.д.);
- “общественной кормушки”, то есть использования местными властями выделенных из центральной казны денежных средств и ресурсов для общественных нужд для завоевания симпатий избирателей.

Коррупция как преступление проявляется в форме:

- взятки как разового акта;
- подкупа (“покупки”) чиновника или политика не по случаю, а на длительный срок.

Оба эти типа политической коррупции “пышным цветом” цветут в современной России, крайне негативно сказываясь на самых разных сферах государственной и общественной жизни: от экономики до морали.

С государственной точки зрения непоправимый вред, наносимый коррупцией, заключается в том, что должностные лица на разных уровнях, включая высший эшелон власти, при принятии решений чаще руководствуются иными интересами, чем собственно интересами государства, налогоплательщиков, и вся система государственного управления идет, что называется, в разнос.

II

Коррупция, во-первых, препятствует экономическому росту: расширяется теневая экономика, и бюджет из государственного стремится превратиться в “приватизированный” при этом резко снижается эффективность использования бюджетных средств; теряется управляемость и экономики, и государственной машины; растет недоверие к стране и ее властям, и, как следствие, сужаются инвестиционные потоки внутри страны и из-за границы.

Как показал опрос, проведенный Консультативным советом иностранных инвестиций, созданный российским правительством и иностранными корпорациями в 1994 г., 71% компаний считают коррупцию самым большим препятствием для иностранных инвестиций.

Выступая в марте 2004 г. на заседании Совета при Президенте РФ по борьбе с коррупцией, В.В.Путин высказался по этому поводу вполне определенно. Подчеркнув, что такие коррупционные действия, как предоставление всякого рода преференций так

называемым “приближенным” предпринимателям, создание внеправовых преимуществ при получении государственных услуг и пр., по сути, приводят к нарушению равенства прав и самой свободы экономической деятельности, к неисполнению государством обязанности по обеспечению добросовестной конкуренции и борьбы с монополизмом.

Как результат, на рынок выходят люди не эффективные, а ловкие, не производящие, а паразитирующие. Сковывается нормальное развитие и возможности реализации курса на удвоение ВВП – ведь только прямые ежегодные потери бюджета от коррупции оцениваются сегодня, как минимум, в 40 млрд. долл.

Во-вторых, коррупция наносит существенный ущерб социальной сфере, поскольку тяжким бременем ложится, прежде всего, на предпринимателей, с которых чиновничья рать в качестве “дани” за посреднические услуги неукоснительно взимает “статусную ренту”, то есть “взятку-налог”.

По последним данным фонда “Индем”, общий ежегодный коррупционный сбор только в сфере малого и среднего бизнеса составляет в России не менее 22 млрд. долл., а средний размер взятки достиг в начале 2006 г. 135 тыс. долл., что в 13 раз больше, чем было в 2001 г.

Но от коррупции страдают не только предприниматели.

В еще большей мере ее бремя разделяют простые россияне-потребители, которые в этом качестве фактически оплачивают все включаемые в стоимость товаров и ведущие к росту как оптовых, так и розничных цен коррупционные “накладные расходы”.

Применительно к условиям развивающихся стран, специалисты Мирового банка подсчитали, что если правительственные чиновники выдают лицензии за взятки, то это приводит к росту стоимости товаров на 3–10%.

В случае, когда преступные группировки устанавливают и контролируют цены на рынке при попустительстве местных властей, то надбавка к цене товара измеряется 15–20%.

Если же налоговые инспекторы позволяют за определенную мзду скрыть часть доходов, то бюджетные поступления сокращаются на 50%.

Как результат, коррупция подстегивает перераспределение средств в пользу олигархических групп и владельцев крупных капиталов за счет наиболее бедных слоев населения, увеличивая, тем самым, социальную напряженность.

Бывший вице-премьер российского правительства и один из лидеров СПС Б.Немцов в опубликованной на страницах “НГ” статье “Будущее России. Олигархия или демократия?” замечает, что в отличие от Запада, где государство через систему прогрессивных налогов, а также налогов на собственность, перераспределяет доходы от богатых к бедным, в России же оно – “насос, перекачивающий деньги от бедных к богатым. Богатые не только не платят в полном объеме налоги (для этого существуют сотни лазеек). Уже собранные налоги через прокрутку в уполномоченных банках, “дутые подряды”, фиктивные государственные кредиты возвращаются к олигархам”.

В-третьих, в политической сфере коррупция профанирует и снижает политическую конкуренцию, приводит к разочарованию граждан в ценностях демократии.

Беспомощность властей перед лицом коррупции дискредитирует право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества: правовые нормы и административные структуры начинают работать на защиту условий, способствующих коррупции. Укрепляется организованная преступность. “Приватизируется” правосудие и “бал” начинает править “теневая юстиция”.

Под воздействием коррупции происходит смещение целей политики от общественного развития к обеспечению властвования олигархических группировок и бюрократической элиты.

В итоге возникает угроза разложения и исчезновения демократических институтов и структур, увеличивается риск крушения нарождающейся в стране “эмбриональной” демократии.

Так, если в качестве примера взять практику проведения выборов, то по причине все более широкого распространения в этой практике “грязных” избирательных технологий и “черного пиара”, “теневого” финансирования, ожесточенной “грызни” между представляющими “партию власти” политическими кланами, а также массивного электорального похода криминалитета – этот важнейший институт демократии, не успев прижиться, уже все в большей мере отторгается массами.

На вопрос: “Считаете ли Вы, что через механизм участия в выборах простые россияне имеют возможность реально влиять на организацию и поведение властей и “уходить” тех из них, которые не оправдали доверия?” более 75,0% из 1226 опрошенных осенью 2003 г. москвичей такую возможность практически полностью отрицали.

И считают, что выборы вообще лишены смысла, так как к власти все равно приходят не те, кто достоин этого. Приходят все те же “начальники”, которые всегда (и при социализме, и при капитализме) были “всеми”. А простой люд, как был “ничем”, так этим “ничем” в преобладающей своей массе и остался².

Именно этот фарсовый характер выборов, когда власть, используя в гипертрофированном масштабе коррупционный административный ресурс, предлагает народу избирать тех, кого и без него назначила, порождает в массовом порядке “политический пофигизм” и установку на то, чтобы голосовать “ногами”.

Что особенно выпукло проявилось на выборах (2003 г.) губернатора “северной столицы” России Санкт-Петербурга, когда число абсентеистов, то есть тех, кто не явился на выборы, составило почти 71,00% от общего числа избирателей, а из тех, кто пришел к избирательным урнам, 11,00% проголосовало против всех кандидатов.

III

Во всех своих формах и проявлениях коррупция обуславливается многими причинами как объективного, так и субъективного порядка.

Среди этих причин многие политики и ученые чаще всего указывают на отсутствие в стране должной системы материального стимулирования управленческого труда и низкий уровень заработной платы государственных чиновников и служащих. И для того, чтобы “чиновный люд” в своем стремлении “жить по-людски” не добирал недостающее мздоимством и был уверен в своем будущем, ему нужны соответствующие государственные гарантии. И, прежде всего, достойные зарплаты, соизмеримые с той высокой ответственностью, которая возложена на него как на того, кто принимает судьбоносные для страны (региона, области, района, города) управленческие решения.

Было бы, конечно, неверным полностью отрицать подобную точку зрения, ибо определенная доля истины в ней все же имеется. Однако это, отнюдь, не означает, что между уровнем чиновничьих зарплат и масштабами коррупции существует прямая связь – некая вполне определенная причинно-следственная зависимость, выраженная формулой: чем выше зарплаты, тем ниже коррупция. На самом деле это не так.

Известно, что за последние 5 лет зарплаты российских чиновников выросли примерно в 9 раз, но коррупция при этом не только не уменьшилась, а, наоборот, существенным образом возросла, приобретя характер “коррупционного взрыва”. Получается (и это есть сермяжная правда о коррупции в России), что, сколько нашему чиновнику не давай, он “как брал, так и будут брать”, при чем в геометрической прогрессии.

Следовательно, системообразующие причины коррупции кроются не в традиционной “нищете” чиновничества. Они лежат, прежде всего, в том, что российское государство, в котором власть всегда забывала и забывает, что она не первична, а вторична по отношению к обществу – это “государство-бюрократия”. Институт, который “приватизирован” особым сословием государственных чиновников в качестве “вещи для себя”, а не “для всех”, а посему подчиняющий себе общество, возвышающийся над ним. Этот институт, навязывая силой государственного принуждения, модель рынка не европейского – с безусловным

господством частной собственности и реальной свободой частного предпринимательства, которые максимально рационализируют и “одомашнивают” бюрократию, вымывая в структуре государственного управления все лишние звенья, а “азиатского” типа (своего рода азиатский способ производства), но обрамленном в “либерально-радикальные лексические одежды” (под выстроенной наспех демократической “крышей”), в котором свобода частной собственности и частного предпринимательства только декларируется Конституцией РФ. Тогда как де-факто носит усеченно-деформированный характер, никак не гарантируется и не поддерживается государством. “Рынка”, который в качестве системообразующего ядра насаждаемых им общественных отношений закрепляет и охраняет многочисленное (и постоянно растущее) сословие бюрократии не в качестве зависимой от социума “служивой” страты, а в качестве самодостаточной всевластной силы. Замкнутой и надменной касты, наделившей себя статусом единственно правомочной “распределяющей” и “разрешающей” инстанции, для которой государственная служба перестает быть “службой Царю и Отечеству”, а превращается в службу для себя и своих близких, принимает форму высокодоходного и ликвидного бизнеса.

Именно по этой причине в стране (несмотря на переход к рынку) сохраняется положение, когда политика продолжает, как и прежде, командовать экономикой и хозяйственная жизнь подвергается избыточному регулированию и администрированию. При этом среди управленческих функций явно преобладают те, которые связаны с распределением и перераспределением ресурсов, “легитимацией” и контролем частнопредпринимательской и коммерческой деятельности, что как раз и является питательной средой для взяток и отступных как противоправному способу существования власти. Ибо, как подчеркнул в своем Послании Федеральному Собранию РФ 2003 г. В.В.Путин, “любые административные барьеры преодолеваются взятками. Чем выше барьер, тем больше взяток и чиновников, их берущих”.

Но сегодняшнему российскому чиновнику одних взяток уже мало. Он, не стесняясь (с “чихом” на законодательный запрет), сам идет в бизнес. Готов застолбить себе место в чужом успешном бизнес-проекте, а лучше всего – его отобрать.

Как свидетельствует Президент общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса “ОПОРЫ России” Сергей Борисов, российский “чиновник теперь не просто требует – заплати мне “кэш”, он теперь требует пустить его самого или его структуру “в долю”. Может потребовать вообще уйти с какого-то сегмента рынка. И это явление становится все более массовым, особенно в регионах”³.

Очень важным системным фактором, стимулирующим коррупцию, выступает также повсеместно сохраняющийся “кулуарный”, закрытый для общественного контроля, характер функционирования административно-управленческих органов: вмонтированный в механизм принятия управленческих решений так называемый теневой “операционный кодекс”, то есть неформальные технологии согласования позиций “заинтересованных лиц” и предоставления (или отказ в предоставлении) той или иной государственной услуги не по закону, а по личному усмотрению чиновника. Здесь действует принцип: “захочу, дам, захочу, не дам”, в рамках которого положительное решение вопроса происходит за счет добровольно-принудительного обмена “дай” на “дам”.

Еще одна немаловажная причина коррупции связана с системой круговой поруки в чиновничьей среде и отсутствием реальной борьбы с взяточничеством, несмотря на обилие широкоэшелонных программ и заявлений по этому поводу.

Данное обстоятельство как нельзя лучше объясняет тот факт, почему наши власть имущие до сих пор массово совершают “преступления без наказания”. И даже тогда, когда на них собираются “чемоданы компромата” (то есть сведения о противоправных коррупционных действиях), их, в лучшем случае, только “отлучают от кормушки”, а не передают суду, как это принято во всем цивилизованном мире. Но даже если и передают, то, как правило, не лишают свободы, ограничиваясь чаще всего условными сроками.

Более того, если этот цивилизованный мир обвиняет некоторых из

высокопоставленных “служивых людей” России в коррупции, вся государственная машина приходит в движение с тем, чтобы снять эти обвинения и “защитить престиж” государства на международной арене, выделив целевым образом из казны (за счет налогоплательщика) далеко не “хилую” сумму средств в конвертируемой валюте.

В результате, большинство россиян лишилась последних иллюзий насчет порядочности даже тех, кто еще недавно казался озабоченным созданием “правового государства” и борьбой с коррумпированной номенклатурой. Поистине “ворон ворону глаз не выклюет”.

Немаловажную роль в провоцировании коррупции играет и “дикий лоббизм” со стороны бизнес-элиты, связанный с растущей конкуренцией в ее среде.

Согласно результатам недавнего опроса, проведенного Всемирным банком, 78% российских компаний сообщили о том, что им приходилось давать взятки.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как традиционная власть денег над человеком. “Люди, как известно, гибнут за металл”. И перед соблазном заполучить его без “трудо праведных” (поставив на искомой бумаге визирующую закорючку) устоять, может далеко не каждый, тем более в условиях, когда “право на бесчестие” (то есть право обогащаться и извлекать пользу из всего, чем распоряжаешься и чем управляешь) стало негласной нормой общественного бытия власть имущих. Поэтому человек “асоциальный” (криминальный авторитет, казнокрад, взяточник и т.д.), чувствует себя в сегодняшней России как “рыба в воде”, а отнюдь не “презираемым всеми изгоем”.

Важно, наконец, учесть и влияние традиционной ментальности россиян. Здесь причины коррупции кроются в нашей исключительно низкой правовой культуре, в преступной терпимости к тому, что везде берут, и готовности самим взять при случае. В глубоко укоренившемся на уровне массового сознания убеждении-стереотипе, что “если не подмажешь, то и не поедешь” и т.д.

Не случайно, по опросам ВЦИОМ, только 16% россиян считают, что без взяток можно прожить.

И если сегодня всепоглощающая коррупция буквально разъедает власть, что называется “от Москвы до самых до окраин”, то вина в этом – не только чиновников, хотя и в неравной, но в значительной степени здесь ответственные и те, которые дают, в том числе и, прежде всего предприниматели, ибо, откупаясь для экономии времени и быстрого решения возникающих проблем, они тем самым поощряют масштабное мздоимство, развращая до основания чиновничью среду.

IV

Нельзя сказать, что нынешние верховные власти России не видят все возрастающей угрозы национальной безопасности, которую несет в себе “разбушевавшаяся” коррупция и укоренение чиновничества в качестве всевластного монстра. При этом речь идет не только о жестких заявлениях Президента РФ и создании при Президенте РФ специального Совета по борьбе с коррупцией и не только о последовавшей вслед за Посланием Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2006 г. целой серии коррупционных скандалов и арестов целого ряда высокопоставленных лиц, но и о реализации вполне конкретных целевых программ в этой области, примером которых может служить политика правительства Москвы по внедрению в органах исполнительной власти и городских организациях режима “одного окна”.

Суть этого нововведения, рассматриваемого командой Ю.М.Лужкова в качестве столичной модели административной реформы и максимально эффективного средства дебюрократизации и оптимизации работы властных структур, заключается в том, чтобы освободить москвичей от необходимости тратить время, деньги и нервы на получение документов от чиновников.

Речь идет о системе, в рамках которой действия горожан (физических и юридических

лиц), претендующих на получение того или иного разрешения или справки, ограничиваются обращением в “одно окно” с заявлением и представлением копий правоустанавливающих документов. Все остальное (в том числе промежуточные межведомственные согласования) берет на себя система и максимум через месяц выдает искомый документ.

Тем самым, исключаются прямые контакты населения с чиновниками, ответственными за принятие решений, и уничтожается почва для коррупции (ибо “чиновники друг другу взятки давать вряд ли будут”). Из структуры чиновничьего аппарата постепенно “вымываются” все лишние звенья, происходит радикальное сокращение штатов, к рациональной норме сводится число всякого рода согласований и разрешительных документов и т.д.

Хотя идея “одного окна” давно витала в коридорах столичной власти, официальное начало внедрения этой системы датируется 10 июня 2003 г. принятием специального постановления правительства Москвы № 438-ПП “О первоочередных мерах направленных на разработку и внедрение в отраслях городского хозяйства Москвы режима “одного окна”. А уже в начале 2004 г. было заявлено, что экспериментальная фаза в этом нововведении закончилась, и все столичные органы исполнительной власти и городские организации приступили к работе с обращениями граждан в режиме “одного окна”.

Но, как известно, в России “скоро только сказка сказывается, да не скоро дело делается”.

Как показал проведенный под руководством автора (по заказу Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации города Москвы) опрос 1135 москвичей из числа тех, которые в течение 2004–2005 гг. обращались в эти органы, лишь меньшинство из них в 8,61% однозначно подтвердили их переход на работу в режиме “одного окна”.

Абсолютное же большинство в 50,16% не столь категорично, и считает, что такой переход, если и имел место быть, то лишь отчасти.

Еще одна группа респондентов в 18,30% очень сомневается в том, что такой переход, хотя бы частичный, состоялся. А более одной пятой (21,53%) вообще не усмотрели в действиях властей, связанных с реакцией на обращения граждан-заявителей, даже намек на работу в режиме “одного окна”⁴.

Оценивая эти результаты, нельзя, конечно, не учитывать фактор времени: чуть более двух лет – срок явно недостаточный для того, что бы кардинальным образом изменить ситуацию в системе, которая сложилась не вчера, и основывается на традициях, идущих из глубины веков. А также “махровый консерватизм” и сопротивляемость переходу к работе в режиме “одного окна” со стороны бюрократии. Попытки “притормозить” (саботировать) процесс внедрения со ссылками на извечные трудности – нехватку средств, помещений, кадров и т.д.

И это понятно, ибо ничего хорошего, по меньшей мере, для тех из чиновников, которые привыкли извлекать “статусную ренту” из своего служебного положения, этот переход не сулит. И рано или поздно широкая река щедрых пожертвований со стороны тех, кто вынужден к ним обращаться, и не может выдержать бесконечной гонки по кабинетам, если и не “высохнет до дна”, то в любом случае существенным образом “измельчает”.

Но противниками “одного окна” выступает не только чиновники, но и паразитирующий слой прилипших к органам власти посредников-“трутней”, которые делают свой “бизнес” на том, что за определенную мзду “добывают” справки и разрешения намного быстрее, чем это можно было сделать, обратившись напрямую. При этом чиновники тоже не остаются “в накладе”, ибо получают от посредников “комиссионные за скорость”. А посему “привечают”, а не противятся этому институту. Однако в силу того, что документы, включенные в правительственный реестр для упорядочения служб “одного окна”, теперь можно будет получить только в этих службах, почва для такого “тандемного бизнеса” со временем если и не исчезнет полностью, то существенным образом сузится.

Как бы там ни было, но для укоренения системы “одного окна” в том виде, в котором

она задумана столичным правительством, когда в процессе подготовки и получения разного рода документов и справок “бегают” не москвичи, а бегают данные (по каналам интерактивной межведомственной связи), потребуется значительно больше времени, чем предполагалось. Ибо речь идет о нововведении, которое не ограничивается очередной структурной реформой и “перетряхиванием” административно-управленческого аппарата, а затрагивает глубинные пласты чиновничьей корпоративной психологии и всего того, что обуславливает образ жизни чиновничества как обособленной и привилегированной социальной страты с такими неизменными составляющими-детерминантами этого образа жизни, как приверженность устоявшемуся (рутинному) порядку вещей и неприятие перемен, особенно тех из них, которые способны основательно разрушить привычные, “круто” замешанные на личной выгоде, практики и “технологии” взаимодействия с “подвластным” населением.

Не так уж далек от истины один из респондентов, саркастически написавший на страницах анкеты: “Петру Первому в свое время легче было прорубить окно в Европу, нежели заставить чиновника отказаться от того, чтобы выступать не в роли “барина”, а в роли “слуги”. И для того, чтобы чиновник в России не “барствовал”, а действительно “служил”, всем россиянам необходимо как можно быстрее избавиться от психологии традиционно заискивающих перед ним (и унижающих свое человеческое достоинство) “челобитчиков” и обрести статус уважающих себя граждан. Заявителей, которые, обращаясь в ту или иную властную инстанцию, не просят “снизойти и войти в положение”, а корректно и настойчиво требуют то, что им положено по закону, а именно то, что чиновник обязан им предоставить по определению – в рамках своих должностных полномочий без какого бы то ни было вымогательства (явного или скрытого) “откупных” и понуканий бегать по кругу, оббивать пороги служебных кабинетов.

V

Коррупция – не частная, а исключительно сложная макросистемная проблема. И решать ее с той или иной степенью эффективности можно (и должно), прежде всего, на этом макросистемном уровне. Через кардинальное оздоровление всей среды (всей совокупности условий) жизнедеятельности, как социума, так и власть имущих, в том числе преодоление в общественном бытии этих последних клиентельных и корпоративных начал, теневых (закулисно – кулуарных) технологий и методик выработки и принятия решений, а также посредством функциональной разгрузки – избавления от сонма функций, связанных с правом разрешать или запрещать те или иные намеренные действия граждан и организаций, легитимировать и контролировать их предпринимательскую и коммерческую деятельность и т.д., перераспределив часть этих функций в пользу самоуправленческих структур гражданского общества.

Что в этой связи требуется в первую очередь, так это как можно скорее реально разделить власть и собственность. Необходимо как можно дальше отдалить от собственности (а, стало быть, и от бизнеса) чиновничество (а заодно и выборных “слуг народа”). Лишить их возможности заниматься “бизнесом на бизнесе”, то есть баснословно обогащаться за счет прямого паразитирования на гипертрофически раздутом праве “легитимации” и контроля предпринимательской деятельности, теневого (кулуарного) распределения материально-технических, информационных, природно-сырьевых и иных ресурсов, “спекулятивной торговли” государственными подрядами и заказами, квотами на добычу и экспорт морепродуктов, древесины, нефти и т.д.

Архиважно также, чтобы заработал закрепленный в Конституции РФ и в специальных нормативно-правовых актах запрет на совмещение государственной службы и депутатского мандата с коммерческой и предпринимательской деятельностью, чтобы наделенный властью чиновник или парламентарий соответствовал своему профессиональному статусу (“слуги народа”) не только номинально (формально – юридически), но и реально

(фактически). И вместо того, чтобы (как это имеет место сегодня) “крышевать” и “продвигать” собственный бизнес (или лоббировать интересы тех, кто “протолкнул” его во власть), он должен быть всецело поглощен обеспечением нормальных политико-правовых условий и гарантий для массового развития бизнеса других.

Только на этой основе реального разделения власти и собственности, превращения первой в институт, который порождает не собственность, а только гарантирует неотчуждаемое право на нее и защищает это право от любого произвольного нарушения, мы создадим в России столь необходимую для высвобождения творческого потенциала нашего народа и заложенной в нем огромной работоспособности, естественную среду. Общественную систему, в которой жизненное благополучие каждого будет зависеть не от “доброты” и “милостей” властей, а исключительно от него самого, от его делового (и трудового) усердия, желания состояться, сделать карьеру и т.д.

Только тогда мы сможем низвести “разбушевавшуюся” в стране коррупцию до уровня не опасной “хронической болезни” – болезни, которую нельзя полностью излечить, но чье присутствие в общественном организме не создает угрозы его основательного разрушения и системного “коллапса”.

Примечания

¹ Независимая газета. 2001. 7 июня.

² Муштук О.З. Современный столичный житель – групповой портрет // М.: ПУЛЬС. Комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации города Москвы. 2004. № 5 (289). С. 24.

³ Известия. 2005. 6 октября.

⁴ Муштук О.З. “Одно окно” – столичная модель административной реформы // Обозреватель–Observer. 2006. № 1. С. 38.

МАКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ XXI ВЕКА: КОНФЛИКТНОСТЬ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

В.Авксентьев,
доктор философских наук, профессор,
М.Попов,
кандидат философских наук
(Ставропольский государственный университет)

В полиэтничных обществах начала XXI в. угроза дестабилизации политических институтов и эскалации конфликтов связана во многом с кризисом макросоциальных идентичностей, энтропийными последствиями глобализации и регионализации для этнонациональных и гражданских культур, кризисом идеологии и практики национальных государств, “парадигмальными” конфликтами и войнами.

Современные радикальные вызовы “антизападных” идентичностей, реактивная мобилизация азиатско-мусульманского самосознания и конструктивное переосмысление либеральной идентичности в стремлении западных обществ к разрешению имманентного идентификационного кризиса воздвигают новые культурные и цивилизационные границы, формируя мозаичные и парадоксальные макросоциальные идентичности в глобализирующемся мире.

По словам этнофилософа В.С.Малахова, “для (пост)современных индивидов принадлежность к... сообществу – субнациональному или наднациональному – может быть важнее их принадлежности нации-государству”¹.

В периоды структурных перемен в социокультурной сфере происходят амбивалентные процессы кризиса, конфликта, стигматизации, мобилизации и возрождения макросоциальных идентичностей, определяющие векторы развития последних в новом веке. Способность к сохранению придает макросоциальной идентичности репродуктивный характер, однако кризисное, конфликтное самосознание может служить основанием ряда социокультурных трансформаций, ведущих к элиминации исходной макросоциальной идентичности.

Макросоциальная идентичность – это функционирующая динамическая единица, и ее различные типы взаимозависимы и конфликтны: цивилизационная, религиозная (конфессиональная), гражданская, социально-классовая, государственная, национальная, региональная, политическая, расовая, этническая, надэтническая (метаэтническая), наднациональная идентичности интерактивны и коррелятивны в современном социуме. Макросоциальная идентичность представляет элемент субъективной реальности и как субъективная реальность идентичность находится в диалектической взаимосвязи с обществом, формируется социальными процессами; в этом случае макросоциальная идентичность является важным элементом осознания социальной реальности.

В зависимости от того, какой идентичностью (или идентичностями, то есть множественной идентичностью) обладают человек или общность, можно с той или иной

степенью достоверности прогнозировать его социальное поведение, принимаемые и отвергаемые социокультурные нормы, принципы и стереотипы, неизбежно вступающие в конфликт, ибо актуальная макросоциальная идентичность – это осознание своей тождественности, принадлежности к автономной макросоциальной группе, признание социально значимых в данной конкретной социальной системе автостереотипов и ценностей и, одновременно, инверсионное неприятие и конфликтогенность “инаковости”. Иерархия идентификационных ценностей не является константной, она перестраивается в пространственно-временном континууме в зависимости от актуальной макросоциальной идентичности так же, как и реализуемые культурно-поведенческие модели. В этом аспекте актуальная макросоциальная идентичность является главным механизмом как структурирующим социально значимое поведение и антропосоциетальные качества человека, как нормативные в обществе, так и разрушающее их; механизмом, тесно связанным с социальными связями и отношениями. При этом конфликтная макросоциальная идентичность – это институционализируемая и символическая манифестация предмета конфликта.

В этом аспекте адекватное выявление механизмов инициации конфликта и вовлечения в него всё новых и новых участников – путь к прогнозированию и раннему предупреждению конфликтов, предотвращению их эскалации. Иногда в традиционную конфликтологическую диаду “конфликт интересов – конфликт ценностей” вводятся новые элементы, так сказать, “снизу” и “сверху”.

Таким дополнением “снизу” обычно выступают потребности как мотивы участия в конфликтах даже более фундаментальные, более “антропологичные”, чем интересы (концепция Дж.Бёртона). С другой стороны, как “надстройка” над конфликтом ценностей, как нечто ещё более всеобъемлющее, чем ценности, в 90-е годы в научный оборот, в основном в западной конфликтологической литературе, вошло понятие “конфликт идентичностей”. В концепции Бёртона эти два основания конфликта – потребности и идентичности – оказались объединёнными в одно: Бёртон рассматривает идентичность в качестве базовой потребности человека².

Конфликт идентичностей не всегда укладывается в простые познавательные схемы. Как справедливо отмечает Дж.Ротман, “одним из атрибутов конфликта идентичностей является его “неуловимость”. Другими словами, такой конфликт глубоко субъективен; соперники, оказавшиеся в конфликте идентичностей, иногда сами с большим трудом могут объяснить природу своего соперничества. Когда конфликтующие стороны описывают свои спорные проблемы в категориях истории, событий или значимости, внешнему наблюдателю может показаться, что он слышит совершенно различные рассказы. И так оно и есть на самом деле. Субъективный опыт соперников формируется специфической культурной, реальностью и историческим контекстом.

То, что одной стороне представляется как борьба за свободу, другой – как терроризм”³.

Активное включение категории “идентичность” со второй половины 90-х годов в теоретический арсенал всего спектра обществоведческих наук, а не только социальной психологии, позволяет расширить представление о мотивах человеческой деятельности. Однако категория “идентичность” ещё не обрела в отечественной конфликтологии того места, которое определяется её эвристической ценностью. Вместе с тем, именно эта категория, став категорией конфликтологии как одной из наиболее молодых и динамично развивающихся отраслей мирового и отечественного обществознания, может дополнить и конкретизировать конфликтологическое понимание российских трансформаций по нескольким направлениям:

- в изучении конфликтогенности становящейся российской идентичности при сохранении советской и постсоветской идентичностей;

- в анализе конфликтогенного характера взаимодействия общероссийской, региональной и этнополитической идентичностей как типов макросоциальной идентичности в контексте глобализации и регионализации;
- в исследовании конфликта общероссийской и этнонациональной идентичностей;
- в определении роли этнополитической идентичности в реализации концепции “этнической правосубъектности”.
- Конфликтогенность новой российской макросоциальной идентичности определяется, прежде всего, незавершённостью процесса её формирования, её неустойчивостью, а также непоследовательностью действий российской власти по формированию российской идентичности, ибо последняя, прежде всего, – политический проект. Необходимо отметить, что современная российская идентичность – это не постсоветская, переходная идентичность, во многом негативная по определению, построенная на отрицании “советскости”. Постсоветская идентичность сформировалась в первой половине 90-х годов, она по своей природе могла быть только конфликтной идентичностью и отражать период отхода от одной идентичности (“советскости”) к другой, российской. Личности с такой переходной идентичностью не могут чувствовать себя тождественными друг другу, конфликты идентичностей в такой обстановке неизбежны.

Постсоветский период российской истории закончился, оставив нам в наследство несформировавшуюся идентичность, которая соответствовала бы новому этапу развития страны. Это одна из значимых неудач реформирования российского общества 90-х годов и один из признаков того, что интеллигенция либо утратила, либо в значительной степени неспособна выполнять свои специфические для страны функции.

Социокультурная идентичность современного российского общества так и осталась постсоветской, и те явные тенденции формирования новой российской идентичности, очевидные в середине – второй половине 90-х годов, которые, как тогда представлялось, приведут к становлению современной российской идентичности, оказались незавершёнными. Даже сам термин “россияне”, который является вполне адекватным вербальным оформлением новой идентичности, стал употребляться реже.

Конфликтогенность макросоциальных общероссийской, региональной и этнополитической идентичностей в контексте культуры глобализации – один из драматических сюжетов современной российской истории. Интеллектуальной и политической элитой предлагается России два варианта развития – вхождение в мировую цивилизацию на, как стало очевидным к середине 2000-х годов, на вторых, если не на третьих ролях, или “цивилизационное одиночество”, ориентация на особую “российскую цивилизацию”, в которую, по всей видимости, войдёт ещё несколько сопредельных социокультурных пространств и в котором Россия будет сохранять лидирующие позиции.

Одновременно существуют другие векторы формирования макросоциальной идентичности – региональная идентичность, значимость которой повысилась после создания в 2000 г. федеральных округов, и этнополитическая идентичность, представляющая собой серьёзную альтернативу общероссийской и региональной идентичности.

Множественный характер макросоциальной идентичности человека – явление естественное и достаточно исследованное. Для нас важным является то, что перечисленные виды идентичностей являются конкурирующими, и если этнополитические идентичности в современной России – свершившийся факт, то общероссийская и региональные идентичности – это пока что ещё не реализованные проекты, не позволяющие современному россиянину осознать своё место в меняющемся мире.

Особую проблему приобретает формирование региональных идентичностей. Этот тип макросоциальной идентичности не является краеугольным в социокультурной ориентации человека, между тем он неоднократно в постсоветский период выступал объектом

манипуляции со стороны “этнических антрепренёров”.

Ещё один конфликтогенный аспект множественной макросоциальной идентичности – взаимодействие с идеологией глобализма, которая, на фоне преимущественно негативного отношения к нему как со стороны научно-педагогической общественности, так и массового в целом, неумолимо прокладывает дорогу в структуру идентичности современного жителя России. Этот процесс имеет и выраженные внутривнутриполитические аспекты – нарастание противоречия между несколькими успешно модернизирующимися регионами России, прежде всего Москвой и Санкт-Петербургом, и “остальной Россией”, углубление противоречия “центр – периферия”, нарастающее восприятие несправедливости такого социально-политического “фрейма”.

Конфликт общероссийской и этнонациональной идентичности, становление мощных этнополитических идентичностей и реализация концепции “этнической правосубъектности” в советский и постсоветский периоды привели к необходимости согласования двух пластов социально-политической идентичности человека – общегосударственной, надэтнической и национально-этнической, причём последняя функционирует в современном российском обществе не в социокультурном контексте, а в политико-правовом.

Этнополитические идентичности – свершившийся факт в нашей стране и не только в ней, причём в структуре социально-политических ориентаций современного россиянина – это один из важнейших компонентов. Для преодоления гипертрофированности этнополитических идентичностей в современной России (что, действительно, является актуальной задачей) на фоне отсутствия общезначимого социального проекта реанимируется идея “русской нации”, которая, видимо, по мнению авторов, и будет стимулировать становление новой современной этатистской, гражданской идентичности, в чём действительно так нуждается наше общество.

Макросоциальная гражданская идентичность представляет собой антропосоциетальную структуру самосознания, констатирующую осознание социокультурного отличия и внутреннего консолидирующего единства социальных ценностей и норм, государственно-политических символов и стереотипов поведения, диалектику общегражданских и национально-этнических отношений, определяющих место цивилизации, общности и человека в пространственно-временном континууме мировой культуры. “В любом из отношений, – пишет классик социальной антропологии А.Р.Рэдклифф-Браун, – из которых образуется социальная структура, присутствует ожидание, что некое лицо будет придерживаться определенных правил и образцов поведения”⁴.

Макросоциальная гражданская идентичность выражается в высоком уровне симметрии между объективной и субъективной реальностью. Социологи-концептуалисты П.Бергер и Т.Лукман, исследуя социопсихологический аспект феномена идентичности, оперируют понятиями “успешной социализации” и “неуспешной социализации”. “Неуспешную социализацию” необходимо понимать в терминах асимметрии субъективной и объективной реальностей, однако, “абсолютно успешная социализация антропологически невозможна”. Высокого уровня социализация может достигать в традиционных обществах с минимальным распределением знаний и простым разделением труда: в этих условиях “социализация производит социально предопределенные и в высокой степени профилированные идентичности”⁵.

Посттрадиционный либерально-западный социум, конституируя полиэтничный диалог культур, нивелирует самость в пользу “экуменической” философии вселенского мультикультурализма в атмосфере манифестного конфликта ценностей и мобилизации монокультурных идентичностей с антизападной ориентацией. Радикальные гиперидентичности, прежде всего, исламистские, являются “социально предопределенными”, интолерантными к “инаковости” и тоталитарными по своему содержанию.

Человек, обладающий конформистской идентичностью, структурированной

механизмами тотального управления социальным поведением, является индивидом с жестко заданной социально значимой интеракцией, унифицированным и подчиненным индивидом, не дифференцирующим глубинные личностные структуры. Процесс личностной идентификации всецело замещается в самосознании члена таких обществ идеологически значимыми статусными позициями “человека с истинной идентичностью” и унифицированными ролями и, в конечном итоге, растворяется в “суперпрофилированных” этнических, религиозных и этнополитических идентичностях.

Религиозный ренессанс постсоветского периода породил ряд новых явлений в России, в частности, в северокавказском регионе: появление религиозного фундаментализма и экстремизма, участие религиозных деятелей в политических и электоральных процессах, использование конфессионального фактора в целях политической мобилизации, наконец, широкое использование исламской риторики чеченскими сепаратистами, что привело к восприятию чеченского кризиса в массовом сознании в категориях межконфессионального конфликта.

Роль политизированной религиозности в северокавказском регионе усилилась к концу 90-х и в начале 2000-х годов, на фоне снижения роли политизированной этничности.

Серьезную проблему для стабильности современного российского общества представляют внутриконфессиональные противоречия, существующие как в православии, так и в исламе. Религиозный фактор может стать одним из важнейших инструментов этнополитической мобилизации на Юге России, что требует своевременного учёта новых вызовов.

Сегодня в России обращение к религии становится скорее актом макросоциальной идентификации, чем результатом духовных исканий современного россиянина.

В таком случае конфессиональный фактор, не выступая в качестве потенциального источника конфликтов сам по себе, может сыграть заметную роль в формировании базы конфликтов идентичностей.

Интерес российских граждан к религии обусловлен как мировыми тенденциями – повышением значимости конфессиональных идентичностей на фоне относительного снижения роли этнических идентичностей⁶, так и собственно российскими особенностями – массовым распространением аномалий субъектности.

В условиях непреодоленного кризиса российского социума возникает потребность в реальной или символической компенсации его последствий, нередко принимающей крайние формы – в виде религиозного фанатизма, нетерпимости и агрессии по отношению к неверующим и представителям других конфессий. И хотя вероятность конфликтов, которые с достаточной корректностью можно идентифицировать как религиозные (межконфессиональные), невелика⁷, эскалация напряженности в поликонфессиональных регионах вполне возможна, причём по различным направлениям: как внутри одной религии, между ее деноминациями или группами, так и между разными религиями или между религиозным и секулярным миром. Фундаментализм стремится установить и поддерживать основные, не подлежащие обсуждению критерии истинной религиозной идентичности.

Серьезную проблему для становления современной российской идентичности представляют новые религиозные движения, выхолащивающие внутреннюю структуру христианства и ислама и разрушающие механизмы традиционной для российского социокультурного пространства механизмы групповой и индивидуальной самоидентификации.

Таким образом, переходное состояние современного российского общества вызвало кризис макросоциальных идентичностей, проявляющийся в многочисленных конфликтах, не имеющих очевидного характера конфликта интересов. Кризис макросоциальной идентичности, вызванный распадом СССР и постепенным институциональным (но не социокультурно-семиотическим) угасанием советской идентичности, стимулировал поиск новых устойчивых межпоколенных аффилиаций и заметное повышение социального статуса тех, кто может выступить источником новых идентичностей.

В постсоветском социуме такими источниками новой идентичности выступили этнические и конфессиональные общности. В России в условиях полиэтничности и поликонфессиональности произошло соединение этих двух типов макросоциальных идентичностей, а также их наложение на сохранившиеся постимперские идентичности, связывавшие православие и его этнических носителей – русских, а также созданные ими как досоветские, так советские и постсоветские социальные институты с имперской и квазиимперской властью, с более высоким социально-политическим статусом.

Вектор социально-политических предпочтений российских граждан свидетельствует о социокультурной реставрации характерных для советской эпохи имперских макросоциальных идентификаций и эклектичном синтезе паллиативной российской идентичности и “высоко профилированной” советскости как незавершенного проекта: в постсоветский период происходит латентная кристаллизация значимых элементов советской идентичности, которые способствуют ее актуализации в будущем.

Политизированная реставрационная ностальгия в новом веке – идеологический инструмент и социальный поиск в советском прошлом стабильности, которой нет в настоящем; это утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое.

Новая российская идентичность может успешно сформироваться только на позитивной основе, в рамках позитивно окрашенной социальной картины мира.

Для этого необходим воспринятый большинством общества и обращенный в будущее социальный проект новой России, которого нет и контуры которого современная российская политическая элита лишь начала формировать. Предложенные в 2005 г. программы улучшения положения дел в социальной сфере и обозначенные “национальными проектами”, безусловно, важные сами по себе, могут претендовать не более, чем на статус программы создания социального государства и вряд ли способны обеспечить становление позитивных автостереотипов россиян. Обозначение этих программ национальными проектами существенно девальвирует саму идею национального проекта, столь необходимую для формирования современной российской идентичности. Фактически мы имеем дело с “понижающей идентификацией”⁸ результатом которой будет укрепление негативной идентичности – конфликтной, наполненной различными комплексами и фобиями.

Подлинно национальные проекты должны, прежде всего, определить место России в глобализирующемся мире через 10–15 лет и сформировать ориентиры целого поколения. Представляется, что новая российская идентичность должна:

- во-первых, отражать геополитические реалии современного мира и фиксировать желаемое место России в геополитическом устройстве мира через 15–20 лет;
- во-вторых, иметь четкие цивилизационные ориентиры;
- в-третьих, быть обращенной в будущее, а не прошлое;
- в-четвертых, иметь светский характер;
- в-пятых, быть основанной на нескольких прорывных проектах, в которых Россия теоретически может стать мировым лидером.

Лишь в 2006 г. появились явные признаки готовности политической элиты к выработке таких идентификационных проектов.

Специфика отечественной культуры заключается в том, что общество нуждается в макросоциальных и макрополитических проектах, которыми насыщена наша история. Мы не единственные в этом роде, но в то же время далеко не все национальные культуры предполагают такие построения. Российская – предполагает.

Примечания

¹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005. С. 308.

² Burton J. Conflict Resolution: Its Language and Processes. Lanham, Md, & London, 1996.

³ Rothman J. Resolving Identity-Based Conflicts. San Francisco, 1997. P. 35.

⁴ Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии / Пер. с англ. М.: “Канон-пресс-Ц”, “Кучково поле”, 2001. С. 271.

⁵ Психология самосознания. Самара: Издательский дом “Бахрах-М”, 2003. С. 567–568.

⁶ Россия и мир в 2020 году. М.: Изд-во “Европа”, 2005. С. 9.

⁷ Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю., Шнюков В.В. Исследование конфликтного и деструктивного потенциала религиозной сферы Ставропольского края: постановка проблемы и предварительные результаты исследовательского проекта // Вестник отдела социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН. 2005. № 1. С. 37–51.

⁸ Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 285.

СЕМЬ УГРОЗ РОСПУСКА ДУМЫ (1994–2005 гг.)

С.Обухов,
кандидат экономических наук

В условиях общественной трансформации, которую переживает Россия последние два десятилетия, пожалуй, ни одна из структур высшей государственной власти не вызывала столь различные, а часто диаметрально противоположные мнения о себе, как представительные, законодательные органы.

Столетний юбилей созыва Первой Государственной Думы вновь всколыхнул интерес к парламентаризму, оживил споры о жизнеспособности и перспективности этого института в российских условиях. И хотя на официальном уровне можно услышать заключения о том, что “нам удалось преодолеть синдром недоверия к парламентаризму”¹, социологические данные не столь оптимистичны: относительное большинство граждан (35%) заявили, что “в современной России без парламента можно обойтись”².

Конституция 1993 г. наделила президента правом досрочного прекращения полномочий Государственной Думы, увязав это с процедурами вотума доверия или недоверия правительству и согласия на назначение председателя правительства. Вместе с тем развитие политической борьбы в 1993–2005 гг. вносило в повестку общественных дискуссий проблему роспуска Государственной Думы не только по конституционно-правовым основаниям.

Не только насильственный роспуск Съезда и Верховного Совета в сентябре-октябре 1993 г., но и кампания по выборам в парламент при фактическом отсутствии Конституции и легитимных оснований для его функционирования (октябрь-декабрь 1993 г.) не могли не повлиять на восприятие населением института парламентаризма. И в послеоктябрьские дни 1993 г., и даже после начала работы Госдумы и Совета Федерации шла активная дискуссия о том, есть ли у парламента перспективы в России?

Для одних, включая Председателя первой Госдумы И.П.Рыбкина, весьма животрепещущим был вопрос: возможен ли вообще парламентаризм на российской почве?

У других имелся и давно категоричный ответ, причем в иной плоскости: “Он не для нас... наиболее подходящим для России считаю вариант беспарламентской демократии”³.

Для третьих, как показал референдум по проекту социалистической Конституции РСФСР, неоспоримой оставалась ценность народовластия в форме Советов.

В ноябре 1993 г. Институтом социологии парламентаризма Н.Бетанели был проведен опрос.

Вопрос был сформулирован так: Не имеет ли смысл “год – два обойтись без парламента”?

Спустя месяц после октябрьского расстрела Верховного Совета, согласие выразили только 30% россиян. Тогда как 39 – отвергли такую возможность, а еще 31% предпочел отмолчаться, что в условиях тех дней вполне можно было квалифицировать как скрытое несогласие⁴.

В референдуме и выборах депутатов Государственной Думы РФ 12 декабря 1993 г. по официальным, хотя и до сих пор оспариваемым в научной литературе данным, приняли участие 54,8% избирателей.

Этот показатель можно интерпретировать как общественную базу легитимности новых представительных органов власти в постоктябрьской Российской Федерации.

В целом же за анализируемый период деятельности Государственной Думы (с 1994 по 2005 г.) можно выделить 18 случаев, когда возникала потенциальная возможность досрочного прекращения её деятельности. Причем в 7 из них вероятность такого развития политического процесса можно оценить как высокую, в трех случаях как среднюю, а в 8 – как минимальную.

К “формально-угрожающим” роспуском Думы событиям следует, в частности, отнести:

- первую попытку вынесения вотума недоверия правительству В.С.Черномырдина (октябрь 1994 г.);
- голосование по кандидатуре В.С.Черномырдина, представленного президентом на пост Председателя Правительства (август 1996 г.) сразу после победы Б.Н.Ельцина на выборах главы государства;
- голосования по кандидатурам С.В.Степашина и В.В.Путина, представленных президентом на пост Председателя Правительства (соответственно, май и август 1999 г.), после неудачи процедуры отрешения Б.Н.Ельцина от должности и др.

Реальная возможность досрочного роспуска президентом нижней палаты возникала, по нашим оценкам, 7 раз. Поэтому анализ отношения общественного мнения к возможности остаться без парламента в эти критические периоды позволяет понять, каким образом национальный менталитет пережил такую ценностную трансформацию: от решительного несогласия с тезисом на какое-то время “обойтись без парламента” (1993 г.) до принятия мнения о ненужности этого политического института (2005 г.).

Первая зримая угроза досрочного прекращения полномочий Госдумы возникла в связи с объявлением вотума недоверия правительству Черномырдина в июне-июле 1995 г.*.

Дума 21 июня 1995 г. первый и последний раз за свою историю вынесла вотум недоверия правительству, с которым не согласился президент. Во втором случае, как требует конституционно прописанная процедура, голосование 1 июля 1995 г., которое должно было повлечь либо отставку кабинета, либо роспуск Думы, по постановлению о вотуме недоверия правительству не набрало необходимого количества голосов.

Столкновение Думы и правительства вызывало значительный интерес.

По данным опроса жителей Москвы и Санкт-Петербурга, проведенного Независимой аналитической службой, только пятая часть москвичей и петербуржцев не были осведомлены о коллизии, которая могла завершиться прекращением деятельности одного из властных институтов.

Половина тех, кто знал о предстоящем решающем голосовании в Думе, считала, что большинство депутатов выскажутся за доверие правительству, а 31% были уверены в обратном⁵.

Августовское исследование 1995 г., проведенное РНИСиНП после двукратной постановки вопроса о недоверии правительству, показало противоречивое отношение граждан к парламентскому институту.

С одной стороны, 73,1% граждан заявляли, что “демократические процедуры – выборы, парламент, свобода печати – пустая видимость. Все равно нами управляют те, у кого больше богатства и власти” (противоположного мнения придерживалось 13,3%).

С другой – только 18,1% опрошенных соглашались на приостановление деятельности парламента “на переходный период”, тогда как 50,5 – были против.

Особенно поражало, высокая степень поддержки идеи приостановления деятельности

парламента была среди избирателей партий, идентифицирующих себя как демократические⁶.

Как видно, объявляя новый российский парламентаризм в числе других демократических институтов видимостью, все-таки абсолютное большинство граждан выступали за его сохранение, даже в таком ущемленном виде.

Вторая реальная угроза роспуска Государственной Думы, причем по основаниям, лежащим вне конституционного поля, возникла в марте 1996 г.

Тогда фракция КПРФ и союзники сумели привлечь на свою сторону депутатов от ЛДПР и провести постановление “Об углублении интеграции народов, объединившихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. “О денонсации Договора об образовании СССР”⁷.

В Администрации президента тщательно отслеживали прохождение в парламенте инициативы оппозиции о денонсации Беловежских соглашений, рассчитывая обернуть это решение против “коммунистической” Думы. Сам президент Б.Н.Ельцин начал антипарламентскую кампанию, внушая общественности, что тем самым предпринята “попытка ликвидировать нашу государственность”, поставить “под сомнение легитимность государственных органов, в том числе ныне действующей Государственной Думы”⁸. В итоге, по признанию помощников Б.Н.Ельцина, эта антидумская кампания в СМИ стала “самой эффективной из числа когда-либо организованных Кремлем”⁹.

В литературе довольно подробно описана попытка Б.Н.Ельцина и его силового окружения, используя в качестве повода постановление Думы о денонсации Беловежских соглашений, распустить ее и перенести президентские выборы.

“Президент был сильно рассержен и решил, что Думу надо распустить, компартию закрыть и так далее, – заявлял позднее Г.В.Сатаров, в то время помощник президента. – Конституционных оснований к тому не было... В конце концов он передумал”¹⁰.

Но хотя в 1996 г. Б.Н.Ельцин “отказался от своей последней за десятилетнее правление попытки силовых действий по отношению к законодательной власти”⁹, это имело для него определенные последствия в общественном мнении.

Апрельское исследование 1996 г., проведенное РНИСиНП и выяснявшее влияние на электорат ключевых политических поры, показало: события вокруг постановления Думы о пересмотре Беловежских соглашений, по мнению 20,6% избирателей, повлияло в пользу лидера оппозиции Г.А.Зюганова, а с точки зрения 15,0 – в пользу Б.Н.Ельцина⁶.

Попытка нелегитимного роспуска Госдумы в марте 1996 г. осталась без подробного анализа с точки зрения общественного восприятия, так как это событие приходилось на разгар президентской кампании и противостояния Ельцин–Зюганов. А в рамках доминировавшей тогда тенденции не выпячивать фактов и общественных реакций, неблагоприятных для Б.Н.Ельцина, эта “невыйгрышная” для власти тема осталась в тени исследовательского внимания.

СМИ во время президентской кампании распространяли, например, такие данные опроса россиян, проведенного ВЦИОМ 22–27 марта 1996 г., по общенациональной выборке, представляющей взрослое население страны.

Решение Государственной Думы о денонсации Беловежских соглашений “безусловно, положительно” и “скорее положительно” оценивали 30% россиян, а “безусловно, отрицательно” – 19.

При этом затруднились ответить 30% респондентов.

На вопрос: “Поддержали бы Вы решение о переносе президентских выборов из-за принятия Думой постановления об отмене Беловежских соглашений?” – 9% опрошенных ответили утвердительно, не поддержали бы – 55.

Заявили: “Меня это не интересует” – 13 и затруднились ответить 23%^{**}.

Как видно, планировавшееся в Кремле решение о переносе президентских выборов и роспуске Госдумы, по крайней мере, в части отмены выборов, не имело сколь-либо значимой базы общественной поддержки.

Вместе с тем проблема возможного роспуска оппозиционной Б.Н.Ельцину Государственной Думы не уходила из сферы внимания аналитических структур, работавших с Администрацией президента.

В 1997 г. возникла третья “внештатная” политическая ситуация, способная остро поставить вопрос о досрочном прекращении полномочий Думы.

Тогда три оппозиционных депутатских объединения (КПРФ, Аграрная депутатская группа и группа “Народовластие”) поставили в сентябре 1997 г. вопрос о вотуме недоверия правительству В.С.Черномырдина.

Следует отметить, что до попытки вынесения вотума недоверия мониторинг проблемы общественной поддержки сценария досрочного роспуска парламента активно велся, например, Фондом “Общественное мнение” (ФОМ). Данные его исследований 1997 г. указывали на неприемлемость для массового восприятия роспуска президентом оппозиционной Госдумы.

Так, по сравнению с маем 1997 г. к концу сентября существенно уменьшилась (с 34 до 25%) доля тех, кто хотел бы роспуска Думы. Соответственно, увеличилась (с 45 до 52) и доля, не одобряющих такой ход событий.

Исследования ФОМ 1997 г. свидетельствовали: общество, измученное встряской и мобилизацией 1996 г., хотело снижения накала политического противоборства “партии власти” и оппозиции.

Отражением этого в массовом сознании стало уменьшение по сравнению с маем (с 46 до 38%) удельного веса тех, кто хотел, чтобы Дума объявила о недоверии правительству.

Больше россиян стали считать, что Думе не следует идти на конфронтацию с правительством (29% – в мае, 39 – в конце сентября).

Абсолютное большинство опрошенных в 1997 г. (65%) придерживались мнения, что Дума должна быть нацелена на конструктивную работу с президентом и правительством, искать компромиссы.

Мнение, что Думе следует жестко стоять на своих позициях даже ценой обострения отношений с исполнительной властью – высказывалось в три раза реже (21%)¹¹.

Проведенное в связи с постановкой на голосование (октябрь 1997 г.), инициативы КПРФ и ее союзников исследование ФОМ общественного восприятия гипотетической острой фазы конфликта: дилеммы распускать Думу или отправлять в отставку правительство – показало, что россияне с небольшим преимуществом выступали за сохранение Думы. За роспуск высказывалось меньшинство – 30% граждан¹².

Острое столкновение парламента и исполнительной власти было предотвращено после личного обращения президента Б.Н.Ельцина к оппозиции через спикера-коммуниста Г.Н.Селезнева. Как показывали исследования, мало того что граждане выражали большее желание пожертвовать правительством, чем Думой, и вероятный расклад голосов в гипотетическом новом парламенте был ничуть не лучше, чем в действовавшем.

Сравнение с данными декабрьского опроса ФОМ 1995 г. свидетельствовало о том, что, если новые выборы в Думу все же состоялись бы в октябре 1997 г., то ее состав мало изменился бы.

Сохранили или несколько увеличили бы свой электорат КПРФ (21 против 19% в опросе конца 1995 г.), “Яблоко” (10 и 7, соответственно), “Наш дом – Россия” (8% тогда и теперь), “Женщины России” (5 и 4%). Существенно уменьшился бы электорат ЛДПР (2% против 8), а “Демократический выбор России” набрал бы 2% (против 4-х в опросе 1995 г.).

Из новых партий и движений Народно-республиканскую партию, возглавляемую А.Лебедем, были бы готовы поддержать на выборах 7% россиян, а движение Л.Рохлина “В поддержку армии” – 113.

Естественно, все эти данные стимулировали Б.Ельцина к поиску компромисса с оппозиционным парламентом. Но в общественном мнении отношении Думы и Президента воспринимались исключительно как конфликтные (62% мнений)¹³.

В 1998 г. во взаимоотношениях президента и парламента были два критических

периода, когда развитие политического процесса грозило дестабилизацией общественно-политической ситуации.

Это было связано с трехкратным внесением Б.Н.Ельциным в Думу на согласование кандидатуры С.В.Кириенко на пост Председателя Правительства (апрель 1998 г.) и двукратным (август–сентябрь того же года), внесением кандидатуры В.С.Черномырдина, который стал и.о. премьер-министра после отставки С.В.Кириенко, признанного ответственным за августовский дефолт.

Мониторинг ФОМ в связи с думско-правительственным кризисом апреля 1998 г. выявил довольно противоречивую реакцию общественного сознания на “продавливание” президентом Б.Н.Ельциным через Думу кандидатуры С.В.Кириенко и возможность ее роспуска в случае непринятия президентской кандидатуры.

Например, выяснилось, что примерно 16% электората поразило “раздвоение личности”: столь значительная часть наших сограждан, выступивших за утверждение С.Кириенко, вместе с тем одобряли двукратное отклонение его кандидатуры депутатским корпусом. Аналитический разбор возможных версий такого поведения значительной части избирательского корпуса привел аналитиков ФОМ к выводу: иррациональная позиция избирателей “обусловлена по преимуществу желанием немного попортить кровь инициатору всей этой истории – президенту, рефлексивной готовностью поддержать любого, кто перечит власти, независимо от согласия или несогласия с ним”¹⁴.

Правильно говоря об источниках иррациональной позиции избирателей, исследователи ФОМ, тем не менее, не объясняли, из-за чего возникало желание “попортить кровь” президенту. А оно явно проистекало из фактора негативного общественного консенсуса, сформированного к тому времени вокруг Б.Н.Ельцина.

Например, феномен негативного консенсуса в отношении Б.Н.Ельцина проявлялся не только в неприятии его попыток получить формально-правовые основания для досрочного прекращения полномочий Думы или продавливания через оппозиционный парламент своих кадровых решений. Тот же ФОМ уже с 1997 г. давал неутешительные ответы на запросы окружения Ельцина о возможности его третьего выдвижения на пост президента.

Например, две трети опрошенных (65%), по данным середины октября 1997 г., отрицательно восприняли бы известие об участии Б.Ельцина в предвыборной борьбе 2000 г. (в том числе 42% – “безусловно отрицательно”). Положительно отнеслись бы к этому 13% респондентов (причем “безусловно положительно” – только 6)¹⁵.

После августовского 1998 г. дефолта, когда финансово-хозяйственная система страны колапсировала, президент отправил в отставку отработавшее всего несколько месяцев правительство Кириенко. Исполняющим обязанности премьер-министра был назначен В.С.Черномырдин, возвращению которого в Дом правительства активно противилась оппозиционная Дума.

Исследование ФОМ в сентябре 1998 г. показывало некоторое преобладание мнений не утверждать кандидатуру В.С.Черномырдина (37 против 35%), что было сопряжено с неизбежным роспуском Думы¹⁶.

Но политический риск роспуска Думы в условиях наивысшей фазы общественного кризиса был явным. Тем более что и население в тот период пребывало во власти страхов и растерянности. Видимо, поэтому, в отличие от “казуса Кириенко”, президент не решился третий раз поставить на голосование в Думе кандидатуру В.С.Черномырдина, а предложил выдвинутого “Яблоком” министра иностранных дел Е.М.Примакова. Дума конституционным большинством утвердила эту кандидатуру. И благодаря этому одна из самых реальных за всю историю парламента угроз его досрочного роспуска не осуществилась.

Назначение Е.Примакова премьер-министром было воспринято подавляющим большинством россиян позитивно. Главным образом потому, что думско-правительственный кризис завершился компромиссом, и пост главы Правительства получил не В.Черномырдин. Завершение этого кризиса смягчило психологический шок, вызванный

другим – финансовым.

Почти консенсусное утверждение премьер-министром Примакова и формирование фактически коалиционного правительства думского большинства, в которое вошли члены КПРФ, “Яблока”, НДР, на фоне усиления общественного недоверия президенту породило широкую поддержку идеи если и не возвращения к принципам парламентской республики, то серьезного ограничения его полномочий.

Идея о радикальном их перераспределении между президентом и парламентом в пользу последнего поддерживалась в тот период относительным большинством российских граждан: 42% соглашались, что основная власть должна принадлежать парламенту, и только 32% – президенту.

При этом конкретные предложения о передаче законодателям функций, связанных с формированием кабинета, комплектованием высших судебных инстанций и особенно – с контролем над использованием вооруженных сил, встречали одобрение абсолютного большинства опрошенных (от 50 до 68 %) ¹⁷.

Сходные изменения настроений на примере образа будущего парламента, который бытовал в общественном мнении в конце второй легислатуры, выявил опрос ЦИПКР (март 1999 г.).

Двойственный, а часто и открыто негативный образ парламента, сформированный трудами подконтрольных исполнительной власти СМИ, накладывал отпечаток на ожидания населения. Например, вновь избранная Дума, как была, так и останется “пустой говорильней и чисто декоративным органом”, за фасадом которого весьма вольготно будет и дальше чувствовать себя реально правящая страной “партия власти” – такое мнение в начале 1999 г. разделяли двое из каждых пяти россиян (табл.1). Его традиционность для бытующих в обществе настроений сохранялась.

Впрочем, немногим меньшая доля населения (в совокупности до 40%) уже смогла перешагнуть через застарелый скепсис и ожидала от будущего парламента и более решительной оппозиционности Б.Н.Ельцину, и возвращения себе “исконной роли верховной власти в стране”. Все это создавало для Думы и действующих в ней сил серьезный шанс на завоевание если и не полной морально-политической гегемонии, то весомой авторитетности в российском обществе.

Период деятельности парламента после дефолта 1998 г. и функционирования коалиционного правительства Е.М.Примакова можно с полным основанием охарактеризовать как восстановление её общественной значимости и “обкатку” принципиально иного механизма функционирования политической системы. Формально действовали все прежние правовые акты и процедуры, но фактически президент как главный виновник, в глазах общества, кризиса (август 1998 г.) отошел в сторону и наблюдал за деятельностью и инициативами Думы и правительства Е.М.Примакова.

Исследования ЦИПКР, проведенные после дефолта и деятельности коалиционного правительства Е.М.Примакова, свидетельствовали: более или менее позитивное отношение к Думе возникло из-за реакции населения на августовский “обвал” 1998 г. и позитивных надежд, которые вызывало правительство думского большинства. И, что особенно важно, благодаря четкой и почти единодушно осуждающей политику президента реакции большинства депутатов. Во всяком случае, более половины россиян согласились с мнением, что значение Государственной Думы в обществе (а значит, и в их глазах) после событий августа 1998 года заметно выросло.

Таблица 1

Вопрос: Какой, как Вам кажется, будет вновь избранная в декабре 1999 г. Государственная Дума? (1999 г.)

Мнение	%
Вновь избранный парламент станет активно и успешно сотрудничать с президентом Ельциным и его правительством, поддерживая их действия и начинания; в стране воцарятся согласие, мир, созидание	3
Обстановка ухудшится, и новый парламент окажется еще оппозиционнее	24
Так как парламент, станет еще оппозиционнее, чем нынешняя Дума, он будет разогнан с еще большей, чем в 1993 г., жестокостью	2
Объединив свои силы, оппозиционные государственные партии и блоки в парламенте полностью возьмут верх и смогут вернуть этому законодательному органу исконную роль верховной власти в стране	17
Новый парламент останется такой же пустой говорильней, как и все прежние	44
Это будет чисто декоративный орган, прикрывающий процесс установления авторитарной власти в стране	6
Иное	14

Источник: ЦИПКР. ОРП99-1. Опрос на базе репрезентативной "панельной" выборки в 1500 респондентов. 76 субъектов РФ (март 1999 г.). Погрешность 3,8% // Политическая социология. Массовые настроения на переломе веков. 1998–2003. М.: Русский летописец, 2003. С. 16–17.

Можно утверждать, что оппозиционное думское большинство смогло сдержать накат антипарламентских настроений, которые были инициированы Кремлем еще в 1993 г. и вновь усилились в 1996 г., когда после денонсации Думой Беловежских соглашений (март), Ельцин предпринимал попытки очередного разгона высшего законодательного органа власти. Несмотря на все, уничижающие народное представительство, образы, которые "гуляли" по страницам СМИ, утверждения типа: "Россия проживет без парламента!" – отклик на такого рода внушения оказался весьма неожиданным для тех, кто "ставил на удущение" российского парламентаризма¹⁸.

"Лучше иметь такой несовершенный парламент, чем не иметь вообще никакого"; "Без парламента никак нельзя – страна скатится к диктатуре" – с такой точкой зрения согласились более половины россиян.

И "если уж говорить о том, что нынешняя Дума никуда не годится, то не вообще, а именно в том виде, что навязал стране президент по своей "танковой" Конституции" образца 1993 г.". Данное мнение разделяли две пятых опрошенных, при этом утверждая, что парламент у нас должен быть, как на Западе, – полномостным и влиятельным.

И только мизерная доля граждан (1 из 16) готова была поддержать "погромные" в отношении Думы поползновения – мол, никакой парламент на Руси в принципе не нужен.

Вынесение обвинений Государственной Думой президенту Ельцину в рамках процедуры отрешения его от должности породили в стране очередной кризис, который мог завершиться роспуском парламента. Это была шестая остро конфликтная ситуация в его взаимоотношениях с президентом.

Но закончилась она не досрочным прекращением полномочий Думы и не импичментом, а тем, что Б.Н.Ельцин отправил "в наказание" парламента в отставку популярное правительство думского большинства во главе с Е.М.Примаковым.

Исследование ФОМ (апрель 1999 г.), когда в Администрации президента просчитывали различные варианты реагирования на процедуру отрешения Б.Н.Ельцина, показало, что на фоне доминирующего равнодушия к судьбе Думы (38% граждан заявляли, что им безразлично любое решение президента относительно судьбы парламента), все же большинство (28) заявляли: роспуск Госдумы и досрочные выборы их огорчат.

О том, что такое решение их обрадует, говорили 20% в опрошенных. Если эмоциональный фон гипотетического решения о роспуске Думы был более безразличным, то на уровне народного прогноза почти две трети граждан (61%) не соглашались с досрочной отставкой Думы, которая могла последовать на этапе завершения процесса вынесения парламентских обвинений Б.Н.Ельцину (соглашались с такой перспективой лишь 16 %) ¹⁹.

Следует отметить, что Государственная Дума в вопросе об импичменте президенту в мае 1999 г. не оправдала народных ожиданий. Сопоставление данных социологических опросов различных служб по поддержке населением пунктов обвинения Б.Н.Ельцина и реальных итогов голосования в Думе подтверждают этот вывод (табл. 2). В общественном мнении страны, как показали опросы ВЦИОМ, ФОМ, ЦИПКР, сформировалось твердое убеждение в его виновности по всем пунктам инкриминированных обвинений.

Таблица 2

Результаты голосования в Думе по выдвижению обвинений президенту Б.Н.Ельцину и “народный импичмент” Б.Н.Ельцину

% от числа опрошенных

Обвинения Б.Н.Ельцину	Результаты голосования в Госдуме (май 1999 г.)	Считали обоснованными обвинения Б.Н.Ельцину			
		Депутаты Госдумы	ВЦИОМ	ФОМ	ЦИПКР
Ответственность за разрушение СССР, подписание Беловежских соглашений	“за” – 241 чел., “против” – 77, “недействительно” – 13, “не взяли бюллетени” – 91, “не вернули бюллетени” – 18	55	64	72	63
Ответственность за расстрел парламента (октябрь 1993 г.)	“за” – 263 чел., “против” – 60, “недействительно” – 8, “не взяли бюллетени” – 91, “не вернули бюллетени” – 18	60	62	73	67
Ответственность за развязывание войны в Чечне	“за” – 284 чел., “против” – 43, “недействительно” – 4, “не взяли бюллетени” – 9, “не вернули бюллетени” – 18	65	76	87	83
Ответственность за развал Вооруженных сил и разрушение оборонной промышленности	“за” – 241 чел., “против” – 78, “недействительно” – 14, “не взяли бюллетени” – 91, “не вернули бюллетени” – 16	55	72	80	68
Ответственность за геноцид русского, других российских народов	“за” – 237 чел., “против” – 89, “недействительно” – 8, “не взяли бюллетени” – 91, “не вернули бюллетени” – 15	54	64	67	56

Источники: Стенограммы заседаний. Бюллетень/ГД ФС РФ. 1999. № 259 (401). Ч. 1. С. 2, 4–46; № 259 (401). Ч. 2. С. 2–47; № 260 (402). Ч. 1. С. 2, 5–47; № 260 (402). Ч. 2. С. 2–31; № 261 (403). С. 2, 5–63;

ВЦИОМ. Всероссийский репрезентативный опрос. 1999. Март // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 53;

Фонд “Общественное мнение”. <http://bd.fom.ru/report/map/d011022>.

ЦИПКР. Июль 1999 г. // Политическая социология. Массовые настроения на переломе веков. 1998–2003 гг. М.: Русский летописец. 2003. С. 30.

Как видно по опросам всех трех центров, практически более двух третей населения России полагали, что Б.Н.Ельцин виновен в развале армии и оборонной промышленности, а

четыре пятых – в развязывании войны в Чечне.

Два центра из трех показали, что более двух третей граждан считали его ответственным за расстрел парламента в октябре 1993 г.

Виновным в расчленении СССР и проведении государственной политики, направленной на геноцид русского, всех российских народов, называли от 56 до 72% россиян (в зависимости от опроса).

Естественно, что большинство российских граждан оказались недовольны исходом борьбы вокруг импичмента в Госдуме и поведением части своих избранников.

О неудовлетворенности результатами голосования депутатов заявили 62% россиян. При этом 17 – были удовлетворены, а 12 – говорили о своем безразличии к проблеме. Примерно в той же пропорции распределились мнения граждан о необходимости досрочной добровольной отставки президента Б.Н.Ельцина в связи с результатами голосования в Думе.

По пунктам обвинения голосование началось в условиях, когда президент отправил в отставку популярное правительство Е.М.Примакова. И это способствовало радикализации общественных настроений.

Еще в середине апреля 47% российских граждан полагали, что Дума должна, “исходя из сегодняшних интересов России”, приступить к процедуре импичмента, а 40 – считали, что законодатели не должны этого делать.

При постановке вопроса об импичменте доля его сторонников увеличилась более чем на треть.

Таким образом, дестабилизировав политическую ситуацию отставкой правительства, президент оказал существенную “услугу” инициаторам импичмента²⁰.

Да, думская оппозиция получила в массовом восприятии необходимые политические дивиденды. Но их эффект явно оказался краткосрочным.

Вместе с тем, решение Б.Н.Ельцина отставить правительство Е.М.Примакова развязало президенту руки в поисках преемника и в значительной степени повлияло на снижение оппозиционного “градуса” в поведении парламента. Ведь до конца легислатуры оставалось чуть более полугодия, и лидеры думской оппозиции, видимо, считали, что нет больше необходимости идти на обострение отношений с президентом в его “экспериментах” – с назначением председателями правительства С.В.Степашина, а затем В.В.Путина. Ведь в случае роспуска Думы из-за неутверждения новых премьер-министров выборную кампанию пришлось бы вести в экстремальных условиях, не имея думского ресурса и в более скоротечном варианте.

Президенту же эта временная отсрочка выборного столкновения была еще более выгодна. Как оказалось, с В.В.Путиным президент “попал в десятку”, предложив обществу преемника, хорошо проявившего себя в условиях общественного шока от взрывов домов в российских городах и начавшего успешно вторую чеченскую войну. Именно вокруг него и удалось собрать очередную думскую ипостась “партии власти” в лице движения “Единство” (“Медведь”).

Последовавшие, уже при президентстве В.В.Путина, голосования по назначению премьер-министрами М.М.Касьянова и М.Е.Фрадкова, а также инициативы о вотуме недоверия, проходили уже в условиях более благоприятного для “партии власти” соотношения партийно-политических сил. Поэтому теоретическая возможность развития этих парламентских процедур в думско-правительственный кризис, способный спровоцировать роспуск законодательного органа власти, была гораздо ниже в условиях третьей легислатуры (2000–2003 гг.) и вообще минимальной в условиях четвертой (2004–2005 гг.).

Вместе с тем, в условиях абсолютного доминирования партии власти в лице “Единой России” в Думе 4-го созыва при отсутствии политических угроз парламенту со стороны института президентства возникла другая опасность стабильному функционированию

депутатского корпуса.

Острая ситуация общественного кризиса в январе-марте 2005 г., когда сотни тысяч граждан вышли на акции протеста против принятого Думой монетизационного закона (ФЗ-122).

И здесь одним из самых активно продвигаемых политических требований была отставка Госдумы, хотя одновременно выдвигались инициативы отставки президента и его правительства.

На пике монетизационного общественного кризиса (начало 2005 г.) требование досрочного роспуска Думы разделялось относительным большинством граждан – двое из каждых пяти (37%).

Категоричных противников роспуска было в два с половиной раза меньше. Хотя осторожную позицию: мол, о досрочном роспуске Думы говорить еще рано – занимал каждый пятый россиянин²¹.

В целом, как и в большинстве ранее проведенных исследований (1995–2001 гг.), соотношение сторонников и противников досрочного роспуска парламента было сопоставимым. Но досрочный роспуск парламента – это конституционная процедура.

На этом фоне аналогичная степень поддержки идей отказа от института парламентаризма вряд ли может быть объяснена только возможным непониманием необходимости и важности народного представительства.

Поэтому исследование ФОМ (октябрь 2005 г.) в связи со столетием созыва Первой Государственной Думы показало схожую, но гораздо более угрожающую для эффективного функционирования политической системы ситуацию: относительное большинство современных россиян (35%) заявили, что “в современной России без парламента можно обойтись”²². Но если в условиях кризиса конца 1993 г. такого мнения придерживалось 30% граждан и это мнение было отнюдь не преобладающим, то в условиях видимой общественной стабильности доминирование антипарламентских настроений весьма тревожно.

Такая ситуация ставит высший законодательный орган страны в крайне уязвимое положение. Спорная легитимность нынешнего российского парламента является “ахиллесовой пятой” всей системы государственной власти, сложившейся после крушения СССР.

Примечания

¹ Морозов О. Российский парламент – демократическое зеркало страны. Выступление на конференции председателей парламентах ПАСЕ (Таллинн 1 июня 2006) // <http://www.annews.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=44962>

² Фонд “Общественное мнение”. Всероссийский опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. (1500 респондентов: дополнительный опрос населения Москвы – 600 респондентов). 15–16 октября 2005 г. Статистическая погрешность не превышает 3,6%)

// http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0542/domt0542_3/tb054212

³ Куранты. 1993. 1 декабря.

⁴ Аргументы и факты: 1993. № 45.

⁵ ИТАР-ТАСС. 1995. 30 июня.

⁶ Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: социологический анализ. М.: РОССПЭН, 2003. С. 116–117, 147. (Опрошено 2000 респондентов в 12 территориально-экономических районах страны, а также в г. Москве. Август 1995 г.).

⁷ Собрание Законодательства РФ. 1996. №1 ЗБ. Ст. 1274. С. 3153.

⁸ Российская газета. 1996. 19 марта.

⁹ Батурин Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф. и др. Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001. С. 558, 563.

¹⁰ <http://www.temadnya.ru/interview/14mar2001/313.html>.

¹¹ Фонд “Общественное мнение”. 24 мая, 27 сентября 1997 г. // http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/finfo1996/742_1578/of19963903.

¹² Фонд “Общественное мнение”. 29 октября 1997 г. // <http://bd.fom.ru/report/map/t8029411>.

¹³ Фонд “Общественное мнение”. 23 декабря 1995 и 24 мая, 27 сентября, 11 октября 1997 г. // <http://bd.fom.ru/report/map/t8029411>.

¹⁴ Фонд “Общественное мнение”. 14 марта 1998 г. // http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/finfo1998/621_12163/of19981202.

¹⁵ Кертман Г.Л. Вердикт избирателей – в пользу Сергея Кириенко // База данных ФОМ. 1998. 19 апреля. // <http://bd.fom.ru/report/map/articles/kertman/o835101>.

¹⁶ Фонд “Общественное мнение”. 18 октября 1997 г. // http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/finfo1997/651_12443/of19974301.

¹⁷ Фонд “Общественное мнение”. 9 сентября 1998 г. // <http://bd.fom.ru/report/map/t8040102>.

¹⁸ Кертман Г.Л. К парламентской республике? // База данных ФОМ. 1998. 27 сентября. // <http://bd.fom.ru/report/map/articles/kertman/o841001>.

¹⁹ ЦИПКР. ОРП99-2. Июль 1999 // Политическая социология. Массовые настроения на переломе веков. 1998–2003 гг. М.: Русский летописец. 2003. С. 36–37.

²⁰ Фонд “Общественное мнение”. 24–25 апреля 1999 г. // <http://bd.fom.ru/report/map/t904508>; <http://bd.fom.ru/report/map/t904507>; <http://bd.fom.ru/report/map/o904601>.

²¹ Кертман Г.Л. Постскриптум к импичменту // База данных ФОМ. 1999. 2 июня. // <http://bd.fom.ru/report/map/articles/kertman/o905001>.

²² ЦИПКР. Февраль 2005 г.

* Собственно первая в Государственной Думе попытка вынесения вотума недоверия состоялась в сентябре 1994 г., но так как в течение первого года деятельности парламента президент не имеет права на ее роспуск, то, несмотря на неудачу, эта процедура не вызывала у общественности интереса к проблеме досрочного прекращения работы парламента.

** По данным социологов, подавляющее большинство россияне не считали восстановление СССР первостепенной задачей // Агентство “РИА-Новости”. 1996. 1 апреля; Мнения россиян по поводу восстановления СССР расходятся // Агентство “Эхо Москвы”. 1996. 30 марта.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

С.Иванова,
доктор философских наук, профессор
(Ставропольский государственный университет)

Значительное количество этнических конфликтов на территории Российской Федерации с момента её возникновения как суверенного государства в 1991 г. было обусловлено как политическими, так и экономическими причинами. Пробуждающееся национальное самосознание представителей этносов, имеющих этническую родину на территории России, во многом обуславливает рост социальной, политической активности людей и радикальный перелом в массовом сознании различных этнических групп, стремящихся опереться на свои культурно-исторические корни, утвердить свою национальную идентичность.

В то же время либеральные реформы, перманентно осуществляемые с 1992 г., не смогли обеспечить быстрый экономический рывок России.

В условиях системного кризиса российской экономики значительная часть населения, особенно в национальных республиках и преимущественно аграрных территориях Юга России, вынуждена была определять новые формы экономического поведения, которые в немалой степени основаны на принципах этнической экономики и этнического предпринимательства.

Помимо прочего, массовый исход беженцев и вынужденных переселенцев из-за вооружённых конфликтов, происходивших на Кавказе в последние 15 лет, значительно трансформировал этническую структуру Юга России и сформировал условия для возникновения и развития новых, непривычных для старожилов элементов социального и экономического бытия.

Этноконфликтная напряжённость в ряде южных субъектов страны во многом имеет в своей основе экономические причины. Модернизация национальных республик в советскую эпоху не была завершена, население тяготеет к использованию традиционных для своих этнических групп форм хозяйствования, сохраняется этноклановая социальная структура, не позволяющая внедрять современные экономические и управленческие решения. Активная миграция значительно увеличивает нагрузку на социальную сферу территорий-реципиентов, ужесточает конкуренцию на рынке труда, нередко приводит к конфликтному взаимодействию носителей различных экономических укладов. Практически в любом конкретном этноконфликтном эпизоде возможно определить вполне чёткий экономический аспект.

В то же время необходимо учитывать, что экономическая составляющая современных этнических конфликтов далеко не всегда является доминирующим фактором, что не позволяет широко применять методы конфликтного урегулирования, релевантные для разрешения экономических противоречий. Однако современный конфликтный менеджмент позволяет урегулировать этнические конфликты, в основе которых доминируют

экономические причины, до их перехода в фазу конфликта ценностей.

Экономический конфликт – это конфликт по поводу распределения и контроля над ресурсами.

Это относительно новый для нашей страны тип конфликта. В советском обществе, в условиях господства государственной собственности, почва для открытых конфликтов была весьма ограничена, так как основным предметом последних является собственность, различные ее виды (производственные ресурсы, доходы и т.п.), а также отношения по поводу собственности: владение собственностью, распоряжение, использование.

Поскольку естественные формы экономических связей в подобной системе были заменены властно-административными, то и все потенциальные экономические конфликты по приватному использованию “общественной собственности” тяготели к скрытой, “теневой” форме проявления за рамками легального регулирования и выступали для данной системы как дисфункциональные. Отсутствие в нашей стране достаточного опыта конструктивного разрешения экономических конфликтов, неразвитость соответствующих общественных традиций и самой культуры договорных отношений сказываются и сейчас. Логика силового решения разногласий и своеобразная “презумпция виновности” остаются доминирующими основаниями при разрешении современных экономических конфликтов в России, нередко приобретающих характер криминальных разборок.

Свои особенности характерны для понятия “региональный конфликт”.

Региональные конфликты отражают местные особенности труда и быта, досуга и поведения, сознания и мировоззрения людей, проживающих длительное время на определенной территории, имеющих устойчивые традиции культуры и менталитета.

Специфика региона определяет специфику региональной конфликтности. Без нее нет качественной определенности последней.

Современная нестабильность на Северном Кавказе непосредственным образом связана с теми преобразованиями в стране, которые получили название “перестройка”.

Важнейшими составляющими роста социальной напряженности и конфликтности в регионе оказались такие следствия политики Центра, как резкое ухудшение основных показателей материального благосостояния преобладающей части населения, социальное расслоение общества без соответствующего развития производительных сил, разбуженные и неподкрепленные экономически потребности в демократии, политической свободе и национальной самостоятельности. Причинами второго порядка, или следствиями следующего этапа стали резко снизившаяся управляемость процессами экономического и политического развития страны, тотальная коррупция чиновничества и криминализация хозяйственной деятельности, необузданные политические амбиции национальных элит, низкий уровень гражданского самосознания, политической активности и культуры населения.

Конфликты на территории Северного Кавказа отражают сегодня высокую степень социальной, политической и межэтнической напряженности в регионе.

В зависимости от конкретных условий, эта напряженность материализуется в разных по содержанию, направленности, форме, остроте и масштабности столкновениях, в разных по типу конфликтах. В области межэтнических отношений можно выделить несколько типичных групп проявления региональной конфликтности, связанных с отношениями собственности.

Во-первых, это конфликты, возникающие на бытовой почве.

Как правило, они происходят между представителями разных национальностей. Феномен этноцентризма находит здесь множество подтверждающих примеров особого отношения людей к представителям другой нации. Бытовые конфликты также возникают и между представителями одного этноса на субэтнической или родоплеменной основе. Старинная черкесская пословица гласит: “Два брата делят огород – без скандала не обойтись”. Резкое изменение прежних основ общественной жизни нередко сказывается и на содержании семейно-бытовых отношений. Однако в большинстве случаев такие конфликты

носят кратковременный и эпизодический характер, не оказывая существенного влияния на общую ситуацию в регионе.

Во-вторых, конфликты между представителями различных национальностей в многонациональных административно-государственных образованиях, вызванные борьбой за доступ к экономическим ресурсам.

Как правило, каждая из республик Северного Кавказа многонациональна. Конфликты на этой почве разворачиваются между представителями наиболее многочисленной нации и национальными меньшинствами, между титульными нациями, между титульной нацией и другими национальностями. Эти конфликты, как правило, имеют свою историю, носят длительный и массовый характер. Они наиболее опасны для сохранения государственно-политического статус-кво многонациональной республики, особенно когда ситуация в своем развитии достигает предельной степени поляризации состоящих в конфликте сторон.

В-третьих, межнациональные конфликты межгосударственного характера.

К конфликтам такого типа в регионе можно отнести конфликты между Северной Осетией и Ингушетией, а также Чечней и Дагестаном.

Фактор этноцентризма в таких конфликтах не является определяющим. Эти конфликты в определяющей степени зависят от интересов и позиций, которые занимают политические элиты государств. Политические элиты в подобных ситуациях, как правило, разыгрывают национальную карту, преследуя свои политические и экономические интересы, либо попустительствуют стихийному разгулу национализма с теми же политическими целями.

В-четвертых, конфликты между национально-государственными образованиями в регионе и политикой Федерального центра.

По причинам возникновения и развития региональной конфликтности, по формам ее проявления и вероятным перспективам это, пожалуй, самые важные, самые значимые конфликты. Как и в предыдущем случае, данные конфликты носят в большей мере политический характер. Однако по мере развития и длительного сохранения конфликтной напряженности национальные аспекты конфликтных отношений имеют тенденцию усиливать свое влияние, а иногда и становиться определяющими в развитии событий. Не случайно, антирусские настроения в регионе значительно усилились по сравнению с началом 90-х годов.

Экономическую конкуренцию в регионе также можно рассматривать как особый тип конфликтного процесса, целью которого является обеспечение приоритетного доступа к ограниченным ресурсам, увеличение за счет этого экономической силы и получение наибольшей выгоды (прибыли). В основе конкуренции также лежит конфликт интересов, но противоборство сторон ведется по общим для всех правилам “экономической игры”, одобряемым ценностно-нормативной системой либерального общества. По сути, сам рынок можно смоделировать в виде поля постоянных экономических конфликтов, протекающих как в формах конкурентной борьбы, сопровождающих попытки вытеснения конкурентов, так и в формах позиционного торга, сделок, которые всегда сопряжены с переговорами, согласованиями и компромиссом.

К числу наиболее конфликтогенных факторов, действие которых проявляется на Северном Кавказе, относится этносоциальная стратификация общества*. Соответственно при наличии этносоциальной стратификации индивиды, принадлежащие к той или иной этнической группе, оказываются в привилегированном или приниженом положении в силу именно своей этнической принадлежности.

Этническое неравенство обычно является результатом действия механизмов двоякого рода:

- во-первых, административно-политическая власть, прежде всего в лице государства и его органов, нередко ставит этносы в неравное по отношению к себе положение: одни рассматриваются как лояльные, как опора государственной власти, другие – как

явные или скрытые ее противники, соответственно одни ставятся силой государственной власти в привилегированное, а вторые – в дискриминируемое положение;

- во-вторых, в борьбе за выживание разные этносы в силу, прежде всего, специфики своей культуры (традиций, ценностей, норм и т.п.) оказываются в неодинаковой мере приспособлены к условиям данного общества. В результате одна этническая культура способствует вертикальной мобильности, а другая ей препятствует. В обоих случаях иерархически упорядочиваются существующие в данном обществе этнические поля. Соответственно личный статус индивидов определяется тем, к какой этнической группе он принадлежит.

Этносоциальная стратификация может выступать как самостоятельный процесс, так и быть следствием социальной дифференциации в совершенно иных срезах социального пространства. Этносоциальная стратификация в чистом виде имеет место там и тогда, где и когда этническая группа как таковая является объектом привилегий или дискриминации.

Например, государство ранжирует этнические группы с точки зрения их лояльности и заслуженных вознаграждений.

Другой вариант: одна этническая культура включает нормы и ценности, легко вписывающиеся в механизмы капиталистической рыночной экономики, а вторая, неся на себе заметные черты докапиталистической общинной архаики, оказывается в противоречии с идеологией потребления в процессе развития капиталистических отношений.

В результате этнические общности с разной культурой оказываются в разных нишах рыночного пространства.

Помимо этого, можно отметить, что многие этносы оказываются внизу этносоциальной и этноэкономической пирамиды не в силу политического или культурного фактора, а потому, что они занимают регионы с крайне неблагоприятными климатическими условиями, бедными почвами и т.п. Нередко этносоциальная стратификация является результатом совпадения традиционного ареала проживания и хозяйствования этнической общности и аграрных или урбанизированных областей. Иначе говоря, одна этническая группа оказывается в социоэкономической пирамиде выше другой (по престижу, уровню образования, уровню жизни и условиям труда и жизни, уровню доступа к благам модернизации, материальным ресурсам и их распределению) не в силу предоставления привилегий первой и дискриминации второй, а просто в силу конкретных исторических и географических условий. Причиной низкого статуса, таким образом, является не этнос как таковой, а совершенно иные факторы. Этническое же неравенство носит сугубо производный характер.

Таким образом, стратификация есть форма конкуренции, в которой, более сильные этнические группы ограничивают доступ зависимых групп к социальным ресурсам, включая богатство, власть, и привилегии. Более сильные группы стратифицируют социальные возможности и ресурсы, такие как рабочие места, доступ к образованию, политической власти, и т.д., резервируя лучшее для себя и лишая возможностей более слабых конкурентов для того, чтобы понизить их положение в пределах существующей структуры возможностей. В общем, не лишённым оснований представляется предположение о том, что этническое соперничество и конкуренция являются одними из основных причин социальных изменений.

Этнические отношения в обществе обычно бывают или иерархические, или параллельные.

По мнению американского исследователя Д.Хоровица, этнические группы или ранжируются в системе этнической стратификации или не ранжируются вовсе¹.

В случае параллельных групп неравенство проявляется в незначительной степени, каждая группа представляет собой отдельное и цельное сообщество.

В случае наличия этногрупповой иерархии доступ к богатству, власти и привилегиям

в известной мере определяется этнической принадлежностью.

Теоретики конфликта утверждают, что социальные изменения приносят усиление борьбы и межгруппового соперничества, непрерывно восстанавливая этнические границы и этническое сознание и делая их постоянным фактором. Традиционное общество характеризовалось незначительными масштабами производства, базировалось на простом разделении труда, и отличалось чёткой этнической стратификацией и жёсткой кастовой системой; социальная мобильность была фактически невозможна для иерархически подчинённых этнических групп. С появлением индустриального капитализма, полного разделения труда и больших возможностей этнические отношения приобретают черты конкурентных. Это соперничество сопровождается укреплением этнических предубеждений и распространением этнических конфликтов. Поскольку представители различных этнических групп открыто конкурируют в современном обществе, этническая враждебность усиливается, в то время как существующая стратификация предотвращает постоянный конфликт.

Социальные изменения принесли с собой этногрупповую конкуренцию, а отнюдь не ассимиляцию или социальную унификацию.

В целом можно согласиться с Ньюманом в том, что нормативный акцент на успехе и социальной мобильности предрасполагает представителей различных социальных и этнических групп к тому, чтобы рассматривать друг друга как конкурентов, что, несомненно, повышает возможность конфликта².

Этнический конфликт может быть выражен через обычные каналы или даже выйти за их пределы. В первом случае это будет конфликт, готовый к консенсусу, во втором конфликт с проекцией консенсуса. Использование законности и легальных способов конкуренции характеризует первый вариант, в то время как посягательства на собственность и людей иллюстрируют второй³.

Чем значительнее неравенство в богатстве и ресурсах между двумя этническими группами, тем более вероятно, что ущемлённая группа примет участие во втором типе конфликта. Ущемлённая группа обычно не имеет постоянного доступа к социальным каналам для легального выражения своего недовольства социальной структурой и иерархией возможностей, и даже если такой доступ был возможен, ощущавшаяся на протяжении нескольких поколений социальная депривация группы, вероятно, станет побуждающим мотивом для отклонения большинства социальных норм, включая возможности легального проявления своего социального недовольства.

Таким же образом, материальный паритет среди этнических групп будет формировать установки конфликта первого типа, и конфликт в этом виде лишь подкрепит основные нормы и учреждения социума. Кроме того, этнические группы менее вероятно будут прибегать к крайним мерам в таких случаях, поскольку они не желают уничтожать общество, в котором они все, до некоторой степени, извлекают выгоду³.

В целом, этнический конфликт характеризует современное общество гораздо больше, чем общество традиционное. Чем значительнее неравенство в богатстве и ресурсах, тем более вероятно то, что конфликт будет бескомпромиссным. Соперничество за богатство, власть и привилегии обычно заканчивается доминированием более сильной и богатой этнической группы над более слабыми. Фактически, таким образом конструируется этническая стратификация как форма этнической конкуренции, в которой более мощные группы ограничивают доступ более слабых групп к социальным ресурсам. Однако системы этнической стратификации могут изменяться из-за того, что богатство, власть и привилегии могут быть как приобретены, так и утрачены различными этническими группами.

Этническая стратификация берёт своё начало от соперничества за богатство и привилегии, и происходит непосредственно от способности одной этнической группы доминировать над другими или от их конкуренции.

По определению Дж.Грабы, этническая стратификация появляется тогда, когда этническая группа доминирует над ее конкурентами. Наряду с соперничеством и властью,

третий элемент, этноцентризм как представляется, выступает достаточно важным при конструировании этнической стратификации.

Так, Ноэль полагает, что “этноцентризм, соперничество и относительная власть вовлеченных групп составляют набор переменных, которые необходимы и достаточны, чтобы объяснить возникновение этнической стратификации”⁴.

Таким образом, этническое соперничество генерируется и нарастает в процессе социальных изменений. Кроме того, именно политическая власть, а не мера потребностей определяет распределение ресурсов в современном обществе.

Мощные группы ограничивают доступ более слабых групп не только к ресурсам, но также и к политической власти, и социальным привилегиям.

Следовательно, этническая стратификация также развивается в процессе социальных изменений.

Более сильные этнические группы модернизируются, в то время как более слабые не в состоянии сделать это, по крайней мере, до той же самой степени.

Политическая власть подтверждает статус более сильной этнической группы, и позволяет предотвратить угрозы ее коллективным материальным и духовным ценностям. Однако власть может быть утрачена доминировавшей группой и с уменьшением властных полномочий, она будет, как правило, стремиться удержать свои позиции, пусть и не в полном объеме.

Политическая власть определённой этнической группы базируется на её превосходящей численности (что, однако, не является абсолютно необходимым условием), на её способности удерживать контроль за распределением ресурсов и на её способности мобилизовать эти ресурсы⁵.

Численно более крупная этническая группа имеет большие шансы занять доминирующее положение при прочих равных условиях, в первую очередь, это касается степени модернизации. Тем не менее, борьба за ресурсы зачастую бывает очень упорной.

Основной элемент, позволяющий приобрести политическую власть и привилегии, – это контроль этнической группы над средствами производства или получение в распоряжение группы избыточного продукта. Если все другие условия равны, то более активное сальдо группы в итоге трансформируется в политическую власть.

Ресурсы власти группы должны быть мобилизованы для того, чтобы доминировать над другими группами в системе этнической стратификации.

Мобилизация властных ресурсов зависит от внутренней сплочённости группы, объёма и ликвидности её ресурсов.

Иными словами, чем большую совокупность ресурсов группа имеет, тем в более широком диапазоне она может применить свою политическую власть и достигнуть или укрепить своё доминирование в государстве.

В целом, основной конфликтогенный потенциал этноэкономической стратификации общества заключен не столько в ней самой, сколько в ее динамике. Резкое изменение экономической структуры общества, активное движение “вертикальных лифтов”, изменяющих статус социальных слоев общества, повышает значимость места этнопрофессиональных групп в этноэкономической стратификации общества. Быстрое повышение экономического статуса одной из этнических групп, особенно если эта группа является этническим меньшинством, воспринимается другими этническими группами как получение незаслуженных преимуществ, как результат недобросовестной конкуренции и нечестности.

В обеспечении механизмов рационализации и легализации конфликтных процессов в трансформирующемся обществе одна из главных ролей принадлежит государству.

Экономические отношения между гражданином и государством, работником и работодателем, производителем и потребителем должны строиться на принципах социального партнерства. Государство как посредник и гарант должно обеспечивать равные возможности удовлетворения экономических интересов, понятные и стабильные правила

“экономической игры” для представителей различных этнических групп. При этом имеется в виду не прямое вмешательство государства в экономику, а опосредованное влияние через формирование экономико-правового механизма согласования конкурирующих интересов.

Ошибки и непоследовательность российского руководства в региональной политике могут еще больше осложнить национальные отношения и подорвать стратегическое влияние России в регионе, а дальнейший спад промышленного производства и снижение жизненного уровня населения будут препятствовать мерам по снижению этноконфликтной напряженности в регионе.

Примечания

¹ Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, 1985. P. 274.

² Newman W. M. *American Pluralism: A Study of Minority Groups and Social Theory*. New York: Harper & Row, Publishers. P. 146.

³ Hraba J. *American Ethnicity*. Illinois, 1994. P. 145, 249.

⁴ Noel D.L. *A Theory of the Origin of Ethnic Stratification* // *Social Problems*. 1968. 16 (Fall). P. 157–172.

⁵ Blalock H.M. Jr. *Toward a Theory of Minority Group Relations*. New York: John Wiley and Sons. Inc. 1967. Blalock H.M. Jr. *Toward a Theory of Minority Group Relations*. New York: John Wiley and Sons. Inc. 1967.

* Этносоциальная стратификация – это иерархически упорядоченное неравенство этнических групп, проявляющееся в неравенстве таких статусных индикаторов как безопасность и стабильность физического существования представителей этнических групп, уровень жизни, престиж, перспективы социальной мобильности, объем власти, место в общественном разделении труда.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Ю.Бойко,
доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор
(Дипломатическая академия МИД России)

В последнее время все чаще политиками, исследователями и политическими обозревателями курс дальнейшего развития России рассматривается не как набор конкретных тактических задач, а через призму его стратегической направленности, его соответствия национальным интересам с учетом среднесрочной и долгосрочной перспективы. При этом наиболее важными представляются несколько моментов:

1. Бесперспективность инерционного курса наследующего реформам 90-х годов из-за неадекватности ныне существующей экономической модели задачам модернизации и развития страны;

2. Необходимость поворота от “зависимого” и “догоняющего” пути развития к самостоятельному и опережающему, что стало бы “системным и цивилизационным сдвигом, невозможным без колоссальной политико-управленческой энергии и общенародного подъема”¹.

Действительно, любые усилия в масштабе всей страны могут быть осуществлены только народом страны в целом или, по крайней мере, значительной его частью, составляющей граждански активное население, на основе общей идеи, которая формулируется и предлагается гражданам политической элитой страны, в чем собственно и состоит одно из основных ее предназначений².

В современной России предложение гражданам какой-то значительной, общей идеи, направленной на консолидацию общества и мотивирование людей к конструктивной деятельности в интересах страны, встречается с рядом сложностей и проблем. Это, в частности, проблемы взаимодействия власти и общества, взаимоотношений народа и политической элиты.

Рассмотрение процесса коммуникации в самом его упрощенном виде предполагает наличие, по крайней мере, двух субъектов (передающей и принимающей сторон), окружающей среды, способной создавать так называемые “шумы”, затрудняющие процесс коммуникации, а также наличие самого сообщения и каналов его передачи. Успешность коммуникации определяется актуальностью передаваемого сообщения для обеих сторон, способностью принимающей стороны правильно воспринять сообщение, желанием и возможностью реализовать полученную информацию, а также дать обратную связь отправителю сообщения о результатах его воздействия.

Из этой схемы видно, что, рассматривая общественно-значимую идею как объект коммуникации, можно выявить следующие проблемы: с одной стороны, просматривающееся нежелание современной российской элиты что-либо изменять в

существующем порядке вещей и ее неспособность на современном этапе выработать и представить обществу политически значимые идеи по развитию страны и самого общества; а с другой – нежелание, а, возможно, и неспособность граждан воспринять эти идеи. Значительные отличия, просматривающиеся во взглядах, общественных позициях, системах ценностей, мотивациях различных возрастных и социальных групп (в частности, рядовых граждан и элиты) говорят о неоднородности воспринимающего субъекта коммуникации, что может “размывать” восприятие идеи в целом.

Эта неоднородность, однако, не является серьезным препятствием, если в обществе имеются достаточно крупные структурные элементы, состоящие из людей, обладающих сходными целями, системой ценностей, а соответственно и сходным мнением, которое может быть проанализировано и учтено при смысловом формировании сообщения. Однако в современной России иное положение. Однородность россиян проявляется в другом: как отмечает ряд исследователей, большинство российских граждан характеризует пониженная социальная активность, аполитичность, вялость гражданской позиции.

Анализируя ситуацию с точки зрения современного мировоззрения россиян, опираясь на имеющиеся эмпирические данные, директор по исследованиям ВЦИОМ В.Пастухов полагает, что Россию можно отнести к традиционным странам с достаточной степенью архаичности в общественном мировоззрении³, а, следовательно, граждане России “исторически” привыкли к значительной “дистанции власти”, то есть к определенному уровню решений, который они не могут превышать. Кроме того, абсолютно очевидна достаточно высокая степень дифференцированности современного российского общества.

Все это во много раз усложняет задачу формулирования идеи, обобщающей цели, которая бы не противоречила системам ценностей большинства российских граждан.

Попытки подойти к решению через выяснение так называемых “базовых ценностей” россиян столкнулись прежде всего с тем, что не просматривается четкая взаимосвязь между ценностями российских граждан и возможностью мотивирования людей на основании этих ценностей.

Исследования в рамках проекта “Демографический монитор” (начат в 2004 г.), результаты, которых обсуждались в 2005 г. в рамках круглого стола ВЦИОМ и журнала “Апология”, показали, что на первом месте в иерархии ценностей россиян стоит безопасность, за которой следуют стремление полноценно жить, здоровье, демократия и семья.

Трудность перехода от базовых ценностей, разделяемых большинством россиян, к идее, опирающейся на эти ценности и побуждающей граждан действовать во благо своей страны, имеет свои причины.

Две из них представляются основными:

- *первая* – экономическое положение россиян и его социально-демографические последствия, отражающие неспособность граждан воспринимать идеи более высокого порядка, чем удовлетворение насущных потребностей;
- *вторая* – психологическое недоверие граждан страны к ее властным структурам и политической элите, и как следствие – нежелание воспринимать предлагаемые ими идеи.

Способность населения к восприятию достаточно широких идей будет во многом определяться состоянием человеческого потенциала страны, включающего помимо физического, психического и социального здоровья, также определенный уровень интеллекта и социально культурной активности, иными словами возможностью народа в целом (или его значительной части) делать что-то сверх усилий по обеспечению своих жизненных потребностей разного уровня.

Как показывают фундаментальные исследования⁴, осуществленные в России экономические реформы оказали и продолжают оказывать серьезное негативное

воздействие на состояние основной массы россиян. Узловые социально-демографические проблемы проявились не только в виде естественной убыли населения, возникшей в значительной степени как неожиданный феномен, но и в виде существенного ухудшения общего состояния населения и его “качества”. Глубокая усталость и “износ” населения приводит к тому, что поколение детей не воспроизводит поколение родителей не только количественно (из-за низкой рождаемости и высокой смертности), но и в качественном отношении, вследствие падения физического, психического и социального здоровья каждого последующего поколения.

Исследовавшие этот вопрос специалисты полагают, что к положению, описанному выше, привели именно реформы 90-х годов, проводившиеся по сценарию, в котором в значительной степени чувствуется режиссура США.

В частности, рассмотрение в качестве примера хотя бы только одной налоговой политики различных государств может показать, что имеются существенные различия в налоговом бремени, которое берет на себя государство для исполнения своей социальной функции.

Налоговая система стран с относительно низким уровнем налогов, таких как Япония, Великобритания, Ирландия и США (а именно такая модель предлагалась во время реформ 90-х годов для России), не предусматривает значительное участие государства в социальной сфере из средств бюджета формируемого налогами. В этих странах социальная сфера формируется в денежном отношении преимущественно из средств бизнеса и вкладов граждан.

В это же время такие страны как Швеция, Дания, Франция, характеризующиеся достаточно высоким уровнем налогов (налоги в структуре ВВП составляют 40–55%), аккумулируют значительную часть поступивших налогов (до 2/3 и более) в части бюджета, предназначенной на развитие и поддержание социальной сферы⁵.

Налоги на коммерческие организации в России в 90-е годы составляли до 90% от их прибыли, но при этом вложения в социальную сферу были крайне низкими. В последние 2–3 года происходит упорядочение и снижение налоговой нагрузки на производителя, а вложения в социальную сферу начинают увеличиваться (в бюджете России на 2006 г. на развитие социальной сферы предусмотрено примерно 15% от расходной части).

Таким образом, в России в течение достаточно длительного периода времени имеет место сочетание значительного вмешательства государства в экономику с созданием достаточно высокого налогового бремени по европейскому типу, однако лишь незначительная часть этих налогов идет на социальную сферу, что копирует в определенной степени американскую систему использования налогов (бюджетных средств) государством.

В этих условиях, по мнению Н.М.Римашевской, “социальный фактор становится тормозом общественного развития, провоцируя кризисные ситуации.

Радикальные перемены на макроуровне характеризуются, прежде всего, естественной убылью населения. Сложившиеся к настоящему моменту, распределительные отношения приводят не только к тому, что зарплаты, пенсии и уровень здравоохранения не могут реально исполнять ... свои социально-экономические задачи, но и к снижению интеллектуального потенциала общества, образовательно-профессиональной деградации совокупной рабочей силы, негативным сдвигам в качестве будущих поколений, а в области моральных отношений к озлобленности, агрессивности и нравственному одичанию”.

Кроме того, сложившаяся в период реформ (последние 15 лет) структура основных финансовых потоков в экономике (в которой в данном случае мы отмечаем лишь один из элементов) определила мощный отток средств из наукоемких отраслей хозяйства, что привело к внутренней миграции интеллектуального потенциала в другие сферы экономики (например, в торговлю, банковскую сферу) и в значительной степени определило потери интеллектуального потенциала страны в целом.

Трудности адаптации к новым социально-экономическим условиям, в том числе в плане эффективного использования своих профессионально-квалификационных ресурсов,

являющиеся определяющим фактором поведения населения, привели к тому, что в процессе реструктуризации наше общество приобрело атомистический характер. Это отразилось на макроуровне в существенном изменении поведения населения в различных сферах жизнедеятельности: трудовой и экономической, потребительской и сберегательно-накопительной, матримониальной и репродуктивной.

Процесс реформирования в России, сам по себе нелегкий, одновременно сопровождается встраиванием российского государства в современное мировое пространство, на котором под воздействием глобализационных процессов происходит дальнейшая поляризация человечества на богатых и бедных. Страны так называемого “золотого миллиарда”, сосредоточившие в своих руках определяющую часть мирового богатства, противопоставлены (в основном по оси Север – Юг) странам с более слабыми экономиками.

Значительные сдвиги этот фактор налагает и на сознание граждан. Особенно усиливается его воздействие с развитием глобального мирового информационного пространства и повышением информированности любого человека как о событиях происходящих в мире, так и об уровне жизни граждан других стран, что приводит к сравнению доступности в потреблении и усиливает психоэмоциональную напряженность в малоимущих слоях.

В этих условиях улучшение общего состояния и “качества” населения становится социальным императивом, который должен определять, в том числе, экономическую, и налоговую политику государства, поскольку пока большинство населения не живет, а выживает, вряд ли найдется общенациональная идея, способная воодушевить граждан ориентировать свою деятельность на благо страны, а не на достижение собственного материального благополучия.

Это подтверждают и опросы ВЦИОМ 2005 г.⁶, которые показали, что если 67% опрошенных (кстати, против 59% в 2000 г.) на вопрос “что значит быть патриотом?” отвечают “любить свою страну”, то лишь 32% (против 35% в 2000 г.) согласны с ответом “работать (действовать во благо) для процветания страны”.

Это говорит обо все больше усугубляющейся проблеме усталости населения и его явно недостаточной способности действовать в интересах страны в целом.

Сложившееся положение отмечено не только исследователями, но и политиками, в том числе и руководством страны.

Это показывают и послания Президента РФ Федеральному Собранию в течение двух последних лет. Начало реализации 4-х приоритетных национальных проектов, а также предложенные к рассмотрению Президентом РФ (послание Федеральному Собранию 10 мая с.г.) меры по “сбережению народа” говорят об увеличении внимания политиков к проблемам народонаселения России.

Однако, как показывает практика, демографическая ситуация чрезвычайно инерционна и очень слабо корректируется политическими методами⁴. Улучшение только лишь материальной помощи матерям и семьям, скорее всего, не снимет проблему рождаемости с повестки дня. Сопровождающие ее проблемы жилья, безопасности, уверенности в завтрашнем дне, занятости женщин, развитости и доступности сети детских учреждений должны решаться параллельно, что опять говорит о необходимости повышения уровня жизни населения страны. Сюда входит и проблема слишком высокого уровня смертности россиян, что напрямую связано как с необходимостью совершенствования системы здравоохранения в стране, так и морально-психологическими аспектами образа жизни значительной части населения. Однако предложенные меры все-таки ближе к тому, чтобы “дать человеку рыбу, а не удочку”.

Оценивая приоритетные национальные проекты, председатель Наблюдательного Совета Института мирового развития Ю.В.Крупнов отмечает как их достоинство саму постановку проблем народонаселения России, а в качестве самого крупного их недостатка – отсутствие четких конечных целей, что затрудняет определение критериев, которые

позволили бы оценить степень реализации этих проектов¹.

Еще одной причиной, по которой россияне в лучшем случае равнодушно воспринимают попытки разработки национальной идеи, по мнению обозревателя журнала Интернет-Prognosis.ru Андрея Цуканова, является то, что российские граждане устали от разрушений государственной системы своей страны, произошедших в XX в., практически в течение жизни одного поколения. Войны, в которых принимала участие Россия в это же время, истощили генофонд страны. Поэтому и доминирует в сознании россиян, вместо идеи, заключающей в себе движение вперед (которая является залогом успеха и развития каждой страны), просто желание хорошо жить. “Общая идея”, говорит А.Цуканов: “дайте нам хорошо жить в своих городах, в своих деревнях”³.

Говоря о необходимости формирования общенациональной идеи, следует понимать, что возникновение и принятие ее возможно при определенной структурированности и упорядоченности общественного сознания, которое будет “работать” на консенсус в отношении этой идеи. Атомизированность общества, позиция граждан “каждый за себя”, мешают восприятию конструктивных, побуждающих к позитивной деятельности идей. В общественном сознании задерживаются только базовые потребности, а также негативные эмоции, в частности, страх или зависть, например, по отношению к конкурентам, практически в любой области жизни и деятельности.

Помимо социально-демографического аспекта, напрямую зависящего от состояния экономики и структуры распределительных отношений в стране⁴, имеется психологическая составляющая проблемы – признание населением легитимности принимаемых властью решений и желание воспринимать какие-то идеи, предлагаемые социуму политической элитой.

По мнению заместителя генерального директора, руководителя аналитического департамента Центра политических технологий А.Макаркина, имеется тенденция негативного восприятия российским обществом всего, что предлагается в качестве национальной идеи.

Так, например, имперскую идею поддерживает очень узкий слой граждан, идея диктатуры закона также не поддерживается, религиозная идея наталкивается на достаточно формальное отношение православных к религии³.

Это связано в первую очередь с тем, что в нынешнем российском обществе не существует структурных элементов (слоев, страт, классов) достаточно крупных, чтобы обеспечить значимую поддержку той или иной предлагаемой идее.

Кроме того, важно отметить, что попытки предложить идею обществу “сверху”, наталкиваются на существующее недоверие россиян к власти (причем, к власти как к институту, а не реальным личностям, олицетворяющим эту власть).

По-видимому, первопричиной такого отношения является то, что Россия – это государство, в котором с XVI в., а по некоторым представлениям даже раньше, существовала сильная централизованная власть, и которое в силу исторической необходимости, было ориентировано на “отъем” продукта у производителя⁷ – один из трех базовых способов существования и деятельности человеческого общества (подбирание, производство и отъем), предложенных Н.А.Косолаповым в рамках рассмотрения социально-территориальных систем.

Эти три базовых способа как-то сочетаются на данной территории, перекрываются, проникают друг в друга и обычно один из них начинает доминировать, подчиняя себе другие.

Например, “отъем” требует развития специфических производств, ориентированных на насилие, а не на удовлетворение потребностей социума, что приводит к расширенному производству вооружения, спецсредств для полиции и т.д.

Смешанными могут оказаться и организационные структуры, соответствующие одному из базовых способов существования.

Доминирование определенных организационных структур приводит к формированию

соответствующей системы законов, устанавливающей приоритеты в отношении власти и производителя, что в случае России привело к исторически сложившемуся недоверию производителей не только к власти, но и к законам страны не охраняющим их интересы.

Между тем, только добровольное признание основной частью граждан страны решений, действий и институтов власти придает им законность, легитимность, что соответственно сказывается и на признании идей, определяющих путь развития государства, и предлагаемых властной элитой.

Как показано в работе В.Ломова, рассматривающего факторы формирования легитимности власти и источники этой легитимности, один из трех источников, а именно, правовой, отражающий потребность общества в “правилах игры”, в государственном регулировании отношений между сторонами общественного договора о “социальном партнерстве”, не будет являться таковым в случае недоверия населения к законам страны.

Действие еще одного источника легитимности – идеологического, ослаблено тем, что он отражает установки, ориентированные на интересы той его части, с которой все общество в целом связывает свои перспективы, в то время как атомизированность, бесструктурность российского общества не позволяет выделить его часть, отвечающую указанным требованиям.

И, наконец, третий источник легитимности власти – нравственный, содержащий установки общечеловеческого характера⁸. Однако нельзя не признать, что за последние 15 лет уровень нравственности в российском обществе сильно понизился. И эта нравственная деградация, безусловно, затронула все сферы общественной жизни, то есть и этот источник сильно ослаблен в своем воздействии.

Таким образом, складывается своего рода “замкнутый круг” – коренные изменения в развитии страны могут осуществить только ее граждане, и только руководствуясь общей национальной идеей, но в силу своего современного состояния россияне, во-первых, не могут воспринять идеи более высокого уровня, нежели удовлетворение своих потребностей, а во-вторых, национальная идея может быть сформулирована только политической элитой, которая, по мнению многих исследователей (например, Ю.Крупнова, А.Езерского и др.), не представляет интересы российского народа, а, соответственно, легитимность ее решений практически не признается населением страны.

Однако, рассмотрение источников легитимности власти, в упомянутой работе В.Ломова, приводит нас к пониманию действия механизма легитимации, когда в условиях переходного периода на определенном этапе демократизации общества властная элита для обеспечения стабильности общества и укрепления собственной социальной базы оказывается заинтересована в развитии демократической политической системы и ее основы – среднего класса, поскольку, чем менее развиты институты гражданского общества, тем больше закрепляется потребительское отношение граждан к государству, а, следовательно, становится больше и нагрузка на власть.

В этих условиях легитимация власти оказывается связана с активизацией мобилизационных усилий элиты – стимулированием массовых общественно-политических сил к самоуправлению и самоорганизации. В этом случае сочетание обеспечения политико-правовых гарантий и условий демократического процесса с закреплением процедурных факторов демократизации на индивидуально психологическом уровне обеспечивает постепенную передачу инициативы институтам гражданского общества, что становится основанием легитимации власти и может привести к изменению восприятия гражданами идей предлагаемых политической элитой.

В настоящее время многие специалисты уделяют немалое внимание поиску ответов на поднятые вопросы, но, несомненно, этот неблизкий путь может лежать только через достижение легитимности власти в глазах населения на основе сформированного (или формируемого) гражданского общества.

Рассмотрение источников легитимности власти показывает, что российский политический класс (политическая элита) с идеологической точки зрения должен в своих

решениях отражать интересы какого-то достаточно широкого слоя населения (в настоящее время, как среди исследователей, так и среди граждан страны широко распространено мнение, что политическая элита не отражает ничьих интересов, кроме своих), кроме того, правовое поле российского государства должно отвечать идее государственного регулирования отношений между властью и народом, а нравственные установки политического класса не должны вызывать отторжения в сознании граждан.

Кроме того, не вызывает сомнений, что государственная власть и политическая элита должны уделить серьезное внимание формированию структуры общества, содержащей класс производителей, который будет способен воспринять идеи национального масштаба, увидеть и оценить степень совпадения своих целей и целей страны, и сориентировать свою деятельность в соответствии с этими целями.

Примечания

¹ Крупнов Ю.В. Диктатура развития. Восстановление России начинается с определения целей развития страны // Политический класс. 2006. № 5 (17), 2006. С. 28–40.

² Езерский А. Лжеэлита, как системная проблема постсоветской России // <http://www.km.ru/publicist>.

³ Апология. 2005. № 7. С. 122–136.

⁴ Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М., 2003. С. 14–17, 357.

⁵ http://www.roslegprom.ru/article_print.html/

⁶ <http://www.wciom.ru>

⁷ Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994. С. 15–17.

⁸ Ломов В. Региональная власть: оценка легитимности и эффективности // Власть. 2006. № 4. С. 51–58.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО В СИСТЕМЕ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

А.Никоненко,
(Институт теоретико-прикладных
исследований по правовым вопросам)

В последние годы Федеральное казначейство занимает одно из центральных мест в системе бюджетного федерализма и его деятельность, отражая специфику и особенности российского бюджетного федерализма, реализуется через бюджетные отношения и другие типы правоотношений (административные, гражданско-правовые), которые взаимосвязаны между собой и выполняют вспомогательную роль по отношению к бюджетным отношениям.

Федеральное казначейство участвует в обеспечении конечной задачи бюджетного федерализма – формировании и функционировании бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов на всех стадиях бюджетного процесса.

Административная реформа, превратив Федеральное казначейство в самостоятельный орган исполнительной власти, поставила задачу уточнения его роли и места не только в системе органов исполнительной власти, но и выявления специфики взаимодействия с конкретными органами государственной власти Российской Федерации, субъектов Федерации и органами местного самоуправления.

Особое значение имеет вопрос оптимизации сотрудничества с Министерством финансов РФ, государственными внебюджетными фондами, таможенными органами, Центральным банком РФ, кредитными организациями, а также законодательного закрепления функций Федерального казначейства в Бюджетном кодексе Российской Федерации (БК РФ).

В отечественной науке, преимущественно в финансовом праве, за последние годы появилось достаточное количество работ, в которых затрагиваются различные аспекты правового обеспечения статуса, функциональной деятельности органов Федерального казначейства.

Вместе с тем, целый ряд вопросов правового обеспечения деятельности Федерального казначейства в системе бюджетного федерализма остаются мало исследованными, не смотря на важную роль и практическое значение данного института.

Органы казначейства, осуществляя в рамках своих полномочий поставленную перед ними цель, не всегда обращают внимание на реализацию функций федеративного государства.

Поскольку функции бюджета направлены на обеспечение публичных интересов федеративного государства, Федеральное казначейство призвано обеспечивать защиту этих интересов в бюджетной сфере. Что нельзя было добиться от банковской системы исполнения бюджетов.

Реализуя ряд управленческих задач федеративного государства, Федеральное казначейство опирается на императивный (властный) метод в части воздействия на получателей бюджетных средств, а также коммерческих банков, обеспечивающих

перечисление налогов и иных обязательных платежей в бюджеты. Бюджетная деятельность Федерального казначейства в основном является управленческой деятельностью и выступает в качестве проявления субъективного фактора, то есть от степени организованности и подготовленности подразделений Федерального казначейства зависит уровень его деятельности по реализации закрепленных за ним функций.

Осуществление Федеральным казначейством учета и распределения поступлений доходов по уровням бюджетной системы непосредственно связано с осуществлением взаимодействия с администраторами поступлений в бюджет.

Действующий порядок участия Федерального казначейства в обеспечении доходов федерального бюджета устанавливает единые правила проведения и учета операций по кассовым поступлениям в бюджетную систему страны, а также их распределения между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации.

В настоящее время приобрели большую актуальность проблемы исполнения бюджетов по доходам в связи с реформированием бюджетного процесса.

Сам процесс исполнения Федеральным казначейством полномочий по обеспечению доходов федерального бюджета предполагает совершение ряда последовательных действий по учету и распределению поступающих доходов по уровням бюджетной системы. Следует сразу отметить, что БК РФ (ст.240) устанавливает, что все доходы бюджета, источники финансирования дефицита бюджета, расходы бюджета, а также операции, осуществляемые в процессе исполнения бюджета, подлежат бюджетному учету, основывающемуся на едином плане счетов.

Ранее действовала норма, согласно которой бюджетный учет организовывался органом, исполняющим бюджет, а единый план счетов бюджетного учета устанавливался правительством Российской Федерации. При этом понятие “органа, исполняющего бюджет” бюджетным законодательством не определялось.

С вступлением в силу действия нормы, изложенной в ст. 215.1 БК РФ, бюджетное законодательство определило органы, ответственные за “обеспечение исполнения бюджета”, “организацию исполнения бюджета”, а также орган, осуществляющий “кассовое обслуживание исполнения бюджета”. Это позволило более четко разграничить полномочия данных органов в бюджетном процессе и уточнить функции Федерального казначейства.

Той же нормой установлено, что кассовое обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (включающее в себя проведение и учет операций по кассовым поступлениям в бюджет и кассовым выплатам из бюджета*) осуществляется Федеральным казначейством.

Федеральное казначейство в соответствии со ст. 166.1 производит распределение доходов и иных поступлений между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации по нормативам, установленным БК РФ, федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации, нормативным правовым актом представительного органа местного самоуправления о бюджете на соответствующий год, и их перечисление на единые счета соответствующих бюджетов.

Таким образом, осуществление Федеральным казначейством учета и распределения поступлений доходов по уровням бюджетов бюджетной системы непосредственно связано с осуществлением взаимодействия с администраторами поступлений в бюджет.

Действующий порядок участия Федерального казначейства в обеспечении доходов федерального бюджета определен Порядком учета Федеральным казначейством поступлений в бюджетную систему Российской Федерации и их распределения между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации¹.

Органы Федерального казначейства осуществляют учет поступлений и их распределение между бюджетами по кодам бюджетной классификации Российской Федерации (далее – коды бюджетной классификации), выполняя последовательно определенные действия, связанные с получением выписки из счета от Центрального банка Российской Федерации, учреждений Центрального банка Российской Федерации и

кредитных организаций (далее – банк) с приложением расчетных документов, а также платежных ордеров банка о частичной оплате инкассовых поручений, группировкой поступлений за операционный день по кодам бюджетной классификации и др.

Поступления, администрируемые одним администратором поступлений в бюджет **, органы Федерального казначейства учитывают по коду, установленному для данного администратора законодательством Российской Федерации, законодательством субъекта Российской Федерации или решениями представительных органов местного самоуправления на соответствующий год, независимо от кода администратора, указанного в расчетном документе.

Суммы поступлений, суммы перечислений в бюджеты и суммы возвратов (возмещений) плательщикам излишне (ошибочно) уплаченных (взысканных) сумм регистрируются в Сводном реестре поступлений и выбытий средств бюджета.

Поступления от уплаты региональных и местных налогов, сборов и иных платежей, являющиеся источниками формирования доходов бюджетов субъектов Российской Федерации или местных бюджетов и не подлежащие в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации зачислению на счета органов Федерального казначейства, подлежат перечислению органом Федерального казначейства на счета соответствующих бюджетов по принадлежности.

Операции по перерасчету поступлений между бюджетами осуществляются в пределах поступлений за текущий операционный день, подлежащих перечислению в соответствующие бюджеты.

Недостаточность поступлений в какой-либо бюджет за текущий операционный день является основанием для частичного исполнения перерасчетов поступлений между бюджетами.

Сумма произведенных в текущем операционном дне перерасчетов между бюджетами (их остаток) учитывается при распределении поступлений между бюджетами в следующий операционный день.

Возврат (возмещение) плательщикам излишне уплаченных (взысканных) сумм осуществляется органами Федерального казначейства на основании решений налоговых органов о возврате, распоряжений администраторов поступлений в бюджет о возврате поступлений плательщику.

Возврат ошибочно уплаченных сумм в связи с невозможностью их идентификации к доходам бюджетов осуществляется на основании заявления плательщика и справки органа Федерального казначейства.

Возможность осуществления возврата поступлений из бюджетов определяется после завершения операций, проведенных с учетом перечисленных документов операционного дня, исходя из сумм поступлений за текущий операционный день, подлежащих перечислению в бюджеты. Распределение поступлений между бюджетами за текущий операционный день осуществляется с учетом суммы неисполненного остатка возврата поступлений за предыдущий операционный день.

Для совершенствования нормативно-правового регулирования учета и распределения поступлений в бюджеты требуется также учесть многоуровневость администрирования поступлений в бюджет.

Взаимодействие Федерального казначейства с администраторами поступлений де факто осуществляется с учетом иерархичности организации структуры органов, администрирующих поступления.

Соответствующие администраторы, имеют в своем подчинении территориальные органы, в их ведении находятся бюджетные учреждения. Реализация данного предложения де-юре потребует при этом внести изменения в БК РФ в части описания полномочий главного (головного) администратора поступлений в бюджет, территориального органа главного администратора.

В целях совершенствования правового регулирования обеспечения исполнения бюджета

по доходам, БК РФ следует дополнить принципом ведомственности доходов.

Требование “ведомственности” доходов нельзя назвать требованием “подведомственности”, так как в подавляющем большинстве случаев лица, перечисляющие платежи в доход бюджета, не находятся в прямом административном подчинении ведомству, которому поручено обеспечивать сбор дохода данного вида (так, налогоплательщики не подведомственны Федеральной налоговой службе).

Смысл данного принципа состоит в четком определении лиц, несущих ответственность за конкретное направление работы с бюджетными средствами: поступления доходов.

В соответствии с бюджетным законодательством средства, поступающие от сдачи в аренду федерального имущества, являются доходами федерального бюджета. В то же время, актами бюджетного законодательства, в частности федеральными законами о федеральном бюджете на соответствующий год, для некоторых категорий получателей бюджетных средств устанавливаются исключения.

Так, нормой ст. 30 Федерального закона “О федеральном бюджете на 2006 год” № 189-ФЗ установлено, что доходы от сдачи в аренду имущества, находящегося в федеральной собственности и переданного в оперативное управление научным учреждениям, учреждениям научного обслуживания Российской академии наук и отраслевых академий наук, имеющих государственный статус, образовательным учреждениям, учреждениям здравоохранения, государственным учреждениям федеральной почтовой связи Федерального агентства связи, государственным учреждениям культуры и искусства, государственным архивным учреждениям, имеющим государственный статус и финансируемым на основании смет доходов и расходов, в полном объеме учитываются в доходах федерального бюджета и отражаются в сметах доходов и расходов указанных учреждений.

При этом поступившие средства отражаются на лицевых счетах указанных бюджетных учреждений, открытых в органах Федерального казначейства, и направляются на их содержание в качестве дополнительного источника бюджетного финансирования содержания и развития их материально-технической базы сверх сумм, установленных ст. 34 Федерального закона “О бюджете на 2006 г.”.

Учитывая подзаконный уровень нормативно-правового регулирования порядка учета и распределения доходов бюджетов бюджетной системы, требуется интеграция норм, устанавливающих порядок учета доходов от предпринимательской и иной приносящей доходы деятельности бюджетных учреждений^{***}, и внесение соответствующих изменений в Порядок учета и распределения Федеральным казначейством поступлений в бюджетную систему Российской Федерации и их распределения между бюджетами бюджетной системы.

При этом понятие администратора поступлений доходов, закрепленное в БК РФ, следует соответствующим образом дополнить.

В Бюджетном кодексе Российской Федерации должна быть закреплена функция органов Федерального казначейства по предоставлению информации, в том числе информации по исполнению федерального бюджета по доходам, информации по запросам уполномоченных органов и должностных лиц, а также закреплены и соответствующие ограничения в предоставлении такой информации.

Это позволит упорядочить поступление запросов от уполномоченных органов и должностных лиц в органы Федерального казначейства по вопросам, входящим в их компетенцию, а также закрепить обязанности органов Федерального казначейства по предоставлению такой информации.

Требуется установить ответственность органов Федерального казначейства за нарушение порядка учета и распределения поступлений доходов, для чего потребуется внести изменения в БК РФ, в том числе в части установления соответствующих санкций и механизмов их применения.

Как показывает практика, современное состояние развития института администрирования платежей не способно в должной мере содействовать обеспечению перехода к среднесрочному бюджетному планированию. При этом уровень автоматизации бизнес-процессов Федерального казначейства уже сейчас позволяет развить на качественно новом уровне исполнение Федеральным казначейством полномочий по обеспечению доходов федерального бюджета в части осуществления кассового планирования, в том числе по доходам. Эта функция Федерального казначейства должна быть закреплена в Бюджетном кодексе с соответствующими полномочиями по получению необходимой информации, в том числе от администраторов поступлений в бюджет.

Кроме того, потребуется также разработать Порядок осуществления кассового планирования Федеральным казначейством.

Данный Порядок должен закрепить процедуры формирования сводного прогноза исполнения федерального бюджета и сводного плана платежей и на их основе порядок формирования сводного кассового плана по кодам бюджетной классификации – с детализацией по месяцам и дням.

Исследование показывает, что Федеральное казначейство на основании нормативных правовых актов правительства Российской Федерации, Министерства финансов Российской Федерации, Федерального казначейства осуществляет контрольные процедуры, не предусмотренные БК РФ, в частности, можно констатировать, что Федеральное казначейство, кроме контроля, указанного в ст. 267 БК РФ, также осуществляет:

- контроль за непревышением кассовых расходов, осуществляемых арендодателями за счет источника дополнительного бюджетного финансирования (арендной платы), над суммой зачисленного в бюджет, но неиспользованного источника дополнительного бюджетного финансирования;
- контроль за непревышением кассовых расходов, осуществляемых “администраторами”, “территориальными администраторами” источников финансирования дефицита федерального бюджета над “бюджетными назначениями”;
- контроль за непревышением кассовых расходов, осуществляемых бюджетными учреждениями за счет приносящей доход деятельности, над суммой неиспользованных денежных средств, поступивших на счета по учету таких средств;
- контроль за непревышением кассовых расходов, осуществляемых бюджетными учреждениями за счет средств, находящихся во временном распоряжении федерального бюджета, над суммой неиспользованных денежных средств, поступивших на счета по учету таких средств.

Важность выполнения данных функций не вызывает сомнений, однако отсутствие законодательного подтверждения данных прав на их осуществление нарушает основные принципы правового государства. В этой связи целесообразно соответствующим образом дополнить перечень объектов контроля, указанных в ст. 267 БК РФ.

При распределении доходов по уровням бюджетной системы через счета № 40101 в бюджетном законодательстве необходимо установить в качестве постоянно действующей нормы обязанность Федерального казначейства не позднее следующего рабочего после получения от банка выписки со своих “распределительных счетов” осуществлять перечисление доходов в соответствующие бюджеты бюджетной системы.

В отношении исполнения органами Федерального казначейства бюджетов других уровней следует отметить, что органы Федерального казначейства в силу действия ст. 166.1 БК РФ самостоятельно определяют порядок участия в исполнении бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. При этом, как показывает проведенный анализ нормативно-правовых актов Федерального казначейства, многие их положения не основаны на законе.

В целях устранения пробелов нормативно-правового регулирования взаимодействия

органов Федерального казначейства с органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, общие правила кассового обслуживания исполнения региональных и местных бюджетов, а также ответственность данных органов за нарушение указанных правил следует определить в БК РФ.

Кассовое обслуживание исполнения региональных и местных бюджетов Федеральным казначейством осуществляется по трем различным вариантам.

При одном из них контроль Федерального казначейства ограничивается контролем правильности заполнения платежных документов и контролем за непревышением кассовых расходов над суммой денежных средств, имеющихся на счете соответствующего бюджета. При использовании других вариантов Федеральное казначейство также осуществляет (по соглашению) иные контрольные полномочия. По-нашему мнению, неурегулированность данных контрольных полномочий на законодательном уровне является существенным пробелом нормативно-правового регулирования вопросов участия Федерального казначейства в исполнении региональных и местных бюджетов. Учитывая изложенное целесообразно дополнить БК РФ статьей, устанавливающей полномочия Федерального казначейства осуществлять контрольные процедуры за исполнением региональных и местных бюджетов, а также ответственность Федерального казначейства за их неисполнение.

Примечания

¹ Порядок учета Федеральным казначейством поступлений в бюджетную систему Российской Федерации и их распределения между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации. Утверждено приказом Министерства финансов Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. № 116н (зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 22 декабря 2004 г., регистрационный номер 6227).

* Согласно ст. 6 БК РФ.

** Федеральным законом “О бюджетной классификации” установлены коды основных источников доходов бюджетов Российской Федерации, закрепляемые за одним администратором, а также дан перечень кодов основных источников доходов, администрируемых всеми администраторами.

*** Указанные нормы содержатся в Инструкции о порядке открытия и ведения территориальными органами Федерального казначейства лицевых счетов для учета операций со средствами, полученными от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, получателей средств федерального бюджета, финансируемых на основании смет доходов и расходов. Утверждено Приказом Минфина России от 21 июня 2001 г. № 46н (зарегистрирован в Минюсте РФ 19 июля 2001 г. № 2809).

МЕТОДОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Л.Максименко,
кандидат экономических наук
(Северо-Кавказский технический университет)

Стратегическое планирование ориентировано на долгосрочную перспективу и определяет основные глобальные направления развития хозяйствующего субъекта.

Основная цель стратегического планирования – формирование стратегии для предприятия в условиях динамично изменяющейся внутренней и внешней среды и разработке средств по их достижению.

В зарубежной литературе представлено несколько подходов к разработке стратегического плана развития фирмы, многие из которых были переработаны с учетом особенностей хозяйствования российских предприятий.

Фатхутдинов Р.А. предлагает разрабатывать систему стратегических планов фирмы, состоящую из планов двух уровней:

- стратегия фирмы на определенный период;
- стратегические планы, раскрывающие стратегию фирмы и обеспечивающие достижение стратегических целей фирмы на тот же период (разделы “Стратегии фирмы”).

Состав “Стратегии фирмы” как комплексного планового документа предполагается следующие основные разделы:

- описание фирмы;
- стратегия маркетинга;
- стратегия использования конкурентных преимуществ фирмы;
- стратегия обновления выпускаемой продукции;
- стратегия развития производства;
- стратегия обеспечения производства;
- стратегический финансовый план фирмы;
- стратегия международной деятельности фирмы;
- стратегия развития системы менеджмента;
- организация реализации стратегии фирмы¹.

Данный подход предусматривает очень широкое понимание системы стратегических планов, поскольку включает в стратегический план вопросы организации реализации стратегии фирмы, стратегию развития системы менеджмента, что является элементом не стратегического планирования, а стратегического менеджмента.

Индрисов А. Б. отождествляет стратегическое планирование с бизнес-планированием, в котором основное внимание уделяется стратегии маркетинга, а именно:

- миссию стратегической бизнес-единицы – SBU (общее описание, основные направления деятельности и задачи, решаемые SBU, отличительные особенности);
- обзор финансовых результатов SBU (объем продаж/оборот, маржа, прибыль);
- обзор рыночной ситуации (потенциал рынка, его основные сегменты, движущие силы конкуренции);
- результаты SWOT-анализа (для сегментов рынка);
- результаты сегментного анализа (анализ прибыльности каждого сегмента – товаров, территорий, каналов сбыта, заказчиков, целевых групп потребителей);
- результаты Portfolio-анализа (результаты SWOT-анализа и сегментного анализа должны суммироваться в матричных моделях);
- стратегические цели маркетинга на этапе планирования (gap-анализ, стратегии Ансоффа, стратегии Портера);
- стратегии маркетинга для сегментов рынка (стратегии 4 X P);
- сегментный анализ и Portfolio-анализ на планируемый период (процедуры сегментного анализа и Portfolio-анализа должны быть проведены для каждого периода планирования. Если стратегический план составляется на 3 года вперед, то результаты анализа должны приводиться на конец каждого года);
- требуемые ресурсы (бюджет).

Основным недостатком данной концепции является отождествление стратегического и бизнес-планирования.

Данный план включает не весь комплекс общих целей, а только те, которые связаны со стратегией маркетинга. Тогда как в стратегический план могут включаться и другие стратегии фирмы, являющиеся полноправными равновесными частями наряду с планом маркетинга.

Любанова Т.П. предлагает построение стратегического плана в форме концепции³, содержащей:

- результаты стратегического анализа (краткое изложение выводов SWOT-анализа);
- стратегия предприятия: базовая стратегия (по результатам стратегического анализа), синергический бизнес-портфель (по результатам СЗХ), функциональные стратегии (по результатам технико-экономического планирования);
- программы стратегического плана;
- финансовый план предприятия (долгосрочный);
- основные показатели стратегического плана (как ориентиры достижения стратегических целей).

Автор данной концепции акцентирует особое внимание на выделении стратегических зон и центров хозяйствования, поскольку именно они могут дать картину будущего изменения организации, что очень важно для принятия эффективных стратегических решений.

Структура стратегического плана, предложенная А.И.Ильиным⁴, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура стратегического плана

Наименование раздела	Показатели
Корпоративная миссия	Цели и задачи предприятия Сферы деятельности Структура и темпы роста бизнеса Характер удовлетворения потребностей клиентов Особенности выпускаемой продукции Стратегия продукта Стратегия предпродажного и послепродажного обслуживания Партнеры, покупатели, клиенты, поставщики Ценности фирмы, кадровая политика, мотивация персонала Организационная структура управления Доходы (величина, рентабельность, доход на акцию и т.д.) Социальная деятельность; благотворительная деятельность Культура и имидж фирмы
Продукция	Укрупненная номенклатура выпускаемой продукции Номенклатура осваиваемой и снимаемой с производства продукции, сопутствующих товаров Количество потенциальных покупателей Емкость рынка и объем продаж Рентабельность продукции Ценовая политика Качество продукции Сроки разработки и освоения новой продукции Затраты на НИОКР Скорость обслуживания клиентов Количество претензий и рекламаций Конкуренция Уровень обслуживания клиентов Степень дифференциации продукции Уровень издержек Входные и выходные барьеры Интенсивность конкуренции Мероприятия по использованию преимуществ, по преодолению слабых сторон и реализации возможностей Мероприятия по предотвращению угроз

Продолжение таблицы 1

Наименование раздела	Показатели
Рынки	Границы рынка сбыта Существенность сегментов рынков Мощность каналов сбыта Транспортная сеть Доступность сегментов рынка Динамика изменения рынков Потенциальные конкуренты Прогноз появления товаров – заменителей Стратегия продвижения товаров на рынки Система распределения продукции Концентрация продаж на рынках Доля рынка
Ресурсы	Величина и структура основного и оборотного капитала Активы фирмы Производственная мощность Кредиторская и дебиторская задолженность Прогноз изменения цен на ресурсы Величина и направления вложений инвестиций Эффективность использования ресурсов Кредиты
Деловой "портфель"	Рентабельность предприятия Производственная структура предприятия Продажа и покупка собственности, её слияние Степень диверсификации предприятия Эмиссия ценных бумаг
Инновации	Создание, освоение и повышение качества продукции Внедрение новых технологий Механизация и автоматизация производства Совершенствование управления Экономия ресурсов Защита окружающей среды и т.д.
Инвестиции	Реальные Портфельные, интеллектуальные

Данный подход представлен достаточно широким спектром вопросов, возможно и не требуемых для стратегического плана, отличающегося укрупненным масштабом.

Кроме того, отсутствие экономических и финансовых показателей деятельности предприятия (доходов, расходов, прибыли) можно считать не совсем обоснованным, поскольку именно эти показатели оценивают эффективность функционирования организации и являются важнейшими ориентирами в практической деятельности.

При составлении стратегического плана развития организации необходимо учитывать весь громадный опыт советской школы⁵. Руководствуясь конкретными цифрами, разработанными государственными органами планирования, предприятия и организации разрабатывали проекты пятилетних планов экономического и социального развития с распределением заданий по годам.

Пятилетние планы предприятий составлялись на основе научно обоснованных норм и нормативов, затрат труда, сырья, материалов и топливно-энергетических ресурсов, а также нормативов использования производственных мощностей и удельных капитальных вложений.

Пятилетний план включал следующие разделы:

- общие положения (показатели, лимиты, нормативы);
- план производства;
- техническое развитие производства, повышение его эффективности;
- нормы и нормативы;
- капитальные вложения и капитальное строительство;
- материально-техническое обеспечение;
- труд и кадры;
- прибыль, рентабельность и себестоимость продукции;
- фонды экономического стимулирования;
- финансовый план;
- социальное развитие коллектива;
- охрана природы и рациональное использование природных ресурсов.

Зарубежная практика накопила значительный опыт стратегического планирования, однако, в литературе в большей степени содержится информация о реализации стратегического плана, процессах его разработки, системы планирования в целом и в меньшей степени о методических вопросах^{6,7}.

В японских компаниях содержание стратегического плана следующее:

- содержание долгосрочного плана корпорации и отделений (на 5 лет): масштабы производства (5 лет) (новые заказы, чистый доход, численность занятых, инвестиции в оборудование и связанные с этим показатели);
- долгосрочная стратегия деловой активности на 5 лет (наметки относительно деловой среды и важнейших стратегий, анализ номенклатуры, важнейшие существующие и новые рынки, важнейшие существующие и новые продукты, устаревшие продукты, методы увеличения сбытовых возможностей, стратегия и тактика зарубежной активности, другие проблемы, подлежащие решению);
- ситуационный план на 3 года;
- выводы и план внедрения.

Стратегическое планирование на предприятиях Германии включает рассмотрение следующих вопросов:

- анализ сфер деятельности;
- анализ состояния (сильных и слабых сторон);
- формулировка стратегии (кадры, ресурсы, исследования и разработки, производство, технология, управление, обработка информации, менеджмент, финансы, рынки);
- приоритеты.

Проведенный анализ методических вопросов стратегического планирования показал, что в отечественной и зарубежной практике наблюдается очень различное понимание состава и содержания стратегического плана организации, его показателей.

Автору наиболее близки отечественные подходы, которые были взяты за основу при формировании стратегического плана предприятия.

Накопленный в мире опыт убеждает в том, что механическое применение стандартизированных процедур разработки стратегических планов в конкретных условиях хозяйственной деятельности предприятия мало результативно – в каждом отдельном случае необходим учет совокупности организационно-структурных факторов внутри производственного характера, действие которых способно существенно модифицировать первоначальные регламенты стратегического планирования.

Предприятиям каждой отрасли необходима своя модифицированная структура

стратегического плана с учетом опыта советской школы.

Этот план должен быть ориентирован на активный маркетинг с формированием новой организационной культуры производства для обеспечения эффективного хозяйствования, включающая особенности отрасли и специфику показателей деятельности.

Стратегический план предприятия должен быть развернутой программой всей производственной, хозяйственной и социальной деятельности организации, направленной на достижение основных стратегических целей при наиболее полном и рациональном использовании материальных, трудовых, финансовых и природных ресурсов.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить следующую оптимальную структуру стратегического плана предприятия автотранспортной отрасли (рис. 1).

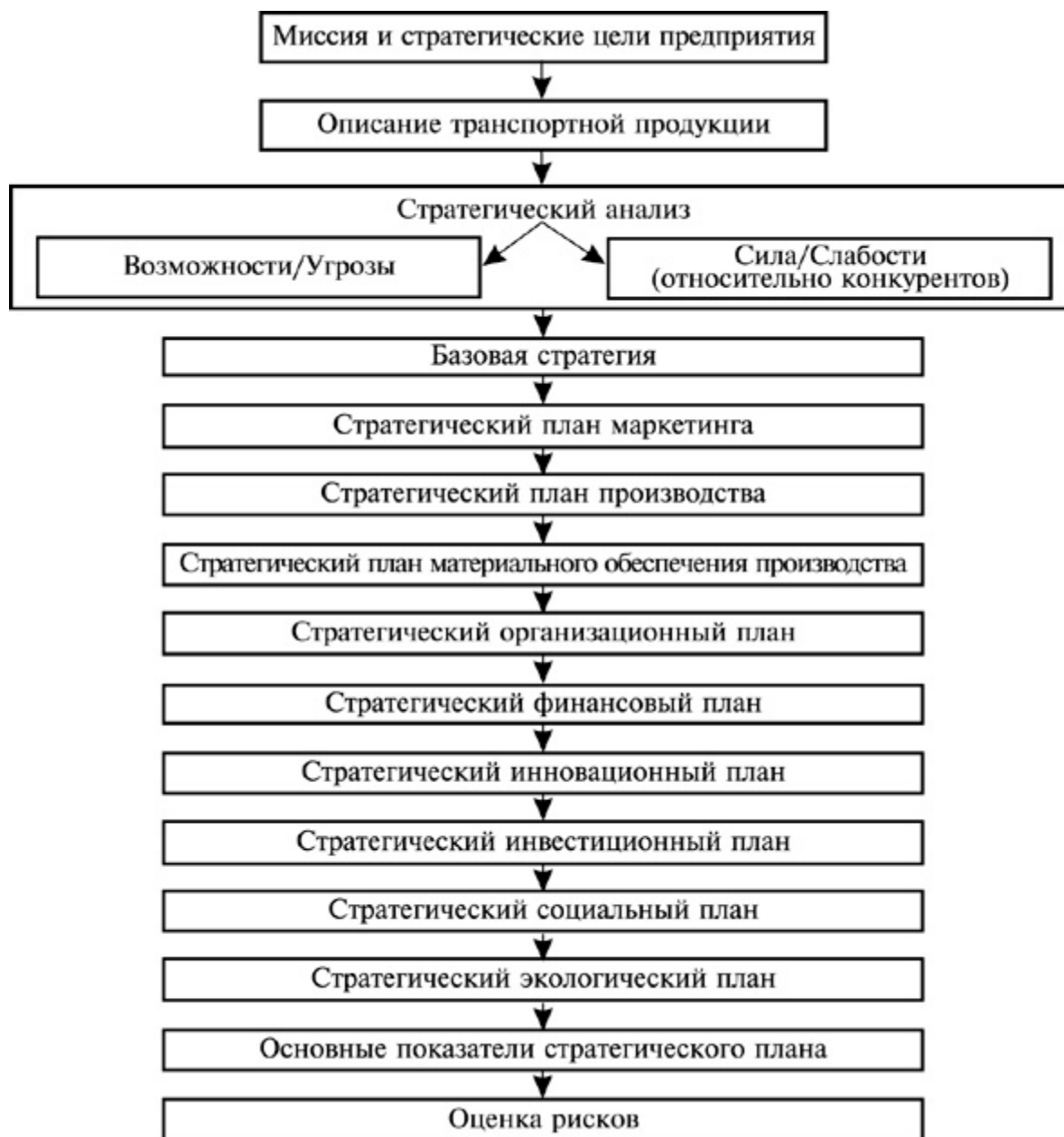

Рис. 1. Состав стратегического плана

Ниже приводится расшифровка структуры стратегического плана.

Миссия и стратегические цели предприятия: наименование предприятия, его организационно-правовая форма, юридический и почтовый адрес; миссия предприятия; стратегические цели организации; основные виды деятельности; краткая экономико-

географическая и историческая справка; уставный капитал предприятия, учредители и распределение капитала между ними; краткие сведения о персонале предприятия (его численность, структура); структура активов (основных и оборотных); основные финансово-экономические показатели деятельности предприятия; краткое описание текущего финансового состояния.

Описание транспортной продукции: описание транспортных услуг, стоимость, технологичность, универсальность, уровень качества, соответствие требованиям стандартов; конкурентоспособность транспортных услуг; основные отличия предлагаемых транспортных услуг от аналогичных.

Стратегический анализ (внутренней и внешней среды).

Базовая стратегия (стратегия роста, стабилизации, выживания, комбинирования и др.).

Стратегический план маркетинга: концепция стратегического маркетинга; анализ рынка транспортных услуг; жизненный цикл продукции транспортных услуг; сегментирование рынка транспортных услуг; классификация и анализ конкурентов; направления совершенствования транспортных услуг по этапам жизненного цикла; стратегия ценообразования; ценовая политика предприятия; планирование сбыта и товародвижения транспортных услуг; планирование рекламной компании и стимулирования сбыта; планирование сервиса; система маркетингового контроля.

Стратегический план производства: стратегия производства; объемы перевозок всего и по видам перевозок (общий объем доходов, объем производства транспортных услуг в натуральном выражении); ассортимент транспортных услуг; производственная программа эксплуатации подвижного состава; производственная программа технического обслуживания и ремонта подвижного состава.

Стратегический план материального обеспечения производства: стратегия материального обеспечения производства; анализ потребностей предприятия в основных материальных ресурсах и выявление новых требований производства; налаживание оптимальных связей с поставщиками ресурсов; стратегия обеспечения производства материальными ресурсами; технико-экономическое обоснование и согласование мероприятий по реализации стратегии.

Стратегический организационный план: организационные стратегия и структура; управленческий персонал; персонал предприятия, не связанный с управлением (потребность в кадрах по профессиям, квалификационные требования, формы привлечения к труду, режим труда и т.д.); оплата труда; кадровая политика; стратегия повышения производительности труда.

Стратегический финансовый план: планирование себестоимости транспортных услуг; планирование доходов от различных видов деятельности; планирование прибыли предприятия и ее использование; планирование рентабельности предприятия; планирование баланса доходов и расходов предприятия; составление финансовых бюджетов; налоговое планирование.

Стратегический инновационный план: инновационная стратегия; стратегия создания, освоения новой транспортной продукции и повышения ее качества; стратегия внедрения прогрессивной технологии, механизации и автоматизации производства; стратегия развития системы менеджмента; стратегия ресурсосбережения по предприятию; технико-экономическое обоснование инновационных проектов, их согласование.

Стратегический инвестиционный план: инвестиционная стратегия; прирост производственных мощностей; ввод в действие производственных мощностей за счет расширения действующих и строительства новых объектов; ввод в действие производственных и непромышленных фондов (включая объекты охраны природы); объем требуемых инвестиций; технико-экономическое обоснование и согласование инвестиционного плана.

Стратегический социальный план: социальная стратегия; мероприятия по

изменению социально-демографической структуры работников; мероприятия по улучшению условий и охрана труда, укреплению здоровья работающих; мероприятия по улучшению социально-культурных и жилищно-бытовых условий работающих и членов их семей.

Стратегический экологический план: охрана природы и рациональное использование природных ресурсов, экологическая стратегия.

Основные показатели стратегического плана (как ориентиры достижения стратегических целей).

Оценка рисков.

Предложенная структура стратегического плана предусматривает комплексное развитие и совершенствование экономики и организации производства, намечает пути реализации выявленных внутренних резервов предприятия.

Стратегический план обязательно должен содержать набор основных показателей как конкретных ориентиров будущей деятельности.

Степень точности предполагаемых значений, по опыту зарубежных стран, может колебаться в пределах 25–40%. Это связано с длительным горизонтом планирования, характерным для стратегического.

Показатели стратегического плана должны максимально охватывать спектр деятельности предприятия и структуру стратегического плана, но в тоже время отражать только основные моменты хозяйствования субъекта.

Их количество не должно быть большим, так как высокая степень подробности на длительный период планирования не обеспечит необходимой реальности значений показателей.

Безусловно, стратегический план должен содержать специфические показатели отрасли в различных своих разделах.

Практическая реализация описанного выше методического подхода на практике показала, что он не является бесспорным, но может претендовать на роль образца, определенной отправной точки, информации к размышлению и критическому осмыслению в практической деятельности менеджеров.

Примечания

¹ Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент: Учебник для вузов. М.: ЗАО “Бизнес-школа “Интел-Синтез”, 1998.

² Идрисов А.Б. Стратегическое планирование и анализ эффективности инвестиций. М.: Информационно-издательский дом “Филинь”, 1996.

³ Любанова Т.П. и др. Стратегическое планирование на предприятии. Учебное пособие. М.: Издательство “ПРИОР”, 2001.

⁴ Планирование на предприятии. Учебник / Ильин А.И. Мн.: Новое знание, 2003. 4-е изд.

⁵ Методические указания к разработке планов экономического и социального развития РСФСР. М.: Экономика, 1985.

⁶ Никитин А. Стратегическое управление крупным промышленным предприятием / Проблемы теории и практики управления. 2003. № 6.

⁷ Читипаховян П. Стратегическое планирование в интегрированных корпорациях: факторы оргобеспечения // Российский экономический журнал. 2002. № 1. С. 89–94.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

А.Толоконников

Антимонопольная политика имеет свои особенности в различных странах.

В первую очередь, антимонопольная политика направлена на предотвращение негативных последствий процессов концентрации производства и капитала и образования фирм-монополистов, а также против проведения фирмами групповой ограничительной деловой практики.

Монополизм не всегда оказывает негативное воздействие на рынок и общество, поэтому антимонопольная политика направлена не против монополизма вообще, а против тех фирм-монополистов, которые разрушают рыночные структуры и используют рыночные отношения в своих интересах.

Существенной чертой законодательства разных стран в этой области является то, что оно не ограничивает концентрацию и монополизацию, оказывая влияние лишь на некоторые формы этих процессов.

Проведение либерализации рыночных отношений осуществляется за счет создания такой экономической ситуации на рынке, когда монополизация рынка становится невыгодной. Это достигается в результате:

- отмены или снижения таможенных пошлин и импортных ограничений;
- улучшения инвестиционного климата для иностранных инвесторов;
- содействия диверсификации производства;
- поддержки малого бизнеса и венчурных фирм;
- оказания содействия фирмам в разработке и освоении новых технологий, помогающих заменять товары фирм-монополистов.

Важно иметь в виду, что наиболее эффективное давление на государственную политику оказывают не потребители, а производители, которые стремятся защитить себя от законов конкуренции.

Так, во многих странах законодательство о конкуренции направлено также и на предотвращение или запрещение снижения цен, на поддержание розничных цен. Оно запрещает производственным и розничным фирмам сотрудничество в установлении нижнего предела цен, а также осуществляет преследование в судебном порядке розничных торговцев, которые снижают цены.

Таким образом, фирмам навязывают ограничения на минимальный, а не на максимальный уровень цен. В таких случаях они получают государственную защиту от конкурентов.

Регулирование конкуренции в Европейском Союзе (ЕС) в настоящее время происходит в рамках Единой согласованной политики в области конкуренции.

Ее главной целью является обеспечение в рамках ЕС свободной конкуренции между фирмами за счет создания эффективного механизма наднационального контроля за деловой

ограничительной практикой, гибкого и последовательного надгосударственного регулирования.

Правила конкуренции в рамках ЕС направлены на то, чтобы политика, гарантирующая свободную конкуренцию, стала неотъемлемым элементом успешного функционирования единого рынка.

Вступление в силу Римского договора о создании Европейского экономического сообщества (1957 г.) и включение в него ряда антимонопольных норм представляло собой существенный этап развития общеевропейского законодательства в этой области. Свободная конкуренция рассматривается Римским договором как основа экономического развития, создания общеевропейского рынка и роста благосостояния граждан ЕС, которые, в свою очередь, являются основными целями ЕС.

Интеграционные процессы в ЕС актуализируют понимание значимости эффективной конкурентной политики и антимонопольного законодательства. Этот процесс закономерен в силу того, что европейская интеграция основана, в первую очередь, на экономических и социальных предпосылках, важнейшей из которых является функционирование свободного рынка и социальное благополучие населения.

Отношение к антимонопольному регулированию в государствах-членах ЕС далеко не однозначно, о чем свидетельствует целый ряд научно-практических дискуссий относительно его результативности. Существование и разноплановый характер таких дискуссий отмечается как в российской, так и зарубежной юридической и экономической литературе.

Основным аргументом в пользу активных правотворческих мер в области защиты конкуренции, а также в пользу создания институциональных и процессуальных гарантий реализации соответствующих норм как национального, так и наднационального законодательства является то, что значительная часть изъянов рыночного механизма, приводящих к монополизации в отдельных сферах экономики, не относится к категории самоустраивающихся, то есть таких, которые исчезают в результате взаимодействия между участниками рынка. В этой связи возникает основание использования государственного правового регулирования для защиты и создания условий конкуренции на соответствующих рынках.

Антимонопольное право ЕС испытало на себе существенное воздействие социально-политических и исторических факторов.

Цели национальной антимонопольной политики государств-членов ЕС существенно различаются, но Общий рынок создает основу для формирования своеобразного их консенсуса, отвечающего интересам как ЕС в целом, так и его участников.

Цели антимонопольного правового регулирования во многом совпадают с целями правового регулирования экономики вообще. Однако сквозь призму антимонопольной политики они раскрываются в некоторых иных аспектах.

К числу основных целей антимонопольного права ЕС на сегодняшний день относятся:

- достижение экономической эффективности и экономического роста;
- рост благосостояния потребителя и защита его прав при оптимальном распределении ресурсов;
- защита прав малых предприятий от крупных экономических объединений, в частности в форме предприятий-монополистов или соглашений о совместной деятельности нескольких предприятий;
- содействие созданию единого Европейского рынка и предотвращение его разрушения от противоправной деятельности юридических лиц;
- защита экономических свобод;
- противодействие инфляционным процессам;

- обеспечение равноправного и справедливого участия субъектов экономических отношений на Общем рынке.

Цель достижения экономической эффективности и экономического роста является составной частью базовой концепции европейского интеграционного процесса, определяющей развитие европейской экономики, в частности промышленности и торговли.

Экономическая эффективность оценивается в количественном выражении в показателях экономического роста, то есть роста производства и потребления в государствах-членах.

При реализации данного принципа ЕС и государства-члены сталкиваются с необходимостью обеспечения баланса между уровнем производства и потребления и интересами производителей и потребителей.

Важнейшим фактором, способным нарушить этот баланс является ценовая политика участников рынка. В этой связи данная сфера становится одним из важнейших предметов государственного правового регулирования.

Действительно, рост цен способен увеличить производство, но при этом он фактически уменьшает потребление.

Низкие цены, напротив, увеличивают уровень потребления, но, если они не позволяют производителю получить адекватную прибыль, снижают уровень производства.

Как следствие, контроль за ценообразованием способен как обеспечить баланс разнополюсных интересов (если речь идет о государственной и межгосударственной политике, целью которой является стимулирование экономического роста), так и разрушить рыночные механизмы (если контроль за ценообразованием осуществляет компания-монополист, действующая в своих личных интересах). Во втором случае, будучи способной относительно долгое время поддерживать низкие цены на том или ином рынке, компания, имеющая подавляющую долю на рынке (или группа таких компаний), добьется ухода с рынка конкурентов с меньшими объемами производства и долей на рынке. Как следствие, такая компания или группа компаний станут монополистами на рынке и окажутся способными диктовать цены на свою продукцию, не заботясь ни о росте производства, ни о росте потребления.

Государства-члены и наднациональные органы ЕС, вмешиваясь в механизм ценообразования, во-первых, осуществляют антидемпинговое регулирование, во-вторых, контролируют уровень цен для недопущения их необоснованного роста.

Во втором случае цель роста экономической эффективности имеет статический и динамический аспекты, баланс между которыми должен четко поддерживаться в антимонопольном законодательстве.

Так, в частности, идеальной моделью ценообразования является та ситуация, когда цена товара максимально приближена к общим издержкам его производителя на единицу такого товара.

Разница между ценой продукции и издержками на ее единицу составляет прибыль хозяйствующего субъекта.

Низкая разница между этими показателями, поддерживаемая искусственным путем посредством правового регулирования стимулирует потребление при обеспечении стабильного уровня производства – в этом выражается статический аспект экономической эффективности.

Однако при такой модели регулирования цен государство не сможет добиться роста инвестиций в соответствующую сферу экономики – уровень производства так и будет оставаться неизменным, при этом инноваций в соответствующей сфере, равно как и улучшения качества предлагаемых товаров, работ или услуг наблюдаться также не будет – то есть в динамическом аспекте роста экономической эффективности добиться будет невозможно. По сути, проводя вышеописанную политику в интересах обеспечения баланса

между производством и потреблением на основе механизма конкуренции и недопущения разрушающего их демпинга или необоснованного роста цен, государство добивается обратного результата.

Это доказывает, что без учета иных целей регулирования в области защиты конкуренции, антимонопольная политика может оказаться неэффективной. Как следствие, эти цели следует рассматривать в комплексе, в тесном взаимодействии друг с другом. Рост благосостояния потребителя и защита его прав как цель антимонопольной политики является взаимодополняющим по отношению к общему экономическому росту.

Государственная защита прав потребителя становится актуальной в вышеупомянутой ситуации, когда компания или группа компаний добиваются господствующего или монополистического положения на рынке и устанавливают необоснованно высокие цены в ущерб интересам потребителей.

Однако проблему не следует понимать упрощенно и сводить только к интересам розничных потребителей, проблема гораздо шире.

Ценовая дискриминация способна составить серьезную угрозу экономическому развитию в целом.

Так, контроль за ценами позволяет вести различную, а часто – дискриминационную ценовую политику по отношению к хозяйствующим субъектам, использующим соответствующую продукцию как сырье.

Проблема имеет и обратную сторону – не всегда монополистические действия, например, в форме объединения предприятий, имеют своей целью и ведут к негативным последствиям для участников рынка.

Так, укрупнение участника рынка, например, путем слияния, способно позволить снизить цены на продукцию за счет снижения общих издержек, рационализации производства, особенно, когда речь идет об объединении компаний, представляющих собой различные звенья единого производственного цикла.

Очевидно, что государственные запреты в этой сфере будут сдерживать экономический рост и не будут способствовать росту благосостояния потребителей.

Отметим, что практика деятельности антимонопольных и судебных органов ЕС не позволяет утверждать, что цель защиты прав потребителей в широком смысле определяет особенности правоприменения в сфере защиты конкуренции. Вместе с тем, она находит достаточно полное нормативное отражение как в Римском договоре, так и в Регламенте ЕС о слияниях, признающих правомерными соглашения или согласованные действия предприятий, если они способствуют улучшению качества продукции, техническому или экономическому прогрессу или иным образом предоставляет выгоду потребителям соответствующих товаров, работ или услуг.

Однако устойчивой практики по данному вопросу нет ни у Европейской Комиссии, ни у Европейского Суда.

Проблема благосостояния потребителей является довольно гибкой и правильная оценка властью последствий таких действий на рынке, как, например, уже упоминавшееся повышение цен, способно обеспечить экономический рост без ущерба для потребителей.

В частности, незначительное, например, в пределах 10%, повышение цен редко способно оказать негативное воздействие на потребительский рынок – количество потребителей в такой ситуации остается неизменным, а их потери на единицу товара и на одного потребителя оказываются незначительными. Производитель же, наоборот, получает дополнительные средства от каждой единицы товара в производстве на его количество. Как следствие, производитель, по сути, получает дополнительные средства для инвестирования в сферу своей деятельности, что отвечает цели экономического развития и повышению экономической эффективности без ущерба для защиты прав потребителей и роста потребительского благосостояния.

Поэтому оценка значительности повышения цен и его возможных эффектов для соответствующего рынка должна лежать в основе создания соответствующих правовых

моделей регулирования рыночных отношений вообще и на конкретных рынках в частности, а также создавать необходимые ориентиры и стандарты в правоприменении.

Описанный критерий с успехом применяется в практике Европейской Комиссии и Европейского Суда, в частности при предоставлении индивидуальных и коллективных (групповых) исключений из картельного запрета.

Реализация такой цели антимонопольной политики, как рост благосостояния потребителей и защита их прав без учета иных целей антимонопольного регулирования не позволит достигнуть экономического роста, поддерживать конкурентную среду и нормализовать взаимоотношения производителей и потребителей на соответствующем рынке.

Тому есть несколько причин.

Во-первых, цель роста благосостояния потребителей и защиты их прав в ее “чистом” виде, ни в каком аспекте не учитывает интересы производителей, их издержки, прибыли, стимулы к осуществлению и совершенствованию методов хозяйственной деятельности. Это, в свою очередь, не согласуется ни с целью экономического роста, ни с необходимостью развития торговли и иных экономических отношений на Общем рынке.

Во-вторых, ценовая политика государства, руководствующегося только интересами потребителей, будет сводиться к уже упоминавшемуся приближению цен к общим издержкам производителей на единицу продукции. Это приведет либо к стагнации соответствующего рынка, либо к оттоку производителей из соответствующей сферы, либо к необходимости государственного субсидирования производителей в соответствующей сфере (что наблюдается в настоящее время в области сельскохозяйственного производства в Европе).

В первых двух случаях ситуация приведет к деградации и разрушению рынков. В последнем случае рыночные механизмы в соответствующей сфере сменятся непосредственным государственным регулированием, не имеющим ничего общего с конкурентными механизмами.

В-третьих, регламентированные властью низкие цены и низкие доходы, выгодные потребителю, по сути, лишают производителей возможности и желания проявлять инициативу в области инноваций, инвестиций и создания новой продукции.

Таким образом, руководствуясь исключительно интересами потребителей сегодня, законодатель наносит вред этим интересам в перспективе.

На современном этапе европейская антимонопольная политика вынуждена учитывать не только теоретико-экономические модели, но и ряд социальных факторов, которые в определенной мере обуславливают ограничения в применении антимонопольных мер.

Так, Европейская Комиссия предоставляет исключения из действия антимонопольных норм так называемым кризисным картелям – соглашениям предприятий, затрагивающим объемы производства и цены в тех случаях, когда вызванное объективными факторами падение уровня производства способно повлечь за собой повышение уровня безработицы и, как следствие, социальную напряженность.

В таких случаях влияние соображений социального и политического характера на антимонопольную политику представляется само собой разумеющимся и обоснованным. Действительно, конкуренцией допустимо пожертвовать, когда социальные издержки могут превысить положительный эффект от действия рыночных механизмов.

Практика деятельности Европейской Комиссии содержит ряд примеров того, что критерии оценки правомерности соглашений между предприятиями лежат не только в экономической, но и в социальной плоскости.

Так, в деле о создании совместного производства многофункциональных минивэнов компаниями “Форд” и “Фольксваген” Европейская Комиссия отметила, что такое соглашение двух крупнейших автомобильных компаний является правомерным, несмотря на то, что у каждого из его участников достаточно ресурсов, чтобы организовать это производство, не вступая в соглашение. Европейская Комиссия указала, что данное

соглашение повлекло за собой крупнейшее финансовое инвестирование в экономику Португалии, и, по предварительным оценкам, непосредственно способствовало созданию пяти тысяч рабочих мест, а косвенно – десяти тысяч.

Кроме того, соглашение спровоцировало рост инвестиций в смежные отрасли экономики Португалии, а рост экономического благосостояния государств-членов и устранение различий в уровне экономического развития между ними является одной из основных целей европейской интеграции. Кроме того, соглашение способствовало укреплению промышленных связей Португалии с другими членами ЕС.

С этих позиций соглашение, заключенное компаниями “Форд” и “Фольксваген” было признано законным и соответствующим целям ЕС.

Принципиальную позицию по вопросу о критериях оценки монополистических действий сформулировал Суд первой инстанции в деле “Нестле-Перье” в 1996 г. В решении по данному делу Европейской Комиссии было рекомендовано принимать во внимание социальные последствия сделок, приводящих к концентрации, особенно в тех случаях, когда речь идет о создании или сокращении рабочих мест.

Вышеописанные примеры демонстрируют, что основой достижения экономических и социальных целей ЕС является создание системы, предотвращающей искажение и ограничение свободной конкуренции на Общем рынке. Таким образом, основной предпосылкой для административного вмешательства европейских антимонопольных органов является наличие фактов ущемления внутренних торговых отношений между странами-членами ЕС.

Следующей важнейшей целью антимонопольного регулирования ЕС является защита интересов субъектов малого предпринимательства.

Принятие антимонопольных законодательных мер всегда было вызвано необходимостью ограничить влияние на рынок его крупных участников для обеспечения и защиты прав среднего и малого бизнеса. Однако не менее важным является не столько размер хозяйствующего субъекта (его доля на рынке), сколько осуществление им дискриминационной и иной противоправной практики.

Проблема малого бизнеса в контексте антимонопольной политики не исчерпывается вышесказанным.

Поддержка малых предприятий в отдельных случаях вступает в противоречие с закономерностями экономического роста.

По сути, поддерживая малые предприятия, власть способствует осуществлению ими неэффективной производственной деятельности, так как объективно малые предприятия, балансируя на грани рентабельности, в отличие от крупных, неспособны жертвовать частью прибыли для повышения эффективности производства.

Государственная поддержка малых предприятий, таким образом, способствует неэффективному использованию ресурсов и поддержанию высоких цен, прежде всего, на розничных рынках.

Европейская Комиссия неоднократно выражала точку зрения, согласно которой малый и средний бизнес является более динамичным, восприимчивым к инновациям и способным создать дополнительные рабочие места. Однако практика показывает, что данная точка зрения не вполне отражает существующие реалии.

Впрочем, особый подход европейских антимонопольных органов к малым и средним предприятиям имеет существенное практическое значение для антимонопольной политики в целом.

В частности, он не позволяет антимонопольным органам “распыляться” на соглашения и согласованные действия малых предприятий, не способные оказать влияние на общее состояние и функционирование соответствующего рынка.

Тем самым решается вопрос излишней загруженности европейских антимонопольных органов незначительными, с точки зрения последствий для Общего рынка, делами.

Важнейшей политико-экономической целью деятельности ЕС вообще и в сфере

защиты конкуренции, в частности, является способствование интеграции в рамках Общего рынка.

Эта цель провозглашена в Римском договоре и последовательно реализуется в практике правоприменительных органов ЕС.

Данная цель антимонопольного регулирования реализуется в запрещении деления рынков в рамках Европейского союза, дискриминационных цен и избирательной ценовой политики на различных национальных рынках в государствах-участниках ЕС, в недопущении применения специальных, избирательных и дискриминационных тарифов, квот и иных подобных мер.

Довольно частой является практика предприятий, выражающаяся в заключении соглашений, предоставляющих право компаниям торговать только в пределах своих национальных границ. Такого рода соглашения являются препятствием для развития Общего рынка, в связи с чем антимонопольные органы ЕС признают такие соглашения незаконными.

Цель создания единого рынка может быть достигнута не только посредством запрета юридическим лицам создавать торговые барьеры между государствами-членами, но и посредством содействия развитию деятельности юридических лиц на общеевропейском уровне.

Существуют различные методы достижения указанных целей ЕС. Выбор их может быть сделан на основе решений Европейской Комиссии и Европейского Суда.

В настоящее время развитие деятельности компаний государств-членов ЕС на общеевропейском уровне происходит при активном содействии совместной предпринимательской деятельности, направленной на преодоление межгосударственных барьеров, и содействии транснациональному переплетению промышленного, торгового и банковского капитала внутри ЕС.

Как национальные власти, так и органы ЕС поощряют создание крупных, трансевропейских компаний, способных противостоять конкуренции американских и японских транснациональных корпораций.

При этом достижение указанных целей общеевропейской интеграции в рамках Общего рынка и реализация таких мер сопровождается сохранением контроля за концентрацией производства, слияниями и поглощениями фирм.

В этой связи антимонопольное законодательство ЕС не только способствует развитию свободной конкуренции на уровне фирм, свободному движению в рамках ЕС товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, но и учитывает, что формирование единого внутреннего рынка и реализация указанных мер, в частности, поощрение создания трансевропейских компаний, может повлечь, в том числе и негативные последствия, возможность наступления которых необходимо прогнозировать и предотвращать.

Антимонопольная политика ЕС, по общему мнению, государств-участников, не должна нарушать экономической свободы хозяйствующих субъектов.

Наиболее значительные практические последствия эта цель имеет при регулировании отношений производителя продукции и ее распространителей-поставщиков.

В этой сфере производители нередко в договорном порядке накладывают на поставщиков целый ряд ограничений, чаще всего носящих территориальный характер или выражающийся в ограничении цены перепродажи товара.

Такого рода ограничения имеют серьезное экономическое обоснование, стимулируя распространителей-поставщиков к повышению эффективности своей деятельности и не позволяя им устанавливать цены выше предела, который производитель товара считает оптимальными.

Однако эти ограничения ущемляют экономическую свободу распространителей продукции.

В этой связи целью антимонопольной политики является поддержание баланса между экономической свободой таких субъектов и положительными последствиями

ограничительной договорной практики, инициируемой производителями товаров.

Противодействие инфляции, провозглашаемое в качестве одной из целей антимонопольной политики ЕС, представляется довольно спорным ориентиром.

Возможно, на национальном уровне, в условиях относительно небольшого, по сравнению с региональными масштабами, количества участников рынка, как это было в послевоенной Германии, антимонопольная, а в первую очередь, антикартельная политика и способствовала достижению указанной цели. Однако думается, что на региональном общеевропейском уровне противодействие картелям и их разрушение способно лишь на короткий промежуток времени оказать влияние на ценообразование, и тем более вообще не способно противодействовать инфляции в масштабе всей европейской экономики, влияние на которую отдельных картельных соглашений представляется весьма сомнительным.

Особого внимания требует проблема обеспечения равноправного и справедливого участия субъектов экономических отношений на Общем рынке, ставшая одной из важнейших целей антимонопольного правового регулирования в ЕС.

Данный вопрос имеет, по крайней мере, два аспекта.

В первом случае речь идет об отношениях хозяйствующих субъектов – юридических лиц и предпринимателей на Общем рынке.

Во втором – об участии государств-членов ЕС в экономических отношениях на Общем рынке и о разной степени влияния на него национальных экономик.

Первый аспект проблемы находит свое выражение, прежде всего, в контроле за необоснованным повышением цен компаниями, имеющими преобладающую долю на соответствующем рынке.

Однако сама идея контроля за ценообразованием не лишена недостатков – по сути, речь идет о вероятности неверной оценки государством степени допустимости его вмешательства в рыночные механизмы.

При некорректности такой оценки никакие цели, связанные с сохранением конкурентной среды, не будут оправдывать нарушение естественных механизмов функционирования рынка.

Второй аспект проблемы представляется более сложным с точки зрения как экономического развития стран-членов ЕС, так и с позиций политической интеграции и компромисса между ними. Действительно, в рамках ЕС национальные экономики в существенной степени различаются по таким ключевым показателям, как валовой национальный продукт, уровень безработицы.

Не менее важными представляются социально-политические различия между государствами-членами ЕС. Речь идет, в первую очередь, о неодинаковом влиянии профсоюзов на государственную политику, что в одних случаях позволяет государству беспрепятственно реализовывать законодательные инициативы, имеющие известный социальный эффект, а в других – в существенной мере сужает возможности государства в этой области.

В чистом виде экономические характеристики национальных экономик государств-членов ЕС обуславливают неодинаковые темпы их развития и необходимость принятия мер, способствующих их своего рода “выравниванию”.

В таких условиях на практике нередко цели европейской политики в области защиты конкуренции вступают в конфликт между собой.

Например, политика экономической помощи некоторым отсталым регионам ЕС может повлечь за собой необходимость достижения определенного компромисса между антимонопольной и региональной политикой.

Антимонопольная политика ЕС (как общая политика по вопросам конкуренции) в целом направлена на недопущение ограничения свободы конкуренции как предприятиями и индивидуальными предпринимателями, так и государствами-участниками путем введения протекционистских мер, предоставляющих национальным предпринимателям необоснованные преимущества и льготы. Однако без введения этих мер в некоторых

случаях государство просто будет неспособно эффективно участвовать в экономическом развитии ЕС.

Целесообразно пояснить это на примере, который нередко используют европейские ученые, анализируя проблемы защиты конкуренции в ЕС.

Так, очевидно, что сеть супермаркетов оказывается в более выгодном положении на рынке, чем небольшой магазин, поскольку большие объемы продаж позволяют компенсировать невысокий уровень прибыли на единицу продукции.

Аналогично, при общих правилах национального и наднационального регулирования Общего рынка, при единых стандартах и нормативах осуществления предпринимательской деятельности, при единых подходах к ценообразованию экономически более сильные государства оказываются в более выгодном положении, чем экономически более слабые члены ЕС.

Таким образом, необходимость регулирования конкуренции в рамках европейского рынка обусловлена тем, что конкуренция является необходимым элементом эффективного функционирования рыночной экономики и служит инструментом повышения эффективности производства, оптимальному перераспределению ресурсов, техническому прогрессу.

В одном из докладов Европейской Комиссии, посвященном проблемам конкуренции, было отмечено, что конкуренция – лучший стимулятор экономического роста: заставляет предприятия постоянно повышать эффективность производства и тем самым способствует повышению благосостояния граждан, лучшему удовлетворению общественных и индивидуальных потребностей.

ЕС в течение десятилетий получал и продолжает получать позитивные результаты в экономике и социальной сфере от использования, закрепленного нормами права режима конкуренции.

Благодаря этому режиму, ЕС превратился в один из наиболее сильных и социально-стабильных экономических блоков, который имеет возможность успешно конкурировать с другими участниками мирового рынка.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Е.Подолько,
кандидат политических наук

В последнее время в центре внимания международной интеллектуальной и политической элиты находится феномен глобализации. По мнению большинства политологов, процесс глобализации неизбежен, как в свое время невозможно было остановить развитие индустриализации. Однако глобализация не должна “идти сама по себе, стихийно и бесконтрольно. Ее необходимо корректировать с помощью международных институтов, прежде всего ООН, а также региональных организаций, ВТО, Мирового банка, МВФ”¹.

Представляется весьма важным выработка конкретных подходов к восприятию глобализации на национальных уровнях, что создает объективные предпосылки для более результативного участия в глобализации, сознательного извлечения выгод для себя, выработки определенной стратегии развития с учетом взаимодействия с другими странами мира. Российский политолог А.С.Панарин дал следующее определение глобализации в ее исторической динамике: “становление единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющими их от неупорядоченных внешних воздействий”².

Проблема глобализации является, безусловно, важнейшей составляющей в разработке китайской внешнеполитической стратегии в последнее время. Концепция глобализации, выдвинутая в последние годы на передний план в теоретических исследованиях и занимающая особое место в рамках практической дипломатии, в первое время китайскими теоретиками не воспринималась и отвергалась как несостоятельная. Но к середине 90-х годов глобализация перестала игнорироваться и нашла свое место в исследованиях, касающихся построения “нового международного порядка”.

По мнению ряда экспертов, “Китай достаточно эффективно и комплексно адаптируется к процессу глобализации, более того, стремится влиять на этот процесс, на его содержание и формы, пытается воспользоваться глобализацией как шансом для интеграции в мировую экономику, завоевания емких рынков для китайских товаров, освоения передовых методов управления современной экономикой и приобщения к новым технологиям”³.

Необходимо отметить, что принципиальное отличие китайского восприятия глобализации от традиционной трактовки этого явления как совокупности поистине планетарных процессов, являющихся порождением научно-технической, информационной и коммуникационной революций и охватывающей практически все сферы экономики, политики, культуры, психологии человечества, состоит в том, что Пекин безоговорочно признает только ее экономическую составляющую.

В китайской политической и экономической науке широко распространена точка зрения, что экономическая глобализация является объективным процессом постепенного слияния экономик отдельных стран в мировую, и эта тенденция необратима. Такова же и официальная оценка, высказанная МИД КНР. “Политологи и экономисты КНР делают

акцент на таких составляющих глобализации, как подъем науки, техники и в особенности информационных технологий, прямое стимулирование международной торговли, производства, инвестиций, связывание воедино мировой экономики”⁴. Главное, что должен получить Китай от такого многогранного процесса как глобализация, – это современные технологии для модернизации собственной промышленности⁵.

Позитивное отношение китайского руководства к экономической глобализации не случайно, поскольку своими значительными экономическими успехами КНР в существенной мере обязана именно глобализации и приходу транснациональных корпораций, привлекаемых дешевой и изобилием трудовых ресурсов Китая.

Среди китайских исследователей все более распространенной является положительная оценка роли глобализации для Китая.

Например, автор работы “Стратегия развития Китая, основанная на выходе за границу”, Ба Цзиньсинь, считает, что “с тех пор, как в 90-е годы всемирно известные ТНК развернули в Китае стратегическую инвестиционную активность, постепенно включили Китай в цепочку производства добавленной стоимости и предпринимательскую сеть, обрабатывающая промышленность Китая стала заметным явлением в мировой экономике...

В процессе экономической глобализации, в котором ведущая роль принадлежит транснациональным корпорациям, место Китая в международном разделении труда в основном зависит от иностранного капитала...

Глобализация предоставила Китаю возможность еще лучше использовать свои внутренние и внешние ресурсы. С одной стороны, можно привлекать больше капиталов, технологий и передовых методов управления, с другой – можно осуществлять “выход за границу”, участвовать в транснациональных инвестициях, использовать зарубежные ресурсы”⁶.

Таким образом, после прихода к власти нового руководства КНР во главе с Ху Цзиньтао одной из главных составляющих стратегии развития Китая стала концепция экономической глобализации, которая получила соответствующую интерпретацию в научных кругах КНР.

По мере активизации участия Китая в процессах глобализации, растет и влияние КНР в мире. Главный козырь Китая в рамках глобализации – превращение в мировую мастерскую по схеме, которая еще во второй половине 80-х годов “называлась “два конца вовне”: покупаем сырье, перерабатываем и продаем готовые изделия. Сегодня Китай дает до 30% прироста мировой продукции”⁷. В целом, экономические показатели КНР впечатляющие.

С учетом итогов экономической переписи, среднегодовые темпы роста китайской экономики за период 1979–2005 гг. составили 9,6%.

По показателю ВВП Китай по итогам 2005 г. занимает пятое место в мире после США, Японии, Германии и Великобритании, по объему внешней торговли (1422,12 млрд. долл.) – третье место после США и Германии, по валютным запасам (818,9 млрд. долл. на конец декабря 2005 г.) Китай вышел на второе место после Японии⁸.

Исследователь института мировой экономики при министерстве торговли КНР Мэй Синьюй, рассуждая об эволюции экономической дипломатии Китая указывает на то, что в XXI в. механизмы принятия решений в международной экономической политике и в области международного права по-прежнему остаются монополией в руках малого числа развитых государств. Существующий международный экономический порядок нерационален, и все больше и больше проявляется политический подтекст в существующих экономических разногласиях. По мнению Мэй Синьюй, Китаю необходимо в существующих международных условиях добиться максимального пространства для собственного развития.

Каким образом можно будет обеспечить китайское бурное развитие еще большим пространством?

Мэй Синьюй полагает, что для этого “необходимо учитывать два момента: первое – в

полной мере использовать права, предоставленные Китаю существующей в настоящее время международной экономической системой; второе – в процессе установления нового международного экономического порядка, по возможности расширять своё влияние на выработку международных правил в области экономики, которые бы в большей мере соответствовали реализации китайских национальных интересов”⁹.

Аналогичного же мнения придерживается и бывший министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь, полагая, что изолировавшись от процессов глобализации возможно и удастся избежать некоторые угрозы, которые она несет с собой, но будет упущена возможность (в результате активного участия в процессе экономической глобализации и оказываемого влияния на ход ее развития) получить еще большие выгоды для собственного развития.

Цянь Цичэнь считает, что в настоящее время ни одна страна не в состоянии уклониться от участия в международных делах, “изолировав себя от международного сообщества. Независимо, нравится это или нет, всем необходимо пойти навстречу этому вызову”¹⁰.

Соответственно, активное участие в экономической глобализации является не только стратегическим выбором Китая, но и необходимым или вынужденным шагом, продиктованным местом, которое он занимает в международном разделении труда в настоящее время.

Как отмечают авторы очерка о внешней политике Китая в юбилейном издании, посвященном 55 годовщине образования КНР, “китайские политологи практически отождествляют глобализацию как таковую с ее экономической составляющей. Однако тем самым они очерчивают рамки и ставят пределы целесообразности глобализационных процессов, полагая, что глобализация может быть полезна в экономике, но неприемлема в политике и общественных отношениях, где она несет угрозу независимости и суверенитету стран, менее подготовленных для подсоединения к ней “на равных”.

Одно из наиболее нежелательных последствий глобализации усматривается в дальнейшем углублении разрыва между уровнями экономического развития государств богатого “Севера” и бедного “Юга”¹¹.

Но есть свидетельства и того, что многие китайские специалисты по проблемам глобализации не сводят ее только к экономике, а считают, что она затрагивает и другие аспекты жизни гражданского общества, включая политику, мораль, образование, экологию, право, вопросы обороны и безопасности и т.д.

В обоснование своего мнения они приводят тот факт, что “в течение 18 лет реформ, с 1980 по 1998 гг., Китай ратифицировал 177 международных соглашений об экономическом, политическом и культурном сотрудничестве, и является участником всех соответствующих международных организаций”³. В последние годы активность Китая в сфере международных отношений еще более усилилась. Тем не менее Китай неизменно проводит внешнюю политику отвечающую национальным интересам. Например, КНР выступает за признание необходимости обеспечивать и защищать права человека с учетом специфики и традиций каждого государства, на базе суверенного равенства всех стран и невмешательства в их внутренние дела. Цянь Цичэнь отмечает, что “только на основе гарантии и защиты государственного суверенитета можно действительно говорить об улучшении прав человека”¹⁰.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что демонстративное неприятие Пекином политической составляющей глобализации в ее нынешнем проявлении вовсе не исключает его стремления к получению максимальных политических дивидендов от самого этого явления. Решительное осуждение Китаем эксплуатации богатым “Севером” бедного “Юга” помогает закрепить за ним роль лидера развивающихся стран; к этой роли Китай последовательно продвигался начиная с 50-х годов. Кроме того, широкое присутствие в Китае ТНК, имеющих американскую, японскую и западноевропейскую родословную, а также свыше 3 млн. совместных или иностранных предприятий, делает их мощным прокитайским лобби, которое достаточно успешно отстаивает позиции КНР не только по

торговле, но и по правам человека, проблеме Тибета, продаже вооружений Тайваню и многим другим далеко не экономическим вопросам¹². Широкое присутствие в Китае зарубежного, особенно американского капитала, несомненно, способствовало принятию Китая в ВТО в конце 2001 г. на весьма благоприятных условиях после 15 лет переговоров.

Необходимо отметить, что “растущий” Китай из-за своей географической, демографической и экономической мощи, оказывает все большее влияние на развитие мировой экономики. Более того, сама система международных и региональных отношений будет неизбежно трансформироваться под воздействием детально разработанной стратегии развития КНР на ближайшие десятилетия и четко сформулированной международной позиции страны, с учетом, прежде всего своих национальных интересов. Современная внешняя политика Китая может быть определена, как “дипломатия активного действия”¹³. Продолжая рассматривать в качестве лейтмотива современной эпохи – “мир и развитие”, обозначенных Дэн Сяопином еще 20 лет назад, китайское руководство определяет как главные тенденции современного этапа мирового развития – многополярность и экономическую глобализацию.

Однако китайское видение многополярности также претерпело существенные изменения. Теперь многополярность уже не рассматривается как эквивалент множества сильных государств. Отходит на второй план ранее популярная концепция “одна сверхдержава – много сильных держав”. Теперь на первый план выдвигаются процессы регионализации и формирования сильных регионов. Причем по мнению Китая, многостороннее сотрудничество не может строиться на базе “нулевого варианта” – чем хуже партнеру, тем лучше нам.

В своей статье “Мир, развитие и сотрудничество – знамя китайской внешней политики в новую эпоху” министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин подчеркивает тот факт, что все страны, вне зависимости от своих размеров, богатства или мощи, должны на взаимовыгодных началах усиливать и расширять сотрудничество в экономической, научно-технической и культурной областях, содействовать совместному развитию и процветанию¹⁴.

Что касается развития российско-китайских отношений в условиях глобализации, то на данный момент они переживают стадию стабильного и взаимовыгодного сотрудничества. Сегодня, когда совместными усилиями решены все пограничные вопросы, обсуждавшиеся на протяжении четырех десятилетий, а в области внешней политики Россию и Китай объединяют общие подходы к международным проблемам и совпадающие интересы в современном мире, главным является укрепление экономической базы сотрудничества, что позволит обеим странам ускоренно и стабильно развиваться. Об этом свидетельствует и недавний визит в Китай Президента Российской Федерации В.В.Путина, и достигнутые в ходе визита важные экономические договоренности.

В Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI в. от 2 июля 2005 г., заложены основополагающие принципы видения двумя странами современной международной обстановки, а также перспектив построения нового международного порядка

В разделе, посвященном глобализации, отмечено, что “для здорового развития процессов глобализации необходимо наращивать взаимовыгодное сотрудничество между государствами и регионами, отказываться от любых проявлений дискриминации в экономических отношениях, содействовать совместному процветанию путем расширения и углубления торгово-экономических и научно-технических обменов. Международное сообщество должно выработать универсальный взаимоприемлемый торгово-экономический режим.

Путь к этому – равноправные переговоры, отказ от давления и санкций для достижения односторонних экономических уступок”¹⁵.

Весьма важно и то, как в Совместной декларации рассматривается необходимость признания в мире многообразия культур, “что должно стать основой для их

взаимообогащения, а не для конфликтов. Не “столкновение цивилизаций”, но необходимость глобального сотрудничества – вот определяющее требование мира в современных условиях”¹⁵.

Таким образом, российско-китайские отношения можно рассматривать как автономную модель, пример того, как даже в современных непростых условиях глобализации, несущей в себе как выгоды, так и вызовы глобального характера, все-таки существует возможность развивать отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества и через диалог и консультации не только совместно решать двусторонние проблемы, но и выработать общие подходы к построению нового, более рационального и справедливого международного порядка.

Примечания

¹ Бажанов Е.П. Современный мир. М., 2004. С. 31.

² Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2002. С. 4.

³ Титаренко М. Китай и глобализация // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 6–7; 8, 10.

⁴ Волохова А.А. Влияние глобализации на развивающиеся страны: представления в КНР // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л.Титаренко. М., 2004. С. 414.

⁵ Воскресенский А.Д. Китай и мир глазами Китая // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. С. 147.

⁶ Китай в мировой и региональной политике. М., 2005. С. 140-141.

⁷ Китай и Россия в глобальном мире // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. С. 137.

⁸ По данным Торгового Представительства РФ в КНР.

⁹ <http://www.consultingmaster.com/consulting/ShowArticle.asp?ArticleID=3492>

¹⁰ Цянь Цичэнь. Десять дипломатических событий. Пекин, 2005. С. 316, 326.

¹¹ КНР 55 лет: политика, экономика, культура. М., 2004. С. 256.

¹² Внешняя политика Китая на пороге XXI века. / Сост.: Корсун В.А. М., 2005. С. 22.

¹³ The Security Mechanism of North-East Asia: Reality and Prospect // Contemporary International Relations (CIR). Beijing, 2004. № 5. P. 59.

¹⁴ <http://www.fmprc.gov.cn/chn/zxxx/t208030.htm>

¹⁵ <http://www.russia.org.cn/rus/?SID=50&ID=983>

ПАКИСТАНО-ИНДИЙСКОЕ ЯДЕРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Взгляд из Исламабада

А.Александров

Тематика гонки ядерных вооружений между Пакистаном и Индией в Южной Азии – регионе и без того отягощенном целым комплексом трудноразрешимых социально-экономических проблем (высокий уровень нищеты и безработицы, от которых страдает едва ли не половина всего их населения, с трудом продвигающиеся интеграционные процессы в рамках СААРК и т.п.) – является, пожалуй, определяющей при прогнозировании будущего этого субконтинента, как впрочем, и граничащих с ним регионов, например государств Персидского залива. Фактически, вступление этих двух стран в “ядерный клуб” в 1998 г. поставило их руководство перед вполне определенным выбором:

- продолжить наращивание собственных потенциалов средств сдерживания “внешней агрессии”, в том числе ядерных;
- подписать ДНЯО, ДВЗЯИ и присоединиться к основным нераспространенческим режимам;
- решительно прекратить все разработки ОМУ и начать диалог по проблематике обеспечения безопасности со всеми ядерными державами мира.

Входящий в число ведущих пакистанских публицистов М.Х.Джалалзай, задающийся в одной из своих книг вопросом, почему-де мир не должен оставаться безучастным, если Исламабад и Нью-Дели развяжут ядерную войну, отвечает на него следующим образом – жители этих двух стран составляют, по самым приблизительным оценкам, порядка 20% всего населения планеты, значительная их часть проживает в густо населенных городах, находящихся в радиусе досягаемости для авиации и ракет потенциального противника, и даже ограниченный по масштабам обмен ядерными ударами “приведет к гибели миллионов человек”¹.

Как отметил в 2003 г. мэр Хиросимы д-р Т.Акиба, в случае ядерной войны между этими государствами ее жертвами “в считанные секунды” станет более 12 млн. мирных граждан.

Развивая тему, другой пакистанский автор З.Н.Джаспал* пишет: “В стратегических условиях современной Южной Азии отношения между Индией и Пакистаном более не являются игрой только с одним победителем и одним проигравшим – реальное положение вещей таково, что ядерная война между двумя странами неминуемо обернется для них “взаимным уничтожением” и катастрофой”².

Вместе с тем, как представляется, излишне оптимистично и со стопроцентной уверенностью полагать, что в случае если уровень напряженности в военной сфере между Нью-Дели и Исламабадом перейдет “установленные отметки”, то неминуемо последует

вмешательство со стороны западных стран, которые вряд ли захотят сидеть на “пороховой бочке”, – упование последних на диалоговые механизмы в данном конкретном случае (при определенном стечении обстоятельств) может не сработать.

Как видится, отправной точкой для подобного анализа являлось бы уяснение видения подобного вероятного конфликта его потенциальными сторонами – Пакистаном и Индией, чей ядерный статус (пусть юридически до сих пор и не признанный мировым сообществом) в этой связи выступает не только как решающий фактор региональной политики, но и как важнейший фактор политики международной.

Администрация президента П.Мушаррафа (генерал одновременно является начштаба (командующим) сухопутных войск – НШСВ), пришедшего к власти в результате “бескровного” военного переворота в октябре 1999 г. (сместил тогдашнего премьер-министра Н.Шарифа), официально придерживается установки на сохранение и дальнейшее совершенствование имеющегося у него ракетно-ядерного потенциала. Пакистанские руководители (президент, премьер-министр), в общем-то озвучивая уже четко затвержденную позицию Исламабада по этому вопросу, неоднократно в весьма категорическом тоне заявляли на самых различных международных форумах о том, что ИРП не намерена втягиваться в гонку ядерных вооружений с Индией (которая, кстати, напрямую обвиняется в ее сознательном раскручивании), а ее ядерная программа служила и служит исключительно целям сдерживания возможной агрессии** со стороны последней и “защиты национальных интересов” (в соответствии с существующей де-факто, но официально не принятой ядерной доктриной страны, определяется как “стратегическое сдерживание минимальными силами”).

Исламабад на данном этапе как представляется, достаточно трезво оценивает свои возможности в области ядерного оружия (ЯО) и изначально не ставит перед собой целей сравняться по соответствующим показателям с Нью-Дели***.

Как сказал в интервью одному из индийских телеканалов нынешний пакистанский мининдел Х.М.Касури, Исламабад “никогда не имел ложных иллюзий – Индия в действительности больше ИРП, и только потерявший рассудок может вынашивать планы нападения на нее”.

По имеющим в Пакистане весьма широкое хождение данным, в целом подтверждаемым оценками авторитетного Вашингтонского института научных исследований и международной безопасности, потенциальный арсенал Исламабада с учетом имеющихся у него наработанных материалов (порядка 50–90 ядерных взрывных устройств – ЯВУ; реально же находящихся “в сборе”, предположительно, не более 30) в целом не слишком уступает аналогичным индийским показателям (оценочно, от 55 до 115), однако он значительно “проигрывает” в плане технического совершенства и численности средств его доставки – в практическом ключе пакистанские ЯВУ (созданные преимущественно на основе уранового компонента) могли бы быть использованы либо как ядерные фугасы (то есть приводиться в действие посредством детонации размещенных в них зарядов обычного взрывчатого вещества), либо как авиабомбы (размещаться на входящих в состав ВВС ИРП американских “Ф-16” и французских “Миражах”), причем их значительный вес (более тонны) существенно сказывается на эффективности применения подобных средств доставки (в настоящее время, однако, ведутся работы по созданию компактных ЯВУ).

Основу ракетных сил ИРП составляют БРМД “Хатф-1” и “Хатф-2” (эксперты ставят под серьезное сомнение официальные заявления властей об их способности нести ядерные боезаряды).

Кроме того, пакистанцы ведут работы по доводке различных модификаций БРСД “Шахин” (“Хатф-4”, “Хатф-6”) и “Гхаури” (“Хатф-5”, “Хатф-5А”), созданных на основе китайских и северокорейских образцов (данный факт отрицается руководством страны) и теоретически способных нести ядерные боезаряды весом до 1 т.

При этом Исламабад заверяет, что “не намерен” осуществлять боевое развертывание ЯО (соответствующие боезаряды, как утверждается, хранятся отдельно от средств

доставки), а также подтверждает данное ранее обязательство соблюдать объявленный в 1998 г. мораторий на проведение ядерных испытаний (с оговоркой – “до тех пор, пока такой же линии следует Нью-Дели”).

В этой связи нельзя не обратить внимание на скептицизм ряда местных аналитиков, которые на основании упомянутой информации делают вывод о том, что имеющийся у Исламабада ядерный потенциал вместе со средствами его доставки в общем-то не отвечают задачам “минимально надежного ядерного сдерживания”. Интерес представляют, например, взгляды на этот счет вице-президента Исламабадского института исследования политики д-ра И.Х.Бохари. Он, в частности, замечает, что позиция официального Исламабада, исходящего из того, что имеющаяся у него возможность использовать несколько ядерных боезарядов заставит Индию воздержаться от шантажирования своего соседа и развязывания конфронтации, требует тщательного пересмотра.

По его словам, с учетом того, что концепция “минимально надежного ядерного сдерживания” предполагает наличие у страны – потенциальной жертвы агрессии возможности нанесения ответного удара, реальная отдача от подобного механизма в случае с ИРП будет зависеть от возможности последней по сохранению всех важных объектов инфраструктуры после эвентуального нападения на нее Индии.

В этом контексте, по мнению исследователя, принимая во внимание ограниченные возможности Исламабада на этом направлении (меньшее количество ракетных носителей, досягаемость стратегических целей на территории страны для индийских ракетных систем “Притхви” и т.п.), такой сценарий маловероятен и, следовательно, перед ним лежит единственная альтернатива – “нанести решительный удар первым или потерять все” (тем самым фактически ответственность за инициирование ядерного конфликта в Южной Азии при таком развитии событий возлагается на ИРП).

Это в свою очередь, как делает вывод И.Х.Бохари, вынуждает стратегов в Нью-Дели прорабатывать такой вариант “удара”, который “упредил бы упредительный удар” по нему Исламабада (в реальности это и превращается в основную причину раскручивания в регионе “спирали напряженности”)³.

Исламабад особо подчеркивает, что все имеющееся в его распоряжении ЯО “надежно контролируется” – в вооруженных силах (ВС) сформировано так называемое Стратегическое командование, подчиняющееся непосредственно НШСВ (то есть на данном этапе непосредственно П.Мушаррафу), с февраля 2000 г. функционирует Система командования и контроля, одной из основных задач которой, как отмечается, является “снижение рисков случайного или несанкционированного применения ЯО”.

В январе 2001 г. создано подотчетное премьер-министру (в настоящее время – Ш.Азиз) Пакистанское управление по регулированию в области ядерных технологий (к числу его функций, в частности, отнесено отслеживание технической безопасности ядерных объектов, внедрение современных конструкторских инноваций по ее дальнейшему повышению, контроль за уровнем радиационного излучения и т.п.).

Эти аргументы, как представляется, звучат весьма неубедительно для Вашингтона, по-прежнему остающегося ключевым партнером Исламабада на международной арене: время от времени в пакистанские СМИ попадают вызывающие близкие к паническим настроения “утечки” из западных источников о якобы прорабатываемых американцами сценариях силового захвата и нейтрализации ядерных объектов и ЯО ИРП.

Позиция Исламабада по ЯО определяет и его весьма “избирательный” подход к основным международным нераспространенческим режимам – фактически он поддерживает те из них, которые, в его представлении, могли бы умерить “экспансионистские амбиции” Нью-Дели и в целом предотвратить непосильную для него (с учетом объективно осознаваемых более скромных финансово-экономических возможностей по сравнению с “большим соседом”)^{****} гонку ЯО в регионе (при этом он призывает мировое сообщество выработать по этим вопросам “всеобщий консенсус”, который бы учитывал мнения и оговорки “всех без исключения государств” и не ставил бы под угрозу

их национальную безопасность).

Так, ДНЯО в ИРП рассматривается как “дискриминационный”: он закрепляет ядерную монополию “пятерки” и в связи с этим требуется расширение ядерного клуба за счет включения в него Пакистана, Индии и Израиля.

Теоретически возможным считается и присоединение ИРП к ДВЗЯИ, однако, как заявляется, подобному шагу должны предшествовать разрядка в отношениях с Индией, согласие последней пойти на подписание данного Договора, а также его ратификация американцами.

На этом фоне явно “несводимой к общему знаменателю” с пакистанской является и официальная позиция Нью-Дели, “тем более не готового” поступиться “жизненно важными национальными интересами”. Обладание ЯО для Индии – существенное подкрепление собственного веса и влияния на международной арене, а также лидирующего положения на южноазиатском субконтиненте.

Индия также не считает для себя на данном этапе возможным рассмотрение вопроса о присоединении к ДНЯО (“закрепляет монопольное обладание ЯО лишь узкой группой стран”, так как он не обеспечивает “вертикальное нераспространение”, без которого невозможно собственно предотвращение “горизонтального расползания” ЯО).

Обставляет Нью-Дели целым рядом условий и свое возможное присоединение к ДВЗЯИ – формирование в стране “общенационального консенсуса” по вопросу о присоединении к Договору, позитивное завершение переговоров по ядерной тематике со всеми ведущими мировыми державами и т.п.

Нью-Дели негативно воспринимает различные инициативы Пакистана (продвигаемые им с 70-х годов), в частности, относительно объявления Южной Азии так называемой “зоной, свободной от ядерного оружия”, а также проведения многосторонней встречи по вопросам региональной безопасности и нераспространения (свою позицию он мотивирует необходимостью рассмотрения упомянутых проблем в более широком географическом контексте, имея в виду ядерный потенциал КНР и значительную активность некоторых внерегиональных ядерных держав в Индийском океане). Весьма “прохладную” реакцию со стороны индийцев встречает и предложение пакистанской стороны относительно подписания двумя государствами т.н. Договора о взаимном сокращении ядерных потенциалов – “взамен” ими, например, предлагается заведомо неприемлемая для Исламабада идея о выработке так называемой совместной ядерной доктрины”.

Как предполагают в достаточно категорическом ключе многие западные аналитики, военно-политическое противостояние двух крупнейших государств Южной Азии – Индии и Пакистана – при очередном обострении (катализатором может стать остающаяся неурегулированной на протяжении последних нескольких десятилетий кашмирская проблема или же организованный воинствующими исламистами “крупный террористический акт на территории Индии с большим количеством человеческих жертв) “неминуемо” спровоцирует между ними “ограниченный” конфликт, который затем также неизбежно перерастет в полномасштабную войну с использованием ЯО со всеми “вытекающими из этого” катастрофическими последствиями. При этом эксперты более склонны считать, что ЯО “с высокой долей вероятности” первым применит все же Исламабад – к этому его вероятнее всего, должен подтолкнуть “постоянно растущий не в его пользу” дисбаланс в обычных вооружениях, обрекающий страну на поражение в случае возникновения так называемого конвенционального конфликта.

Об этом говорится в опубликованном в начале 2005 г. докладе авторитетного Национального разведывательного совета США. Его авторы, в частности, подчеркивают, что дополнительным “негативным стимулом” может стать и отсутствие у Пакистана так называемой “стратегической глубины”, делающей для него невозможным длительное полномасштабное военное противостояние с Индией.

Как отмечает один из пакистанских авторов, данный фактор с учетом активно развиваемых Нью-Дели ракетных средств доставки ЯО, включая сверхсовременные

крылатые ракеты (имеется в виду, в первую очередь, совместный российско-индийский проект “БраМос”), а также прорабатываемого им вопроса о размещении в регионе системы ПРО (не без помощи со стороны Вашингтона), ставят под угрозу имеющийся у Исламабада потенциал сдерживания, в том числе и в части возможности нанесения им ответного ядерного удара².

В другом докладе того же Совета отмечается, что “даже несмотря на отсутствие и у Индии, и у Пакистана четко сформулированных военных доктрин, продолжающееся между ними соперничество в ядерной области фактически переросло в находящееся в состоянии балансирования взаимное сдерживание”, создающее у сторонних наблюдателей ощущение глубокой тревоги⁴.

Для подобных пессимистических прогнозов есть все основания – известно, что в 1999 г. во время конфликта вокруг Каргила, рассматриваемого многими как “четвертая” пакистано-индийская война, и Нью-Дели, и Исламабад (в последнем случае военные, которые якобы действовали “без санкции” тогдашнего премьера Н.Шарифа) были готовы применить ЯО с тем, чтобы “добиться решительного реванша” (снаряженные боеголовками ракеты были поставлены на боевое дежурство и могли быть запущены в любую минуту).

В 2002 г. в период очередного обострения в пакистано-индийских отношениях П.Мушарраф также публично заявил, что Пакистан “может задействовать” свой ядерный потенциал^{*****}.

Глава британского Форин Офиса Дж.Стро в одном из своих выступлений заявил, что в начале 2002 г. Пакистан и Индия находились на грани крупномасштабного военного конфликта, который, как полагало международное сообщество, “неминуемо” должен был перерасти в ядерную войну, и лишь “активная дипломатия” Лондона и Вашингтона позволила предотвратить “катастрофическое сползание мира в бездну”⁵.

Нынешний глава Управления стратегического планирования Пакистана, генерал-лейтенант Х.А.Кидваи указывает, что Исламабад “обязательно применит ЯО”, если под угрозу будет поставлено его существование как независимого суверенного государства, что предполагает следующие вероятные сценарии:

- Индия нападает на Пакистан и захватывает большую часть его территории;
- Индия уничтожает большую часть пакистанских вооруженных сил;
- Индия вводит экономическую блокаду Пакистана;
- Индия расшатывает внутривнутриполитическую стабильность в этой стране или же организует крупномасштабные диверсионные акции.

На этом фоне не следует излишне полагаться на различные “пограничные” сценарии развития событий, якобы исключая вероятность эскалации ядерного конфликта как, например, возможность задействования Нью-Дели нескольких сравнительно небольших армейских группировок (стратегия “холодной” войны) для нанесения “хирургических ударов” через Линию контроля в Джамму и Кашмире по пакистанским частям и тренировочным лагерям джихадистских группировок.

Как заметил один из пакистанских экспертов в области оборонной стратегии (пожелавший остаться неназванным), любая подобная акция “будет рассматриваться Исламабадом как полномасштабная война. ИРП ответит на нее всеми имеющимися в ее распоряжении ресурсами, а в случае, если войскам страны не удастся сдержать натиск индийцев, то в дело со стопроцентной вероятностью вступит ядерный фактор”.

Как пишет один из специалистов по проблемам безопасности в Южной Азии З.Хан, военно-политические круги в Нью-Дели чересчур “уповают” на иллюзорную возможность втягивания своего западного соседа в “ограниченную” войну, которая ни при каких условиях не перерастет в полномасштабный и тем более ядерный конфликт (на такие выводы их, как видно, наталкивает опыт каргильского противостояния)⁶.

Не исключают в Исламабаде и нанесение “превентивных” ударов по территории

соседней страны.

При анализе политики Исламабада на “ядерном треке” необходимо, помимо в целом непростых, а временами конфронтационных его отношений с Нью-Дели учитывать и ужесточение подходов к нераспространенческим режимам со стороны США, в последнее время резко усиливших нажим в этой плане – причем не только на “проблемный” Пакистан (громкий скандал с разоблачением международной сети “пролиферантов” во главе с “отцом” пакистанской ядерной бомбы А.К.Ханом), но и на Индию.

Как отмечает начальник штаба (командующий) сухопутных войск Пакистана в 1988–1991 гг. М.А.Бег, “наша ядерная программа действительно временами создает определенную напряженность в отношениях с США, и мы должны это учитывать, ... однако, действовать при этом без ущерба для собственных национальных интересов”⁷.

Пакистан в подобном контексте при выработке подходов к ЯО в целом и нераспространенческим режимам, в частности, вынужден учитывать свою весьма “непростую” историю взаимоотношений с различными террористическими группировками (в памяти западного сообщества еще “свежи” воспоминания о той роли, которую Исламабад сыграл в создании и пестовании Движения талибов).

Как отмечает руководитель близкого к истеблишменту Института стратегических исследований Ш.Мазари, в военном контексте нуклеаризация Южной Азии всегда неизбежно смыкается с тематикой борьбы с терроризмом: с учетом сохраняющейся весьма большой опасности попадания ядерного оружия в руки террористов возникает определенная вероятность того, что США в попытках защитить свои стратегически важные объекты попытаются “нанести мощный удар” по ядерной программе Пакистана.

Это вынуждает руководство ИРП постоянно лавировать, убеждая местные общественно-политические круги в том, что сотрудничество с Вашингтоном не предполагает получение последним права на доступ к ядерным арсеналам страны.

Не может Исламабад, даже с учетом активно продвигаемой президентом П.Мушаррафом и в целом позитивно воспринимаемой западным сообществом концепции превращения страны в “просвещенное умеренное исламское государство”, полностью “сбрасывать со счетов” и сохраняющиеся в пакистанском обществе весьма сильные националистические и милитаристские настроения, которым он вынужден время от времени подыгрывать.

При этом аргументы сторонников сохранения и дальнейшего совершенствования ИРП собственного ядерного арсенала достаточно весомы и убедительны.

Так, бывший начштаба (командующий) ВВС Пакистана (при премьер-министре З.А.Бхутто), главный маршал авиации З.А.Хан замечает, что Исламабад должен “оставлять за собой ядерный выбор” не только из-за сохраняющейся угрозы со стороны Индии, но и принимая во внимание изменившиеся после окончания “холодной войны” мировые реалии, а также необходимость усиления своего авторитета в региональных и международных делах.

А бывший генеральный директор (руководитель) Пакистанской комиссии по атомной энергии С.Башир-уд-Дин, отражая настроения значительной части пакистанской интеллектуальной элиты, пишет, что любые попытки с подачи Запада продвигаться в направлении снижения риска ядерного конфликта в Южной Азии будут неминуемо восприниматься здесь как “спуск вниз по лестнице”, ведущей через “вынужденное” присоединение Исламабада к соответствующим нераспространенческим режимам к его полному “ядерному разоружению”.

Исламабад, как отмечают местные аналитики, на протяжении всей истории существования и развития ЯО в Южной Азии “более чем серьезно относясь” к озабоченностям мирового сообщества в связи с соблюдением соответствующих международных нераспространенческих режимов, неоднократно предлагал соседней Индии предпринять совместные шаги по обузданию гонки вооружений, такие как объявление субконтинента “зоной, свободной от ЯО и ракетных средств его доставки”, взаимное

инспектирование специалистами двух стран ядерных объектов друг друга, и, даже, одновременное присоединение Пакистана и Индии к так называемому Режиму стратегического сдерживания (впервые инициатива озвучена в октябре 1999 г.), однако все эти начинания не получили поддержки ни у одной из ведущих держав мира и в итоге “разбились” о позицию Нью-Дели, категорически не желающего рассматривать проблематику ЯО “исключительно в региональном контексте” и мыслящего в этой связи “более глобально”.

Как замечает в интервью одному из частных пакистанских телеканалов бывший глава Комиссии военных инспекторов в Ираке Х.Бликс, возможным выходом из “ядерного тупика” для Исламабада и Нью-Дели мог бы стать одновременный отказ (вероятно, формализованный каким-либо документом) ими от проведения испытаний ЯО, а также полное сворачивание работ по производству необходимых для него расщепляющихся материалов⁸ – вариант, как представляется в силу изложенного выше, заведомо неприемлемый на данном этапе для обеих стран.

Одним из возможных первых шагов на пути кардинального сокращения риска возникновения ядерного конфликта в Южной Азии могло бы стать и полное отделение ядерной проблематики от ключевого в двусторонней повестке дня кашмирского вопроса – тем более, что в пакистанских общественно-политических кругах данная идея пользуется определенной поддержкой.

Итак, Пакистан и Индия, продвигаясь (пусть и медленно) в направлении гарантированного от “появления ядерного гриба” будущего, имеют при этом вполне определенный позитивный задел в виде достаточно хорошо отработанных механизмов, а именно, мер по укреплению доверия.

Можно выделить следующие из них:

- канал “горячей связи” между начальниками оперативных управлений штабов сухопутных войск и штабами, расположенными вдоль Линии контроля в Кашмире (функционирование возобновлено на основании устной договоренности первых заммининдел двух стран в декабре 1990 г.);
- Соглашение о ненападении на ядерные объекты (подписано в 1988 г., ратифицировано в 1991 г. и предусматривает обмен 1 января каждого года списками соответствующих ядерных объектов);
- Соглашение о предотвращении нарушений воздушного пространства и получении разрешений на осуществление пролетов над территорией друг друга и посадок военных самолетов (подписано в 1991 г., ратифицировано в 1992 г. и предусматривает, что самолеты одной стороны не должны приближаться на расстояние менее 10 км к воздушному пространству другой стороны) и др.

Кроме того, с октября 2005 г. между двумя странами действует имеющее принципиальное значение для поддержания стратегической стабильности в Южной Азии Соглашение о предварительном уведомлении сторон об испытательных пусках ракет (режим документа не охватывает класс крылатых ракет), еще ранее, в сентябре того же года в строй была введена вторая линия экстренной связи – между первыми заммининдел Пакистана и Индии.

Примечания

¹ Jalalzai M.K. Pakistan’s Foreign Policy. Sectarian Impact on Diplomacy. Lahore, 2002. С. 136.

² Jaspal Z.N. India’s Endorsement of the US BMD: Challenges for Regional Stability // IPRI

Journal. 2001. Summer. C. 39, 40.

³ Bokhari I.H. Moving from an Adversary Relationship towards Detente // IPRI Journal. Islamabad. 2003. C. 10–11.

⁴ Dawn. 16.01.2005.

⁵ News. 29.03.2006.

⁶ Khan Z. Pakistan-India Military Standoff: a Nuclear Dimension // IPRI Journal. Islamabad. Winter 2003. C. 105–108.

⁷ Beg M.A. Balance of Power Paradigm and Pakistan's Security Problem // Foreign Policy Debate. The Years Ahead. Institute of Policy Studies. Islamabad, 1993. P. 140.

⁸ News. 13.04.2004.

* Профессор факультета международных отношений Университета им. М.А.Джинны в Исламабаде.

** Как отмечает в своей статье бывший начштаба (командующий) ВВС ИРП З.А.Хан, понятие “эффективного сдерживания” в принципе и не предполагает наличия паритета в области ЯО – просто противник должен быть абсолютно уверен в том, что соседняя страна в случае, если подвергнется атаке, будет обладать способностью и “решимостью” нанести ответный ядерный удар. (Khan Z.A. Pakistan's Security and Nuclear Option // Nuclear Issues in South Asia. Journal of Islamabad Council of World Affairs. 1995. Spring. C. 17. См. Shahid-ur-Rehman. Long Road to Chagh.”, Islamabad. 1999. C. 122–123).

*** Характерно, что индийская сторона прекрасно осознает этот основополагающий тезис восприятия Исламабадом стратегических угроз для своей безопасности в регионе и указывают на то, что для Нью-Дели “пакистанская угроза” (помимо, в частности, китайской) – лишь одна из многих. (Mohan R. Conventional Arms Race in South Asia. Politico-Strategic Dimensions: an Indian View // The CTBT Controversy: Different Perceptions in South Asia. Karachi. 2000. P. 6–7).

**** Один из авторитетных пакистанских послов в отставке Ш.Амин предлагал в 2000 г. сделать следующее сопоставление: “Если Индия тратит на нужды обороны всего-навсего 5% своего ВВП, то Пакистану необходимо пустить на эти цели, скажем, 40% своего ВВП – с тем, чтобы только поддерживать с ней некоторый хрупкий баланс”. (Amin S.M. Pakistan's Foreign Policy. A Reappraisal. Karachi. Oxford University Press. 2000. P. 203).

***** Многие пакистанские аналитики полагают, что руководство ИРП “излишне уповаает” на имеющийся у него “ядерный зонтик” и зачастую “злоупотребляет” им для решения сиюминутных внешнеполитических задач. (Hoodbhoy P. Nuclear Flashpoint. Quest for Security // South Asian Journal (august–september, 2003). Lahore. 2003. P. 24, 26–27).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. Генрих,
кандидат юридических наук
(Краснодарская академия МВД России)

Мировая практика постоянно создает государствам проблемы, связанные с их выживанием и отстаиванием достойного места в мировом сообществе. Новые угрозы сложившемуся статусу или самому существованию тех или иных государств ставят вопрос об ответе на новые вызовы, с которыми приходится сталкиваться национальным правительствам. Потому и безопасность – постоянная забота государства и нации.

Гоббс рассматривал образование государства как следствие страха, который толкает людей к объединению в государство посредством заключения общественного договора на уровне каждого индивида.

Гоббсовская идея безопасности в государстве не подходит для русского самосознания – это идея “спасти животишки”, которая, как писал Ф. Достоевский, “есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество. Это уже начало конца, предчувствие конца”¹.

Государство вообще может быть незаметным для индивида, пока он следует нормам поведения, существующим в социуме. Но как только готовность следовать нормам исчезает, государство выходит на авансцену со своей способностью к легитимному насилию.

Эта схема, удовлетворительная еще столетие назад, в настоящее время сомнительна в связи с рисками, не чувствительными к границам государств. Государство перестает быть достаточным гарантом безопасности, что вызывает к жизни новые политические образования, оспаривающие у государства первенство в принятии политических решений.

В этой ситуации можно следовать тому, что предлагает Ульрих Бек, – сдавать государство в архив и полагаться на снижение рисков за счет деятельности партий “граждан мира”². Можно, напротив, заострить внимание на охранительной роли государства, которое в современном мире должно отказаться от утопий, открывающих национальную территорию для различных новых угроз. То есть речь идет о создании самодостаточных политических и экономических систем.

Своим может быть все, что не смешивается с чужим. Тогда государство может быть гарантом безопасности. Если же уступить гуманистическим утопиям, то на месте транснациональных “партий” могут оказаться транснациональные корпорации, которые присвоят национальное богатство, оставленное без охраны государства. Таким образом, концепция национальной безопасности должна относиться, прежде всего, к государству и рассматривать угрозы его существованию как внутренние, так и внешние.

В общемировом масштабе это обстоятельство требует социальной конструкции, сложность которой была бы адекватной сложности рисков. Мировое правительство представляется опасным, поскольку оно не в состоянии противостоять субполитике негосударственных структур, легко преодолевающих национальные барьеры, а также опасно своими агрессивными действиями ради подтверждения легитимности. Вместо этого

предлагаются общественные структуры, диктующие свои условия государствам. Тогда вопрос о национальной безопасности снимается и замещается вопросом о глобальной безопасности, в равной мере затрагивающей всех жителей планеты.

Институциональные идеи о минимизации нового качества опасностей проще найти в рамках государства, а транснациональную политическую активность можно рассматривать как новый тип угроз национальной безопасности.

Комплекс понятий, описывающих систему угроз и систему противодействия этим угрозам, составляет проблематику методологии изучения и обеспечения национальной безопасности. Выверенная теория национальной безопасности может дать вполне осязаемый прагматический результат – адекватную времени и самой природе политического процесса концепцию национальной безопасности, прогнозирующую внешние угрозы и вызовы и планирующую организационные, технологические, информационные методы их отражения.

Современные теоретические подходы к национальной безопасности, к сожалению, отличаются неопределенностью во взглядах на безопасность и недооценкой ряда методологических аспектов формирования стратегии национальной безопасности, исключаяющей единый алгоритм мышления, принятия стратегических решений и деятельности в сфере безопасности. Это отражается и в официальных государственных документах, которые не содержат точных определений основных целей, объектов и методов обеспечения национальной безопасности России, зачастую ограничиваясь констатациями и декларациями.

Законом РФ от 05.03.1992 г. “О безопасности” национальная безопасность Российской Федерации понималась как состояние защищенности национальных интересов России от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное и устойчивое развитие личности, общества и государства³. В качестве главных объектов, ради которых формируется система национальной безопасности России, избраны: личность, ее права и свободы; общество, его материальные и духовные ценности; государство, его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Эти разделы были повторены в Концепции национальной безопасности при определении понятия “национальные интересы” как совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства. В таком определении проблема баланса становится загадкой, которая вырастает в фиктивную теоретическую проблему, образовавшуюся из-за неправильной исходной посылки. Первоначальное обособление различных интересов вынуждает искать их воссоединения. Но при этом все равно остается, к примеру, особый интерес государства к сохранению конституционного строя. Личность и общество здесь отодвигаются на второй план.

В Концепции национальной безопасности также не точно определен приоритет развития. Духовно-нравственная сфера исчезает даже в качестве темы, которая должна бы серьезным образом рассматриваться в таком важном государственном документе. Остается лишь фраза в Концепции: “Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России, формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения”.

Существенным недостатком определения, присутствующего в Законе “О безопасности” и Концепции национальной безопасности, являются неудачность и неполнота выбора в них основного метода обеспечения безопасности: вместо превентивного уничтожения или своевременного уклонения от источников внешних и внутренних угроз законом предписана одна лишь защита от них.

Есть и более существенный недостаток.

Наблюдается прямое заимствование элементов понятия “конституционный строй”, который “характеризуется особыми принципами (базовыми началами), лежащими в основе

взаимоотношений человека, общества и государства. Конституционный строй – это такая организация государственной и общественной жизни, где государство является политической организацией гражданского общества, имеет демократический правовой характер и в нем человек, его права, свободы, честь, достоинство признаются высшей ценностью, а их соблюдение и защита – основной обязанностью государства”⁴.

Другие авторы видят в конституционном строе систему отношений в конституционной форме выражения, систему конституционных отношений – предмет конституционного регулирования и конституционные нормы и принципы”, устройство государства и общества, закрепленное государственно-правовыми нормами, основы государственности и права.

Иногда сюда добавляются также и нравственные нормы, которые в этом случае зачастую подменяются все теми же правами и свободами человека⁵.

В то же время указанная триада, описывающая конституционный строй, бесспорно, является абстрактной, не выделяя Россию как индивидуальное государство (иначе пришлось бы точно определять, что есть в России личность, общество и государство), а значит, ограничивая сферу национальной безопасности лишь общезначимыми для любого государства планами и действиями. Кроме того, уже как бы предполагается наличие гражданского общества и его руководящей роли в отношениях с обособленным от него государством. Да и сам подтекст триады личность – общество – государство, распознанный нами как понятие “конституционный строй”, является далеко не однозначным и имеющим массу разнообразных трактовок. Это расплывчатое понятие становится элементом нормативных правовых актов и заявляется в качестве объекта защиты⁶.

Попытка выйти из этого затруднения может быть двоякой: либо внести в понятие конституционного строя еще и все, что в обществе может регулироваться со стороны государства, либо принять объектом защиты общественный строй плюс все то в государственном строе, что может регулироваться со стороны общества. Последнее выглядит предпочтительнее еще и потому, что от такого подхода до признания нации ключевым объектом защиты остается один шаг, осуществляемый без каких-либо интеллектуальных усилий.

Обобщенный характер представлений о государстве в нормативно-правовых документах, как в данной области, так и во всей правовой системе приводит к тому, что службы безопасности могут перейти к защите иного государства, возникшего на месте существующего, – они как бы нацеливаются защищать форму государственного общежития, не заботясь о ее содержании.

В Конституции РФ и Концепции национальной безопасности, а также в соответствующей литературе существует конкуренция между жизненно важными интересами, ценностями и потребностями личности, общества и государства.

Попытка ориентироваться на интересы личности приводит к неадекватному намерению создать безопасные условия каждому, забывая о всеобщем характере действия государственной системы. За личностью теряется народ с его традиционной моралью и исторической памятью. То же касается вопроса об обществе, которое не может быть “обществом вообще” и описывается конкретными характеристиками, которые в идеализированной форме могут выступать как ценности и именно в такой форме подлежат защите со стороны государства.

Один из современных специалистов в теории национальной безопасности П.Г.Белов указывает, что «вместо более естественной и емкой триады: человек – народ – нация Закон РФ “О безопасности” и Концепция национальной безопасности России оперируют в настоящее время триадой личность – общество – государство. При этом под личностью часто подразумевается, например, “устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивидуума как члена общества”; под обществом – “совокупность социальных связей и отношений людей с общими целями и конкретными условиями жизни”; под государством – “форма политической организации общества, совокупность

институтов управления и организации оседлого населения, занимающего определенную территорию и подчиненного одной власти»⁷.

Проблематично объявлять права и свободы личности основным объектом защиты (ст. 2 Закона “О безопасности”), что даже для правоохранительной системы является лишь частной задачей, или относить права и свободы к первостепенным национальным интересам (разд. 2 Концепции национальной безопасности).

В условиях военного или чрезвычайного положения (а именно здесь система национальной безопасности должна действовать наиболее эффективно) национальный интерес имеет совершенно другие ориентиры. Наконец, невозможно объявлять права и свободы высшей ценностью государства (ст. 2 Конституции РФ), поскольку такое определение обнажает некоторые частные потребительские запросы и игнорирует общенациональные интересы, которые для любого народа отражены в морально-этических нормах, выражающих душу нации. Именно они формируют неповторимый уклад духовной и общественной жизни и служат основой национальной идентификации, без которой нет нации, а государство превращается в бюрократический институт.

Весьма расплывчатый термин “общество” применим в других сферах, но его не следовало бы использовать там, где конечной целью научных разработок должно быть создание четких инструкций, особенно для служб национальной безопасности.

Объектом безопасности в государстве разные специалисты считают общественный строй – организацию (систему отношений и учреждений) общества, систему общественного сознания и традиций, охраняемых государством, систему общественных отношений и традиций, охраняемых государством⁸, “исторически конкретную систему общества, обусловленную определенным уровнем производства, распределения и обмена продуктов, характерными особенностями общественного сознания и традициями взаимодействия людей в разных сферах жизни и охраняемую государством и правом”⁹.

Проблема здесь обусловлена не столько выбором системы отношений или системы общества, сколько присутствием государства и права в качестве гарантов общественного строя. Получается, что не охраняемые государством и правом общественные системы не образуют общественного строя.

В таком случае следовало бы исключить государство из определения общественного строя и полагать, что общественный строй – социально-политическое, а не государственно-правовое понятие и представляет сумму социальных отношений вне зависимости от регулирующей функции государства и права. Тогда государство становится подчиненной системой, входящей в понятие “социальный институт”.

Такой подход, естественно, осложняет теоретическую модель настолько снижая роль государства, что оно остается лишь системой учреждений, обслуживающих общество. С одной стороны, такой ситуации нет в реальности, а с другой – попытки сделать общество ключевой ценностью для государства настолько искажают понятие о последнем, что его придется отнести лишь к незначительному числу политических систем, в основном современных и действующих на Западе.

Попытка принять в качестве объекта защиты государственный строй вызывает еще больше возражений. Поскольку государственный строй определяется как система социальных, экономических и политико-правовых отношений, устанавливаемых и закрепляемых нормами конституционного (государственного) права, из объекта защиты выпадают внегосударственные и внеправовые элементы (например, сфера частного предпринимательства или религиозные учреждения традиционных конфессий).

Недееспособный конституционный строй, нуждающийся в замене, таким образом, ставится в один ряд с территориальной целостностью и суверенитетом, которые, в отличие от конституции, никак не связаны с произволом существующего политического режима.

Государственный строй характеризуется такими переменными, как система органов власти, социально-экономические и организационно-политические основы государственной власти, территориальное устройство. Помимо переменного характера такого

потенциального объекта защиты, он может быть не только не правовым, но и не соответствующим традиционным моральным устоям. То есть возможна ситуация, прямо противоположная той, которой мы опасаемся в случае принятия в качестве объекта защиты общественного строя.

С нашей точки зрения, конкретность деятельности служб национальной безопасности требует сохранения лишь одного объекта защиты – нации. Все прочие объекты должны быть связаны с ним, иметь определенные и зримо присутствующие атрибуты этой связи. Прежде всего это касается государства, вся деятельность которого должна быть подтверждением приверженности интересам нации.

Оккупационное правительство, пусть даже созданное формальным применением законов, не может быть объектом защиты. Напротив, оно должно быть признано фактором, подрывающим национальные интересы, а значит, служба ему однозначно является преступлением.

В связи с этим опасно перерождение соответствующих структур из средства защиты интересов нации в средство подавления, в тайную или явную политическую полицию. Соответственно, в проблематику национальной безопасности вмешивается ключевой вопрос внутренней жизни политики – противостояние национальных и антинациональных сил.

Уклад жизни является главной отличительной чертой той государствообразующей нации, безопасность которой должны защищать системы национальной безопасности.

В недавнем прошлом под национальной безопасностью понимали защиту страны от нападения извне, шпионажа, покушения на государственный и общественный строй. Затем добавили меры против угрозы впасть в экономическую зависимость, обанкротиться, потерять национальное лицо. Стали учитываться демографические, техногенные и экологические факторы. В результате возникла тенденция включать в это понятие едва ли не всю проблематику жизни и деятельности современного общества.

Безопасность стали автоматически делить на число, соответствующее количеству опасностей или имеющихся для их отражения ресурсов. Широко используются представления о таких видах безопасности, как военная, генетическая, демографическая, духовная, интеллектуальная, информационная, историческая, конституционная, криминальная, оборонная, пограничная, политическая, правоохранительная, продовольственная, психофизиологическая, финансовая, экологическая, экономическая, энергетическая, ядерная¹⁰.

Одна из причин – копирование изобретателями таких “безопасностей” зарубежных словосочетаний без учета того, что safety, например, всегда относят к источнику угроз, а security – к потенциальной жертве. То есть речь идет об описании частных случаев, а не о теоретических обобщениях, которые развиваются в наших школах исследования проблем безопасности.

Употребление термина “безопасность” обычно направлено на то, чтобы подчеркнуть неординарность возникшей ситуации и указать на вытекающую из этого необходимость в принятии чрезвычайных мер по ее устранению.

Отсюда возникает необходимость разграничения угроз вообще и угроз национальной безопасности. К последним следует отнести только такие, которые в самое ближайшее время могут привести к гибели нации, например к утрате суверенитета, к разрушению нравственных основ общества, к подрыву экономики, к быстрому сокращению численности работоспособного населения.

Это означает, что деятельность структур государства, обеспечивающих национальную безопасность, носит чрезвычайный характер, являясь аналогом чрезвычайного положения, только привязанного не к территории, а к определенным аспектам жизни нации, подвергаемым чрезвычайно опасному воздействию.

За своевременные чрезвычайные меры отвечают службы национальной безопасности, за долговременную живучесть нации – политическое руководство страны.

В монографии “Международная безопасность и обороноспособность государств

(понятия, определения, термины)” дается следующее определение: “Национальная безопасность – способность государства и его народа самостоятельно или совместно с другими дружественными странами и народами сдерживать, блокировать и устранять внутренние и внешние угрозы его суверенитету, территориальной целостности, социальному и экономическому укладу и развитию, другим конституционным основам, определяющим его жизнедеятельность. Обеспечение национальной безопасности является ключевым показателем национальных интересов народа любого государства”¹¹.

Как альтернативу такому определению П.Г.Белов предлагает при определении понятия национальной безопасности в качестве родового признака применять не состояние, которое может присутствовать или отсутствовать, а способность – определенное свойство системы. Тогда под национальной безопасностью понимается уже не состояние защищенности, а способность сохранять определенные параметры нации – способность к самосохранению, самовоспроизводству и самосовершенствованию.

При всей своей привлекательности такой подход затруднен уже сложившимся словоупотреблением – безопасность всегда означает защищенность.

Поэтому подход П.Г.Белова следовало бы модифицировать таким образом: национальная безопасность – это состояние защищенности таких качеств нации, которые обеспечивают ее способность к самосохранению, самовоспроизводству и самосовершенствованию.

С точки зрения наблюдения второго уровня речь должна вестись уже не о состоянии, а о способности к прогнозированию угроз и планированию мер их нейтрализации.

В определении сущности национальной безопасности речь идет о защищенности определенной способности, о снижении риска нанесения ущерба этой способности. При этом надо отметить, что данная способность должна быть отнесена к нации в целом, а не к отдельным ее элементам. Только если опасность ущерба конкретному человеку может снизить жизнеспособность нации в целом, он может становиться объектом защиты соответствующих государственных органов (например, глава государства).

Национальные интересы связываются с наиболее существенными потребностями общества и государства, удовлетворение которых обеспечивает их существование и развитие. Отсюда следует понимание безопасности как ключевого национального интереса, то есть потребностей, среди которых выделяются объекты защиты:

- политическая стабильность, то есть управляемость, поддержание порядка, необходимого для нормального функционирования всех общественных и государственных институтов, защита конституционной законности, прав и свобод граждан;
- целостность государства, то есть такая его структура и политический режим, которые исключают угрозу распада под воздействием внутренних противоречий;
- оборона, то есть защита независимости и территориальной неприкосновенности страны от вооруженной агрессии извне;
- техноэкологическая безопасность, то есть предупреждение техногенных катастроф, преодоление последствий стихийных бедствий;
- экономическая безопасность, то есть обеспечение экономической самостоятельности страны как условия выживания и развития народа;
- внешнеполитические приоритеты, способствующие созданию максимально благоприятной для России международной среды.

Примечания

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя.1880. Собрание мыслей Достоевского. М., 2003. С. 293.

² Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000.

³ Закон Российской Федерации “О безопасности” от 05 марта.1992 г. // Ведомости Съезда и Верховного Совета народных депутатов РСФСР. 1992. № 15.

⁴ Основы государства и права / Под ред. О.Е. Кутафина. М.: Юрист. 1998. С. 65.

⁵ Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России. Конституционное развитие России. Саратов: Абрис, 1993. С. 4; Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М.: Юрист, 1994. С. 22, 23–24; Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 96.

⁶ Закон “Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации” от 3 апреля 1995 г. ст. 10; Закон “Об общественных объединениях” от 14 апреля 1995 г. ст. 16; Закон “О безопасности” от 5 марта 1992 г. ст.1; Закон “О чрезвычайном положении” от 17 мая 1991 г. ст. 3 и др.

⁷ Белов П.Г. Методологические основы национальной безопасности России. М.: Русский проект. 2002.

⁸ Филиппов А. “Общество риска” как политический трактат по фундаментальной социологии; Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 357–359.

⁹ Большой энциклопедический словарь. М.: М-ИНФРА, 1999. С. 436.

¹⁰ Соловьев Н.Г. Некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности России в современных условиях // Вестник аналитики. 2003. № 2.

¹¹ Международная безопасность и обороноспособность государств (понятия, определения, термины). М., 1998.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ МИРА

Г.Гриценко,
доктор философских наук (Ставрополь)

Последние десятилетия XX в. стали временем распространения идеи толерантности. Все чаще обращаются к ней философы, психологи, политологи, этнологи. Их внимание обусловлено резким обострением глобальных противоречий, актуализирующих проблему выживания современной цивилизации.

Сохранение и обеспечение мира, как в рамках отдельного государства, так и всего международного сообщества невозможно без реализации идей культуры мира, которые были впервые выдвинуты на Международном конгрессе ЮНЕСКО по проблемам мира в 1989 г.

На данном форуме были определены нравственные основы культуры мира, к которым отнесли идеи свободы, справедливости, толерантности, равенства, приоритетность естественных прав человека.

Исследуя пути формирования культуры мира как нового миропорядка, следует иметь в виду, что каждая из перечисленных идей несет свое особое назначение и имеет собственную сущностную нагрузку при формировании культуры мира.

В условиях возрастания разнообразия и формирования многомерности мира наиболее значимой из перечисленных нравственных основ культуры мира следует считать толерантность.

Так, Б.Э.Риэрдон отмечает, что толерантность представляет собой ценность, необходимую и фундаментальную для достижения духовного и социального сплочения людей¹.

Приоритетность толерантности в системе нравственных идей культуры мира обусловлена тем, что только толерантность в отличие от таких идей, как свобода, справедливость, равенство, не обладает вариативной нагрузкой в разных культурах.

Так, например, свобода в сознании русских, по справедливому утверждению многих исследователи российской самобытности, представляется как ответственность; и путь к свободе лежит через осознание необходимости выполнения общественного долга.

История учила русских, что свобода – это государственная независимость, это жизнь, не обремененная иноземным насилием, и обеспечить такую свободу может только сильная государственная власть, а отсюда определенная зависимость русского человека от государства, его патерналистские чувства.

Свобода в западноевропейском варианте осмысления воспринимается как “возможность” автономной личности самостоятельно определять, что для нее является полезным, выгодным, удобным и т.д.

Другим примером является вариативность идеи справедливости.

Например, для японцев судебное разбирательство воспринимается как несправедливое деяние, которое совершенно не соответствует естественному состоянию вещей.

Поступить справедливо означает: это – судебному разбирательству предпочесть

примирение. Кредитор, однозначно требующий от своего должника все, что ему причитается “по закону”, выглядит несправедливым.

Логический принцип противоречия, по которому одна сторона должна обязательно проиграть дело, если другая выигрывает, не удовлетворяет японцев, всегда ищущих более гибкий исход.

В то же время “толерантность” (*tolerantia* – (лат.) терпение) есть терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам; есть допущение существования “Другого”, чужого, как в религиозном, так и культурном смысле.

Схожесть в осмыслении понятия толерантности обнаруживается в традициях разных цивилизаций.

В качестве квинтэссенции идеи толерантности, в частности, в западноевропейской трактовке может рассматриваться изречение, принадлежащее Ф.Вольтеру: “Я не согласен с тем, что Вы говорите, но пожертвую своей жизнью, защищая Ваше право высказывать собственное мнение”.

В русской философии толерантность воспринимается как “уважение – понимание – принятие”, как заведомое стремление к согласию².

Однозначность восприятия термина толерантности разными философскими школами стала предпосылкой для принятия ЮНЕСКО в 1995 г. “Декларации принципов толерантности”, в которой отмечается, что “толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности”³.

В современной науке начинает утверждаться точка зрения, согласно которой любая культура как устойчивая социальная система обладает определенной степенью толерантности общественного сознания.

Следовательно, для формирования культуры мира необходимо исходить, в первую очередь, из принципа толерантности.

При осмыслении толерантности важно исходить из признания того, что указанная нравственная основа культуры мира обладает двойной фактичностью: объективной и субъективной.

Во-первых, есть экономические, социально-политические реалии, то есть макроструктуры общества, которые объективно обуславливают определенные социальные институты, функциональность, нефункциональность или дисфункциональность которых влияет на степень толерантности общественного сознания и поведения людей.

Социальные институты через производство и распределение ценностей утверждают, упорядочивают и поддерживают структурированное ролевое поведение, не только делая его предсказуемым, но и создавая определенный потенциал общественной толерантности. Для иллюстрации обратимся к историческим особенностям социальных институтов российского общества, обеспечивающих определенный уровень толерантности.

Так, в течение длительного времени основу русского права составлял институт обычного права, который был обусловлен общим ритмом российской многонациональной жизни. Именно тесная связь института обычного права с общероссийским ритмом жизни “делала” русское право открытой системой, устремленной к соборному (коллективному) единству и духовной гармонии, способной синтезировать и вмещать социальный опыт рядом живущих народов.

В результате народы, которые попадали под воздействие русского этнокультурного поля, сохраняли свою самобытность, увеличивая тем самым уровень толерантности общественного сознания.

Субъективная фактичность толерантности проявляется в том, что есть “жизненные миры” конкретных социальных групп и индивидов, которые предстают в виде субъективных значений, коллективных представлений, смысловых систем, знаний, которые предопределяют толерантность мышления и поведения людей, то есть микросоциальные практики. Знания людей утверждают и поддерживают структурированное видение мира,

конструируют определенные социальные отношения с определенной степенью толерантности.

Вновь используя пример из истории российской правовой системы, следует указать, что институты обычного права, имея ярко выраженную нравственно-этическую, а нередко и религиозную окрашенность, выдвигали в качестве основной смысловой системы, базовой ценности “жизненного мира” русского народа духовность.

Именно духовность определяло то, что при освоении нового пространства русский человек проявлял “великодушие”, или “духовное мужество” (В.С.Соловьев), относился к душе другого народа как к тайне и находил в этом источник уважения.

Эту особенность русского человека Д.А.Хомяков охарактеризовал как “привычку воспринимать других людей как братьев независимо от национальной принадлежности”⁴.

Ф.М.Достоевский называл ее способностью обладать “всемирной отзывчивостью и полнейшим перевоплощением в гены чужих наций”, способностью вмещать “в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебность, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия”⁵.

Используя современную терминологию, данное свойство русского человека можно назвать духовной толерантностью.

Толерантность русского человека в общении с другими народами отмечали и государственные деятели западных держав.

Показательно наблюдение, сделанное О. фон Бисмарком: “Англичане ведут себя в Азии менее цивилизованно, чем русские; они слишком презрительно относятся к коренному населению и держатся на расстоянии от него... Русские же, напротив, привлекают к себе народы, которые они включают в свою империю, знакомятся с их жизнью и сливаются с ними”⁶.

“Россия, бесспорно, обладает замечательным даром добиваться верности, и даже дружбы тех, кого она подчинила силой, – как бы соглашался с Бисмарком лорд Керзон. – Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного превосходства и мрачного высокомерия, которые в большей степени воспаляют злобу, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чужими и низшими расами”⁷.

При характеристике толерантности как нравственной основы культуры мира следует иметь в виду еще один очень важный фактор.

Это то, что микросоциальные практики обладают способностью взаимодействовать с институциональными структурами на макроуровне.

Если микросоциальные практики, используя терминологию П.Штомпки, входят в интерфейс с макроструктурами общества, то общество обретает высокую степень толерантности общественного сознания и устойчивое социальное равновесие⁸. Это было характерно длительное время для российского общества, причем толерантность проявлялась не только в рамках единого многонационального российского государства, но и по отношению к народам других государств. Именно поэтому русского солдата европейские народы нередко воспринимали как Освободителя.

В то же время в современной России микросоциальные практики, будучи в основе патерналистского толка, не смогли вступить во взаимодействие с несвойственными для российской социокультурной реальности либерально-демократическими институтами, так как либерально-демократические нововведения радикально отличаются от институтов традиционного российского общества и требуют иной самоидентификации индивидов.

Не произошла для большинства россиян интернализация либерально-демократических и рыночных норм, лишь минимальный процент новых институтов действительно функционален, что, разумеется, сказывается на снижении степени толерантности общественного сознания российского общества и, конечно, негативно влияет на стремление россиян конструктивно реализовывать принципы культуры мира.

Для интерпретации проблем софункционирования институтов на макроуровне и

микросоциальных практик индивидов в современном обществе и понимания сущности проблем толерантности сознания людей, целесообразно обратиться к реалиям американского общества. Безусловно, ситуация здесь отнюдь не лучше, а в ряде случаев еще сложнее российской.

Так, последние 30 лет увеличивается социальная поляризация американского населения, включая неравенство доходов, неравный доступ к отдыху, особенно качественному отдыху; в сравнении с белым населением для большинства черных условия жизни ухудшились, они оказались внизу социальной структуры.

Возросло давление иммигрантов из Азии, Латинской Америки, России на сложившиеся социокультурные реалии, которые со своими микросоциальными практиками отнюдь не приспособлены для вхождения в интерфейс с институтами плюралистического американского общества.

Казалось бы, эти и другие объективные реалии должны были бы воспроизводить исключительно конфликтное, а не толерантное сознание, порождающее мощные протестные движения. Однако этого в действительности не происходит. Американское общество в целом остается весьма толерантным.

Так, по результатам социологических исследований, американцы, на вопрос: как Вы лично относитесь к лицам другой расы, религии, этничности, сексуальной ориентации? – выявили высокую степень толерантности.

Опираясь на проведенные в последние годы в США исследования солидарности и толерантности, можно предположить, что сохранение толерантности общественного сознания стало возможным, прежде всего, за счет того, что в американском обществе действительно исповедуются идеалы открытого рынка и что коллективные представления и смысловые системы развиваются в направлении функционирования таких идей, которые, в конечном счете, в условиях прецедентного права обеспечивают доминирование толерантного сознания.

Коллективные представления и смысловые системы американского общества, однажды возникнув, содержат в себе значительные потенции воспроизводства и поддержания толерантного сознания. Они оказались способными интегрировать различные жизненные миры разных социальных групп, но не за счет уничтожения “неправильных, чуждых”, а добившись их сосуществования.

Это и позволяет софункционировать людям с различными “жизненными мирами”.

Среди смысловых идей на первое место необходимо выдвинуть признание естественности социокультурного плюрализма. Это означает, что американское общество обладает способностью предоставлять своим членам функциональные альтернативы из целого ряда социальных возможностей в труде, стиле жизни, организации отдыха или семейной жизни, религиозной принадлежности и т.д.

Особая роль в поддержании толерантного сознания американцев принадлежит корпоративной культуре.

Так, высоко ценится участие студентов в командных видах спорта для поддержания престижа “университетского духа”.

Широко распространена практика командно-групповой подготовки студентов к практическим занятиям.

Во всех библиотеках элитных университетов есть специально отведенные места для таких занятий — дискуссий, деловых игр, которые проводятся под патронажем преподавателей.

Такие занятия формируют на микроуровне объединяющие коллективные практики, непосредственно работающие на развитие толерантного сознания. Это необходимого для будущей профессиональной деятельности, поскольку только через толерантность индивиды могут успешно выполнять требования профессии в контексте культурно-ценностного плюрализма.

Подлинно универсальной формулой “жизненного мира” толерантного общества

является искренняя вера американцев в восходящую социальную мобильность, которая характерна для социокультурных условий рынка. Поэтому, какие бы тяжелые объективные условия не сложились, вплоть до обретения статуса безработного, американцы источник беды, как правило, усматривают не в ухудшающихся реалиях, не в несовершенстве экономических и социальных структур, а в недостаточной своей социальной активности. Причем предпосылкой для восходящей социальной мобильности в последние годы становится образование, выступающее одновременно и одним из значимых факторов толерантности сознания.

Многообразные социологические исследования американских ученых показали прямую связь между образованием и толерантностью: чем выше образование, тем больше терпимости. Приведем конкретные данные.

Белых студентов во всех высших учебных заведениях обучается 5,57% от всех белых жителей Америки.

Афро-американских студентов – 5,52% от черного населения страны. Разница составляет всего 0,05% в пользу белого населения⁹.

Этот факт является результатом целенаправленного влияния государства и институтов гражданского общества на характер толерантного сознания американского общества.

Представители самых элитных вузов не скрывают, что они создают привилегии для социальных групп, прежде подвергавшихся дискриминации.

Американские индейцы принимаются в университеты практически по формальным показателям, и все они учатся бесплатно.

Негры и испаноговорящие также имеют преимущества, многие из них проходят по квоте спортсмены, которая составляет по неофициальным данным 20–25%.

Безусловно, эта политика отрицательно влияет на качество образования.

Однако подобная политика, несомненно, способствует формированию социально необходимой толерантности общественного сознания.

На это же работает практика школьных автобусов, предполагающая перевозку афро-американских детей для обучения в школах, расположенных в районах проживания белого населения. Аналогично белые дети перевозятся для совместного обучения с афро-американскими детьми; и так далее.

Итак, анализ дореволюционного российского и современного американского обществ позволяет сделать обобщающий вывод: высокая степень толерантности общественного сознания становится возможной, когда объективные институциональные мактоструктуры (или функциональные альтернативы) входят во взаимодействие с субъективной социальной реальностью (микросоциальными практиками), содержащей смысловые системы, предрасполагающие индивидов к солидарному, партнерскому взаимодействию.

Кроме этого, исходя из важного методологического требования социологии – “value free” – свобода от оценочных суждений, следует констатировать, что нет “плохих” или “хороших” “жизненных миров”, нет такой культуры или культур, для которых была бы характерна высокая степень толерантности сознания и, следовательно, которые могли бы быть использованы в качестве образца для утверждения толерантности в других социокультурных системах, что в каждом обществе есть потенциал движения к обществу с более высокой степенью толерантного сознания.

Важно помнить, что толерантность обладает двойной фактичностью: объективной и субъективной, находящихся во взаимодействии.

Поэтому прямое заимствование тех или иных конкретных ценностей из американского общества не может способствовать утверждению толерантности в российском обществе.

Все это необходимо учитывать при выработке той или иной политики, при определении последовательности преобразований, имея в виду, что субъективная социальная реальность имеет относительную самостоятельность от реальности объективной, что нет прямолинейной зависимости сознания от бытия.

И последнее, о чем следует упомянуть в контексте рассмотрения нравственных аспектов становления культуры мира – это то обстоятельство, что толерантность как базовая ценность культуры мира должна пронизывать не только общественное сознание по поводу внутриобщественных, внутригосударственных проблем, но и в рамках проблем мирового сообщества.

В этом направлении предстоит сделать многое не столько российскому обществу, сколько американскому, которому по-прежнему свойственен в той или иной мере нарциссизм, формирующий потенциально конфликтные отношения и снижающий потенциал толерантности геополитического сознания американцев.

Примечания

¹ Риэрдон Б.Э. Толерантность – дорога к миру. М., 2001. С. 18–26.

² Бардиер Г.Л. Проблемы толерантности девиантного поведения в бизнесе// Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития. СПб., 2002. С. 32; Асмолов А.Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000; Лекторский В.О толерантности, плюрализме и критицизме // Философия, наука, цивилизация. М., 1999.

³ Цит. по: Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: Психология межэтнической толерантности. СПб., 2005. С. 72.

⁴ Цит. по: Гусев В. А. Д.А.Хомяков: интерпретация девиза: “Православие. Самодержавие. Народность” // Социально-политический журнал. 1992. № 10. С. 85.

⁵ Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Русская идея / Сост. М.А.Маслин. М., 1992. С. 132.

⁶ Цит. по: Троицкий Е. Соборная сила многонациональной России. М., 1995. С. 10.

⁷ Цит. по: Корочанцев В. Чтоб Родины величие постичь. М., 1986. С. 12.

⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

⁹ Statistical Abstract of the United States. Washington, 1999. P. 194.

ПОМОЩЬ
ГРАЖДАН ВЕЛИКОБРИТАНИИ
СТАЛИНГРАДУ
(1942-1944 гг.)

Д.Белов,
старший научный сотрудник ГУК
“Музей-панорама «Сталинградская битва»”

Несмотря на прошедшие 61 год после окончания Второй мировой войны, интерес в мировой историографии к ее событиям не утихает. Одним из них является победа советских войск под Сталинградом. Сейчас трудно представить, какое впечатление в 1943 г. произвела эта победа за рубежом. Помощь общественности Великобритании, США, Канады и других стран Сталинграду при его восстановлении показывает значение Сталинградской битвы для общественной жизни в странах антигитлеровской коалиции. Очень четко это прослеживается в гуманитарной помощи военному Сталинграду со стороны Великобритании.

В историографии вопрос об оказании помощи Сталинграду не являлся предметом специального исследования в работах отечественных и зарубежных историков. Для изучения этого аспекта в истории англо-советских отношений в годы войны был привлечен целый комплекс документов из фондов архивов Великобритании и России, материалов музеев двух стран.

Основными источниками являются архивные документы из фондов государственного архива Великобритании (далее – Public Record Office – PRO). Наиболее интересная их часть сосредоточена в фонде Министерства иностранных дел Великобритании (FO 371). Кроме того, нами использовались материалы городского архива Глазго, архива Королевского Общества (Royal Society), документы Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российского государственного архива социальной и политической истории (далее – РГАСПИ), Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО), материалы английских и советских газет, личная переписка автора с жителями Великобритании, а также документы, хранящиеся в фондах Имперского военного музея (далее – Imperial War Museum – IWM) и Волгоградского государственного музея-панорамы “Сталинградская битва”.

Победа советских войск под Сталинградом произвела глубокое впечатление в Британии.

После этой победы советский посол И.М.Майский писал, что посольство СССР “...было буквально наводнено самыми восторженными письмами по поводу успеха на Волге...”¹. Четверть века спустя он образно сравнит англичан с продрогшим и промокшим насквозь путником с мраком в душе долго идущим из последних сил в страшную бурю по длинной, убегающей в неизвестную даль дороге, для которого победа под Сталинградом стала внезапно сверкнувшим в мрачном покрове туч лучом солнца²

И.М.Майский 13 февраля 1943 г. после Сталинградской победы в своей телеграмме в НКВД СССР характеризовал общественно-политический фон Англии.

Он отмечал наличие в некоторых социальных слоях британского общества всеобщих чувств “крайнего удивления мощью и жизнеспособностью СССР” и “растущего чувства самоуспокоенности”, особенно заметных среди английских рабочих.

В то же время он писал о “тревожном недоумении”, характерном для английской интеллигенции, не находящей ответ на вопрос о причинах побед “коммунистической диктатуры”, источниках героизма, организационного искусства в СССР.

В правящих кругах Великобритании И.М.Майский отметил наличие двойственного чувства: “С одной стороны, очень хорошо, что русские так крепко бьют немцев, – нам, англичанам, легче будет. Сэкономим потери и разрушения... Но, с другой стороны, нам, англичанам, страшно, а не слишком ли усилятся большевики? Не слишком ли возрастет авторитет СССР и Красной Армии?”³. Несмотря на всю сложность и противоречивость реакции англичан, голоса последних в буквальном смысле тонули в огромном потоке восторженных откликов на победу, достигнутую на берегах Волги.

Сходную характеристику общественного мнения и позиции политического руководства в Англии дает и современный английский исследователь Ф.М.Х.Белл⁴.

Еще задолго до окончания битвы под Сталинградом в Британии начались занявшие несколько месяцев поиски “более конкретной формы” выражения восхищения героизмом защитников города. Такой формой стали первые попытки сбора пожертвований в отдельных городах страны.

Самым ранним упоминанием об этом может служить сообщение прессы г. Данди от 31 октября 1942 г., где говорится о скором открытии нового магазина, в котором планируется организация сбора средств для закупки медикаментов для Сталинграда.

В феврале 1943 г. количество мероприятий по сбору средств для жителей разрушенного Сталинграда резко увеличилось. Активность населения была так велика, что в феврале-марте 1943 г. возникла необходимость в создании специального фонда, который занимался бы исключительно вопросами организации сбора пожертвований, а также размещением на предприятиях британской промышленности заказов на производство и отправку в Сталинград гуманитарной помощи. Основание нового специального фонда отвечало основному желанию жителей сотен городов и поселков страны, которые хотели, чтобы на их пожертвования была организована гуманитарная помощь не вообще для Советского Союза, а именно в адрес жителей Сталинграда. Такой подход отвечал стремлению англичан принять участие в восстановлении героического города.

Идея создания такого фонда отражена, например, в протоколе городского совета Гейтсхед от 3 марта 1943 г.

Городским советом было принято решение, что конкретной формой восхищения жителей города мужеством сталинградцев станет сбор средств “для покупки мобильного госпиталя или другого необходимого оборудования для использования в г. Сталинграде”. Местная газета сообщила также, что, возможно, фонд с “особым взносом для жителей Сталинграда” будет назван “Дар города Гейтсхед Сталинграду”⁵.

Но вопрос создания в стране специального фонда должен был пройти многочисленные согласования, что требовало времени. Поэтому все собранные за февраль-апрель 1943 г. средства для жителей Сталинграда пока поступали на счета самой крупной в стране организации помощи СССР – Комитета “Фонд помощи России” (Aid to Russia Fund) Британского Красного Креста и ордена Св. Иоанна в Иерусалиме, который возглавляла супруга премьер-министра Великобритании Клементина С. Черчилль.

В этой связи весьма интересным примером может служить кампания сбора средств, организованная с 15 по 21 февраля 1943 г. в г. Нит (Neath) Западного Уэльса.

Она проходила по инициативе городского совета. Основная цель кампании – сбор 1700 фунтов стерлингов для покупки передвижной рентгеновской установки. В программу

мероприятий внесли организацию праздничного концерта и вечеров танцев, детское театральное представление и бал-аттракцион.

Кампания встретила широкую поддержку местного населения.

Всего жителями города и района Нит было собрано 2000 фунтов стерлингов.

Следует отметить, что ряд документов указывает на то, что к основанию этого специализированного фонда имеет прямое отношение советский посол в Великобритании И.М.Майский, который весной 1943 г. консультировался с рядом организаций о возможности организации таким фондом кампании по сбору средств для оказания помощи Сталинграду и размещена под эти средства заказов на предприятиях британской промышленности⁶. В результате переговоров была определена основная цель будущего фонда – сбор 75000 фунтов стерлингов, необходимых для покупки 500 полностью оборудованных коек для новой больницы в Сталинграде.

“Фонд помощи России” К.С.Черчилль для решения этой задачи не подходил, поскольку в этом случае гуманитарная помощь теряла свой адресный характер. Поэтому в мае 1943 г. был создан фонд “Сталинградская больница” (Stalingrad Hospital Fund) в рамках Объединенного Комитета помощи Советскому Союзу (Joint Committee for Soviet Aid), основанного в 1941 г. и возглавлявшегося настоятелем Кентерберийского собора Хьюлеттом Джонсоном⁷. С этого момента именно эта организация стала курировать вопросы оказания Сталинграду адресной гуманитарной помощи.

29 мая 1943 г. на страницах лондонской “Таймс” было опубликовано письмо-обращение Объединенного Комитета помощи Советскому Союзу к британскому народу: “Мы все осознаем значение битвы за Сталинград. Мы все понимаем, что победа была достигнута страданием и героическими подвигами населения города. Объединенный комитет помощи Советскому Союзу ставит своей целью собрать деньги, достаточные для строительства новой больницы для Сталинграда. Мы призываем весь наш народ откликнуться на это обращение и принять участие в сборе средств.

Больница, созданная на собранные нами средства, будет выражать благодарность британского народа защитникам Сталинграда, внесшим огромный вклад в достижение окончательной победы Объединенных наций”.

Здесь же указывалось, что стоимость одной медицинской койки составляет 150 фунтов стерлингов. В обращении выражалась надежда, что требуемая сумма – 75000 фунтов стерлингов – будет собрана к 22 июня 1943 г.⁸.

Под этим официальным обращением к британскому народу, которое перепечатали многие газеты страны, свои подписи поставили 13 видных политических и общественных деятелей, что, разумеется, в какой-то степени содействовало успеху объявленной кампании.

Обращение подписали: председатель Объединенного Комитета, настоятель Кентерберийского собора Х.Джонсон, известный политический деятель Ллойд Джордж, герцог Атолл, лорд Литтон, председатель федерации горняков Уилл Лоутер, известный лечащий врач правящей верхушки Англии лорд Хордер, королевский врач доктор Дж.Г.Хертц, советник по подготовке кадров в Министерстве Труда Великобритании Каролина Хэзелетт, известный журналист А.Дж.Каммингс, председатель Объединенного профсоюза машиностроителей Джек Таннер, сэр Фредерик Гауланд Хопкинс, награжденный в 1929 г. Нобелевской премией за достижения в области медицины, мать трех погибших летчиков леди Рейчел МакРоберт и др.

К 27 июня 1943 г. казначей Объединенного Комитета известный ученый Чалмерс-Митчелл уже имел чек на сумму 40000 фунтов в качестве первого взноса⁹.

Кампанию помощи по восстановлению медицинской сети Сталинграда поддержал и Национальный Совет Труда Великобритании, к 22 июня 1943 г. в рамках своего Фонда “Помощь России”^{*} собравший 75 тыс. фунтов стерлингов.

В сборе средств участвовали объединенные комитеты совета тред-юнионов, представители лейбористской партии, Кооперативного союза, входящих в Национальный Совет Труда. Пожертвования поступали от предприятий и частных лиц, а также через

“Гражданские фонды”, часто находившиеся под патронажем мэров и лорд-мэров больших и малых городов страны⁸.

Однако слишком быстрый, вопреки ожиданиям, темп сбора средств для Сталинграда натолкнулся на неожиданное препятствие. Политическое руководство Британии решило, что размещать заказы для Сталинграда за счет добровольных пожертвований населения в британской промышленности нецелесообразно, ввиду ее загруженности военными заказами¹¹.

Если перспективы решения вопроса на дипломатическом уровне после этого казались призрачными, то развернувшаяся летом и достигшая кульминации осенью 1943 г. кампания по сбору пожертвований в пользу фонда “Сталинградская больница” превзошла все ожидания.

Интересным источником по истории кампании фонда является альбом, подаренный Объединенным Комитетом помощи Советскому Союзу Сталинграду в 1946 г.

Красиво оформленный с изображениями гербов городов Великобритании, принимавших участие в кампании помощи Сталинграду, он представляет собой два увесистых тома, включающих в себя перечень на английском и русском языках всех предприятий, профсоюзов, частных лиц, внесших пожертвования. В альбом внесены имена 289 городов и поселков Великобритании^{**}.

Сбор средств происходил во время проведения балов, концертов и вечеринок, благотворительных распродаж и аукционов. Пожертвования поступали из кинотеатров и церковных приходов, от местных добровольцев, обходивших дома. Взносы в фонд также поступали из всех районов Великобритании и Ирландии, из заграницы, из доминионов и воинских частей. Одно пожертвование, упаковка которого носила явные следы пребывания в воде и надпись на котором едва можно было разобрать, поступило от команды подводной лодки.

В альбоме приводится перечень сумм, которые были внесены каждой организацией или частным лицом.

Тут же помещены послания в адрес жителей Сталинграда от рабочих заводов, служащих фирм, работодателей, членов комитетов англо-советской дружбы, обществ культурной связи с СССР, кооперативных обществ, женских организаций, жителей целых селений, медперсонала пострадавших от вражеских бомбардировок больниц, актеров, посетителей кинотеатров, домохозяек и школьников.

Анализ посланий говорит о том, что посылаемое оборудование для новой больницы в Сталинграде воспринималось как скромный символ вечной благодарности защитникам города, оно служило знаком восхищения их героизмом и неразрывной дружбы двух стран.

Битва за Сталинград оценивалась как “поворотный пункт в мировой борьбе за человеческую жизнь и свободу”.

Героическая оборона города, по ряду высказываний, вернула надежду всему миру, она была “светящимся маяком для угнетенного человечества”, возле которого были заложены семена победы над фашизмом.

Для многих мысль о пережитых сталинградцами страданиях и проявленном ими героизме при обороне города помогла перенести лишения войны. В некоторых посланиях высказываются слова искреннего сочувствия, пожелания скорой победы и мысль о готовности приложить все старания на поддержание англо-советских союзнических отношений во время и после войны.

Альбом состоит из сертификатов, подтверждающих факты передачи средств в фонд. Их анализ говорит о том, что наиболее крупные пожертвования в фонд “Сталинградская больница” поступили от рабочих предприятий, профсоюзов, Комитетов англо-советской дружбы, Обществ культурных связей с СССР, женских организаций, частных лиц и жителей городов Ковентри, Лондона и его пригородов, Бирмингема, Бертон-апон-Трента, Саутпорта, Дагенхэма, Данди, Глазго, Бристоля, Бишопс-Стортфорда, Нита^{***} и многих других.

Несомненно, успеху кампании способствовала активная деятельность руководства

Объединенного Комитета помощи Советскому Союзу. Немалую роль в успехе пропаганды помощи Сталинграду играли популярность его членов и занимаемое ими общественное положение. Мероприятия по сбору средств в многочисленных городах и поселках страны продолжались вплоть до весны 1944 г.

В нашем распоряжении в качестве дополнительных исторических источников при рассмотрении данного вопроса оказались материалы фотоархива и несколько плакатов отдела искусства Имперского военного музея г. Лондона.

Они позволяют выявить такие формы организации сбора средств, к которым прибегнул Объединенный Комитет, как организация вечеринок и создание передвижной выставки плакатов.

В кампаниях сбора средств принимали участие и иностранные военнослужащие, находящиеся в Англии¹².

Объединенным Комитетом помощи СССР был объявлен конкурс плакатов с призывами к населению вносить пожертвования в фонд “Сталинградская больница”, на основе которого в ноябре 1943 г. в Лондоне была открыта выставка. В конкурсе приняли участие студенты школ искусств со всей страны.

Плакат “Поможем Сталинграду” (“Help for Stalingrad”) Памелы Фуллер, студентки Оксфордской школы искусств и ремесел, получил первую премию в группе студентов художественных училищ.

Третью премию в этой же группе получил плакат “К вам мы взываем” (“To you we appeal”) К.Осборна – студента Оксфордской школы. Первая премия в группе военнослужащих была присуждена Ферелит Экклз-Вилльямс, девушке – водителю санитарного автомобиля¹³.

Свой вклад внесли и британские ученые.

11 июля 1943 г. в Биркбек колледже в Лондоне состоялся митинг английский ученых, на котором был учрежден фонд оборудования лаборатории для сталинградской больницы. Инициаторы создания фонда – 20 ученых, входящих в Ассоциацию научных работников.

На митинге они подписали обращение к ученым страны поддержать новый фонд своими взносами.

Представитель Советского Красного Креста в Великобритании проф. С.А.Саркисов выразил благодарность всем, кто участвовал в сборе средств для нового фонда.

Подводя итоги проделанной двухлетней работе, председатель Объединенного Комитета помощи СССР Х.Джонсон отмечал, что отклик британцев на Обращение Комитета значительно превзошел самые оптимистичные ожидания. Он подчеркнул, что энтузиазм тех, кто вносил деньги равнялся энтузиазму тех, кто изготовлял оборудование для новой больницы в Сталинграде.

Всего фондом было собрано на эти цели 223837 фунтов стерлингов и 18 шиллингов – в три раза больше по сравнению с ранее запланированной суммой. Все эти средства пошли на закупку медоборудования.

Прогресс в пересмотре принятого британским правительством решения о размещении заказов для Сталинграда наметился через месяц после того, как министра производства О.Литтелтона заверили, что все запрашиваемое оборудование необходимо Сталинграду не для программы послевоенного восстановления, а для осуществления военных целей. Этот “новый аргумент” показался английской стороне обоснованным.

На неожиданный пересмотр данного решения, пожалуй, повлияли скорее не “новые аргументы”, а изменившаяся к тому времени внутри- и внешнеполитическая ситуация в стране. Сказывалось приближение начала встречи лидеров трех союзных держав в Тегеране, где была запланирована торжественная церемония передачи И.В.Сталину Почетного Меча – дара короля Великобритании Георга VI жителям Сталинграда.

В течение октября 1943 г. в Британии для жителей целого ряда крупнейших городов была организована демонстрация Почетного меча перед его отправкой в Тегеран. Интересно, что городские власти Шеффилда и Ковентри, вопреки рекомендации

министерства информации Великобритании и личной просьбе короля Георга VI не организовывать во время демонстрации меча никаких сборов пожертвований в фонды помощи, успешно провели эти мероприятия, и часть собранных средств была направлена в фонд “Сталинградской больницы”.

Реакцию английской общественности на мероприятия правительства по организации передачи жителям Сталинграда Почетного меча, английский историк Ф.М.Х.Белл назвал одним из “примечательных феноменов”.

На его взгляд, эта реакция обозначала “апогей той руссомании, которая охватила страну в период с конца 1941 до начала 1943 года”, сопровождающийся бурным ростом просоветских настроений⁴. Этот внутри- и внешнеполитический фон мог служить одной из причин пересмотра решения, ранее принятого британским правительством по программе восстановления Сталинграда.

Хотелось бы подчеркнуть, что значение материальной поддержки, оказанной Сталинграду, должно быть оценено не в денежном выражении. Более важным, на наш взгляд, было то политико-психологическое воздействие на английскую общественность, которое оказала кампания помощи военному Сталинграду, во время которой англичане узнавали об истории, культуре и политическом строе Советского Союза. Сам процесс организации кампании интересен для изучения спектра восприятия в разных слоях британского общества значения и цены достигнутой под Сталинградом победы.

Примечания

¹ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата 1925–1945. 2-е изд., М.: Международные отношения, 1987. С. 720.

² Майский И.М. Предисловие // Семиряга М.И. Эхо Сталинградской битвы. Волгоград: Ниж.-Волжск. кн. изд-во, 1969. С. 5.

³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: документы и материалы в 2 т. М.: Политиздат, 1983. Т. 1. С. 33–340; Майский И.М. Воспоминания советского посла. М.: “Наука”, 1965. С. 326–327.

⁴ Bell P.M.H. John Bull and the Bear. British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union 1941–1945. L., 1990. P. 89–91, 94, 103.

⁵ Gateshead Herald. 1943. March. P. 3; Протокол решения городского совета Гейтсхеда от 3 марта 1943 г. (копия) – Материалы Центральной библиотеки г. Гейтсхед.

⁶ Glasgow City Archives. Cooperative Wholesale Society (CWS). Minute of National Council of Labor. 23 March 1943. 1/1/286. P. 4.

⁷ Правда. 1943. 8 мая. № 118 (9254); Майский И.М. Воспоминания советского посла... С. 298–299; Searching for Light: an autobiography by Hewlett Johnson. London, 1968. P. 191.

⁸ Public Record Office (далее – PRO). FO 371/37021.

⁹ PRO. FO 371/37021. Joint Committee for Soviet Aid to Minister of Health.

¹⁰ Поздеева Л.В. Лондон-Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., ИВИ РАН, 2000. С. 196; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9501, Оп. 5(1), Д. 317, Л. 5; Правда. 1943. 30 июня. № 163 (9299).

¹¹ Переписка между И.М. Майским и политическим руководством Великобритании. Государственный архив Великобритании. PRO. FO 371/37021. I.M. Maisky to A. Eden, A. Eden to I.M. Maisky, O. Littelton to A. Sobolev.

¹² Imperial War Museum (далее – IWM). Photograph Archive. D 14864-14879.

¹³ Британский союзник. 1943. 26 декабря. № 52 (72).

* Не путать с Британским Комитетом “Фонд помощи России” К.С. Черчилль.

** Автор имеет документы, подтверждающие участие в работе фонда городов, не упомянутых в альбоме.

*** Из 289 городов и поселков Великобритании на сегодняшний день документально

удалось подтвердить только факт получения Сталинградом медицинского оборудования, купленного на средства, собранные жителями г. Нит (Neath) и прилегающих к нему районов Западного Уэльса. Об этом говорит мемориальная доска, найденная на территории 1-й Советской больницы (ныне – Волгоградская областная клиническая больница №1). На ней помещен герб общины г. Нит и текст на русском, английском и древне-кельтском языках.

Русский текст гласит: “Эта палата оборудована на средства, пожертвованные жителями города и района Нит, Западный Уэльс, Великобритания, во славу божью и как дань закаленным сердцами защитникам Сталинграда, память о непоколебимом мужестве которых никогда не умрет. 1944”. (ВГМП. Инв. № 10514).

Хотелось бы отметить, что хирургические инструменты английской фирмы “Mayer & Phelps”, купленные на средства собранные жителями г. Нит, до сих пор используются по назначению в этой больнице. В личном архиве автора есть соответствующие фотографии.

НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

А.Олейник,

кандидат юридических наук

Так назвал свою новую книгу известный публицист В.Г.Первышин (первая его книга “Сталин и Великая Отечественная война” увидела свет в 2004 г.). Книга посвящена истории России с 1861 г. – начала развития капитализма в России и до 1941 г. – начала Великой Отечественной войны и состоит из четырех взаимосвязанных глав: капитализм (1861–1900 гг.), империализм (1900–1917 гг.), Великая Октябрьская социалистическая революция (1917–1923 гг.) и социализм (“Сталинская эпоха”) (1923–1941 гг.).

На богатом историческом материале по развитию экономики, политики, идеологии, науки, вооруженных сил в России автор представил яркое полотно важнейших событий в истории нашего государства и дал им объективную оценку. Прочтя это произведение, читатель может составить вполне законченное представление о сложном пути развития российского общества на грани перелома важнейших исторических эпох – капитализма и социализма.

В первой главе “Капитализм” (1861–1900 гг.) автор обстоятельно рассматривает зарождение, становление и расцвет капиталистического общества в Российской империи от простой кооперации, капиталистической мануфактуры до промышленного капитализма. Здесь автор дал подробный анализ развития орудий труда, показал техническую отсталость царской России от передовых стран, нарисовал основные вехи в становлении экономики и политики, проследил борьбу революционно настроенных народников против царизма, ярко показал достижения выдающихся русских ученых.

В главе указывается, что промышленная продукция России за 40 лет (с 1860–1900 гг.) увеличилась более, чем в 7 раз, в то время, как выпуск промышленной продукции в Англии увеличился лишь в 2,5 раза, во Франции в 3 раза, в Германии в 5 раз.

Несмотря на такие высокие темпы развития, Россия по-прежнему оставалась экономически отсталой, в основном аграрной страной – житницей Европы.

В области политики этот период характеризовался отменой в 1861 г. крепостного права, быстрым ростом самосознания рабочего класса и появлением в России первых оппозиционных движений, сначала народовольцев, а затем марксистских организаций во главе с В.И.Лениным.

В русской общественной мысли в середине XIX столетия возникли три течения: славянофилы (Хомяков А.С. и др.), западники (Гогоцкий С.С., Соловьев В.И., Яковенко Б.Г. и др.) и революционные демократы (Чернышевский Н.Г., Герцен А.И., Белинский В.Г., Писарев Д.И. и др.).

К концу столетия на идеологическом фронте появились такие заметные фигуры, как Плеханов Г.В., Засулич В.И., Ульянов (Ленин) В.И., которые много сделали для популяризации и развития теории марксизма в России.

Россия во второй половине XIX в., подчеркивается в книге, по достоинству гордилась именами замечательных ученых, важнейшими открытиями и изобретениями.

На весь мир прославили русскую математику Лобачевский Н.И., Ляпунов А.М., Чебышев Л.П. Имена Боткина С.П., Бехтерева В.М., Павлова И.П., Пирогова Н.И. золотыми буквами вписаны в историю мировой медицины.

Снискали мировую славу научные достижения российских ученых-физиков Берандоса Н.М., Ладыгина А.Н., Ленца Э.Х., Столетова А.Г.

Характеризуя прирост населения России с 1861 по 1897 гг. (на 51 млн. чел.), автор справедливо отмечает, что такой рост являлся недостаточным (1,5% в год), так как только для простого воспроизводства людей требуется, чтобы ежегодный прирост населения составлял не менее 2% (в современной России естественный прирост населения – отрицательный).

Автор отмечает, что в рассматриваемый период значительно преобразилась армия Российского государства. После поражения в Крымской войне (1853–1854 гг.) Россия всерьез занялась перестройкой своих вооруженных сил. Армия стала строиться на основе всеобщей воинской повинности. В 1874 г. был утвержден новый закон – “Устав о воинской повинности”.

В его первой статье было записано: “Защита престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население без различия состояний подлежит воинской повинности”. Призыву подлежало все мужское население, достигшее 21-летнего возраста. Срок действительной службы в сухопутных войсках достигал 6 лет и еще 9 лет в запасе, на флоте – 7 лет и 3 года в запасе.

Оснащение вооруженных сил современным по тому времени стрелковым и артиллерийским оружием, новыми кораблями позволило России в то время успешно завершить русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и провести еще 12 военных компаний, включая занятие Порт-Артура и Квантунского полуострова в 1898 г.

Во второй главе “Империализм” (1900–1917 гг.) автор дает подробную характеристику российских монополий, подчеркивает их господство во всех сферах экономики, ненасытное стремление российских капиталистов захватить новые рынки сбыта и новые территории.

Все это, как известно, привело к Первой мировой войне – бессмысленной бойне в которой погибло более 10 млн. чел. Здесь же автор показывает, что борьба российского пролетариата под руководством партии большевиков вылилась в первую русскую революцию 1905 г., а затем привела к февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. И еще одно обстоятельство характеризует главу. В ней раскрыты изощренные способы борьбы царизма с революционным движением и крах прогнившего самодержавного режима.

В главе автор сумел на конкретных примерах показать определенный кризис России в развитии экономики, росте промышленности, сельского хозяйства их технической оснащенности. Несмотря на это, империализм в России по сравнению с западноевропейскими странами представлял собой отсталую экономическую систему.

Бурный рост промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта, связи, торговли не имел себе равных в мире. Темпы роста объемов производства и строительства с 1905 по 1914 гг. превышали 10% в год. В эти годы русский крестьянин кормил своими сельхозпродуктами треть населения всего мира.

Одновременно с концентрацией производства и с ростом промышленных монополий финансовый капитал в России превращался из скромной роли посредника во всемогущий фактор. Концентрация банковского капитала привела к господству финансовой олигархии: всего 7 петербургских банков распоряжались более чем половиной средств, направленных на финансирование русской промышленности.

Но успехи в развитии экономики не были использованы царским правительством для увеличения производства, средств производства и военной техники, вследствие чего Россия

потерпела поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. и в Первой мировой войне. Экономическая отсталость России была особенно велика именно в тех отраслях, которые оказались чрезвычайно важными для ведения войн: тяжелая индустрия, транспорт, особенно автомобильный, электротехника.

Важнейшими политическими событиями того времени, указывает автор, были революция 1905 г. и буржуазно-демократическая революция февраля 1917 г. Промежуток между двумя революциями был использован царским правительством для заигрывания с революционно настроенными массами путем создания Государственной Думы (четыре созыва с апреля 1906 г. по февраль 1917 г.), которая, в конечном счете, не привела страну к широкому демократическим преобразованиям.

Заметным событием в политической жизни России в начале XX в. было вступление ее в “Тройственный союз – Антанту”, включавший Францию, Англию и Россию, чем окончательно было произведено размежевание в будущей Первой мировой войне между ведущими империалистическими державами.

Поражение России в Первой мировой войне, тяжелое экономическое положение страны, рост самосознания трудовых масс привели к победе февральской буржуазно-демократической революции, а затем к Великой Октябрьской социалистической революции.

Рост массового рабочего движения в России в начале XX в. явился благодатной почвой для развития революционной мысли в обществе на основе учения К.Маркса и Ф.Энгельса и их последователей в России. Выдающуюся роль здесь сыграли В.И.Ленин, И.В.Сталин, Ф.Э.Дзержинский, Л.Б.Красин, которые в своих теоретических трудах и в практической революционной деятельности доказали неизбежность краха царского самодержавия и наступления новой эры в развитии России – социализма.

Автор справедливо указывает, что революцию в политике и идеологии сопровождала не менее значимая революция в науке, которая была связана с ломкой господствующих представлений об окружающем мире, пересмотром старых законов и основных принципов, с движением науки к новой, более углубленной степени познания объективной действительности. Началось изучение тех внутренних скрытых причин, которые лежат в основе наблюдаемых явлений. Эта научная революция в дальнейшем привела к невиданному размаху естествознания и новой техники, что означало коренное изменение в средствах труда, переходом к принципиально новому этапу в их развитии.

Российскую науку прославили имена выдающихся ученых того времени: В.И.Вернадского, Н.Е.Жуковского, Н.Д.Зелинского, А.Н.Крылова, П.Н.Лебедева, Д.И.Менделеева, И.П.Павлова, К.А.Тимирязева, К.Э.Циолковского и других.

Наблюдался в этот период и рост населения России (со 135 млн. чел. в 1900 г. до 187 млн. чел. в 1917 г.), что явилось достаточным мобилизационным ресурсом для российской армии, которой, однако, в силу общей отсталой экономики страны и недостатка боевой техники не спас от поражения в русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой войнах (1914–1918 гг.).

В третьей главе “Великая Октябрьская социалистическая революция” (1917–1923 гг.) автор сумел убедительно показать закономерность победы Октября, открывшей новую, ранее неведомую эпоху революционного обновления мира – эпоху перехода от капитализма к социализму – обществу народной демократии и социальной справедливости. Опираясь на факты и цифры, автор рисует неимоверно тяжелые годы Гражданской войны и военной интервенции и героические подвиги народов России, отстаивавших Советскую власть в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией.

Обращают на себя внимание те места главы, где автор характеризует победу нового демократического строя – власти рабочих и крестьян, которая руководствуясь решениями II съезда Советов (25 октября 1917 г.), с триумфом прошагала по всей стране.

Но это было только начало становления в России государства социалистического типа. Оставалось еще немало недовольных Советской властью людей, которые вскоре

вместе с западными державами развязали в нашей стране Гражданскую войну.

Весна и лето 1918 г. стали наиболее тяжелыми временами для молодой советской республики. Начали выходить наружу все последствия Первой мировой войны и нерешенность многих специальных вопросов. Иногда даже вставал вопрос, справедливо пишет автор, хватит ли вообще у истощенной, разоренной, отчаявшейся страны жизненных сил для поддержания нового государственного и общественного строя и сохранения своей независимости.

Продовольствия не было, армия была распущена, железнодорожный транспорт был разорен. Всюду гнездились заговоры. И все это надо было преодолеть.

Автор отмечает, что только благодаря титаническим усилиям нового правительства во главе с В.И. Лениным, терпению, мужеству и преданности народных масс Советской власти в короткий срок в России удалось создать Красную Армию, подавить многочисленные заговоры, заключить с Германией не такой, как хотелось, но все же мирный договор, частично преодолеть разруху, отбить многочисленные походы Антанты и белогвардейцев на полях Гражданской войны и приступить к объединению на добровольных началах многочисленных народов и народностей в одно братское государство – Союз Советских Социалистических Республик.

С особым интересом читаются в книге материалы, связанные с “Завещанием” В.И. Ленина, которое должно было быть оглашено лишь после его смерти на следующем съезде партии. В “Завещании” Ленин предостерегал партию от раскола, назвал всего 6 лиц – видных членов партии и дал им свои характеристики, далеко не лестные для Сталина, Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Пятакова и др. Центральное место в “Завещании” было уделено характеристике взаимоотношений Сталина и Троцкого, двух выдающихся, по словам Ленина, вождей современного ЦК, но и двух непримиримых противников.

“Завещание” было оглашено на XIII съезде партии (1924 г.) не на открытии съезда, как требовал того Ленин, а по делегациям в обстановке строжайшей секретности. Причем старейшины делегаций были назначены Сталиным (он оставался на посту Генсека партии), что, естественно, привело к тому, что съезд оставил Сталина на занимаемом посту, а Троцкий был практически отстранен от руководства партией и государством, выслан из страны, а впоследствии и физически уничтожен.

Значительное место в главе отведено характеристике создания и боевых операций армии нового типа – Красной Армии. Рожденная на полях Гражданской войны она прошла славный боевой путь и показала всему миру, на что способны массы, защищая свое кровное государство рабочих и крестьян.

Ценой невероятных усилий и значительных потерь (в Гражданской войне с обеих сторон погибло 631 тыс. чел., не считая потерь, которые составили около 580 тыс. чел.) Красной Армии удалось победить не только силы внутренней контрреволюции, но и интервенцию 14 иностранных государств.

Народ должен чтить таких героев Гражданской войны, как Железняков, Котовский, Лазо, Блюхер, Пархоменко, Щорс, Чапаев и других.

В главе содержится интересные данные о том, какое бедственное положение было в экономике страны (спад производства по сравнению с довоенным периодом в 20 с лишним раз!), науке, культуре, искусстве. Население страны за это время уменьшилось на 25 млн. чел.!

Восстановление утерянного тяжелым бременем легло на плечи трудящихся масс СССР.

В четвертой главе “Сталинская эпоха” (1923–1941 гг.) автор на фактах и цифрах раскрывает нелегкий процесс строительства социализма в СССР, создание крупной социалистической промышленности, коллективизацию сельского хозяйства, достижения науки и техники, создание мощных вооруженных сил, сумевших впоследствии спасти мир от фашистской угрозы. Он характеризует два первых десятилетия Советской власти как

создание материально-технической базы социализма под непосредственным руководством И.В.Сталина.

В главе обращает внимание на себя несколько фактов, характеризующих усилия страны по созданию материально-технической базы социализма и подготовке ее к отражению возможной агрессии противника.

Автор указывает, что к 1940 г. выплавка чугуна в СССР достигла 14,9 млн. т, производства стали 18,3 млн. т, проката черных металлов 13,1 млн. т, добыча угля 165 млн. т, добыча нефти 31,1 млн. т, производство электроэнергии 48,3 млрд. кВт-ч, выпуск автомобилей 145,4 тыс. шт., выпуск тракторов (в пересчете на 15-сильные) 66,2 тыс. шт.

Советский Союз занял первое место в Европе по объему промышленного производства и второе в мире, уступая только США.

Достигнутые успехи в развитии народного хозяйства страны позволили провести коренное переоснащение армии и флота современным вооружением и боевой техникой.

Так, в 1940 г. производство танков, в том числе Т-34 и КВ-1, составило 2789 единиц, самолетов 8331, артиллерийских орудий 49600 единиц.

Численность вооруженных сил на 1 января 1941 г. составила 4,2 млн. чел. при населении 200 млн. чел. (в Сухопутных войсках – 3,3 млн. чел., в ВВС – 362 тыс. чел., в ВМФ – 307 тыс. чел., в ПВО – 139 тыс. чел.).

Указанный боевой потенциал страны, подчеркивает автор, позволил, несмотря на неудачи начального периода войны, нанести немецко-фашистской армии, развязавшей войну против СССР, существенные потери, похоронить миф о непобедимости фашистской Германии.

Второй момент, заслуживающий внимания в этой главе, – это успехи СССР в области внешней политики – создание “восточного фронта” (границы Советского Союза были отодвинуты на Запад на 400–600 км), в целом благоприятное развитие отношений СССР с Францией, Великобританией и США, позволившие в последующем создать антигитлеровскую коалицию; закрепление в глазах мирового общественного мнения об СССР как миролюбивом государстве.

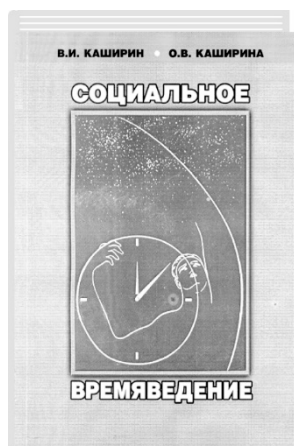
Одна деталь. Автор впервые в литературе последних лет дает правильную оценку секретному протоколу 1939 г. Риббентроп–Молотов как своевременному и крайне необходимому шагу Советского правительства по укреплению своих западных границ.

И еще одно обстоятельство. Значительное место в главе справедливо уделено идейной борьбе в партии и государстве, где отчетливо просматривается история ликвидации троцкистско-зиновьевского блока, массовые, ничем не оправданные, репрессии против значительной части населения страны, окончательное становление культа личности Сталина. Автор справедливо отмечает, что указанные действия не были вызваны необходимостью укрепления Советского государства, а носили характер перестраховки и удовлетворения амбиций Сталина и его ближайшего окружения. За эти преступления, говорит автор, советскому народу в последующем пришлось расплачиваться дорогой ценой.

К сожалению, в книге есть некоторые издержки. Например, автор не делает конкретных выводов ни по главам, ни по книге в целом. Его оценка тех или иных событий часто основана не на первоисточниках, а на вспомогательных материалах. Симпатии и антипатии автора к фактам и личностям порой исходят не из излагаемых в книге материалов, а из личного представления о них. Недостаточно показано развитие науки в СССР накануне Великой Отечественной войны. Без особой необходимости в книге дана расширенная хроника важнейших событий в России (с 1862 г. по 1993 г.).

Однако указанные недочеты не снижают в целом высокой оценки этой глубокой и содержательной книги. Она написана ярким, доходчивым языком и несомненно будет с интересом встречена читателями, интересующимися героическим прошлым нашего Отечества.

Первышин В.
На переломе эпох. История России с 1861 по 1941 гг.
М.: “Компания Спутник+”, 2006. 414 с..

НОВЫЕ ИДЕИ И СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Т.Бульгина,

доктор исторических наук, профессор

В издательстве Ставропольского государственного университета (СГУ) вышла книга “Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования”.

Авторы книги доктор философских наук, профессор В.И.Каширин и кандидат философских наук О.В.Каширина, представляя оригинальную авторскую теорию социального времяведения, в качестве стратегической цели функционирования этой теории ставят создание путей гуманизации науки и учебного процесса. При этом они подчеркивают, что процесс гуманизации высшей школы должен быть условием вхождения России в общеевропейское пространство высшего образования.

В Послесловии ученые выражают надежду, что их идеи о социальном времяведении будут востребованы современным российским социумом. Как работников высшей школы их волнует судьба гуманитарного образования в мире и России. Они прекрасно осознают, что механический возврат старой системы высшего образования в современных условиях глобализации невозможен. Однако и современное состояние гуманитарного знания в европейском и отечественном образовательном пространстве оставляет желать лучшего. Поэтому В.И.Каширин и О.В.Каширина предлагают собственное научное решение задачи повышения статуса гуманитарного знания в высшей школе.

По мысли исследователей, которые отталкиваются от представлений В.И.Вернадского о науковедении, временное измерение является фундаментальной категорией науки и может определяться термином “времяведение”. В объяснении сущности времяведения авторы используют собственную трактовку социального времени. Они впервые рассматривают социальное время как форму существования социального самосознания человека. Она вбирает в себя диалектику геологического времени неживой природы, триалектику биологического времени живой материи и развивается в диалектико-триалектическом взаимодействии энергии коллективно-пространственной горизонтали (цивилизационного выбора) и синергии индивидуально-временной вертикали (информационного отбора) в цивилизационном времени субъекта.

На основе этих рассуждений философы рассматривают социальное времяведение как область знания, которая охватывает энергию человеческой культуры и механизм действия антропного принципа на планете Земля. В связи с этим, социальное времяведение может служить укреплению связи между теорией и практикой, философией и наукой, между естественными, техническими и гуманитарными науками, между личностью и обществом, между государствами и цивилизациями на основе создания единого, всем понятного языка, не только в лингвистическом, но и в научно-философском смысле.

В монографии В.И.Каширин и О.В.Каширина в качестве основного тезиса формулируют идею о приоритетности социального времяведения в учебном процессе.

Их аргументация основана на сравнительном анализе природы социального пространства и социального времени. Любое социальное пространство (структура-состояние), в том числе и образовательное, обладает лишь субстанциональной (пассивной) первичностью, а функциональная (деятельностная) первичность принадлежит социальному времени (структуре-процессу).

Применение данного теоретического построения к процессу высшего образования убеждает читателей в том, что социальное времяведение должно стать стержневой основой этого процесса. Более того, авторы видят и формы реализации социального времяведения как в профессиональном самосознании любой учебной дисциплины, так и в виде специального гуманитарного цикла “Основы социального времяведения”.

Импонирует, что ученые, рассматривая мировую науку как контекст, особое место уделяют характеристике русского периода в учении о времени. Это позволяет им прийти к выводу о том, что у российской науки и образования есть тот багаж, с которым она может равноправно войти в общеевропейское пространство высшей школы. В частности, речь в монографии идет о приоритетности гуманизации науки и образования в российском обществе.

Именно это обстоятельство позволяет России оговаривать условия вхождения отечественной высшей школы в Болонский процесс. Главным среди этих условий может быть только общее понимание того, что Европе, как и всему миру, нужен не просто компетентностный подход, но гуманитарно-компетентностный. Это вполне соответствует идеям русского космизма, сторонниками которого являются авторы монографии.

Один из продолжателей идей космизма, академик Н.Н.Моисеев писал: “Как бы ни были сложны естественнонаучные проблемы, они все-таки бесконечно проще проблем гуманитарных, проблем познания самого человека, мотивов его поведения... Тонкая, ювелирная согласованность человеческого поведения с требованиями окружающей среды – характерная особенность наступающей эпохи. Она требует нового миропонимания, новой нравственности и, в конечном итоге, нового духовного мира”¹.

Для достижения общеевропейским высшим образованием гуманитарно-компетентностного уровня, надо, по мысли философов, чтобы социальное времяведение, основываясь на синтезном мышлении, стало гуманитарной составляющей высшего образования всей Европы, ориентированной на цивилизационные и общечеловеческие ценности. Для этого авторы предлагают организовать обязательную учебную дисциплину “Основы социального времяведения” и создать единый Международный учебник для университетов и отраслевых вузов по социальному времяведению.

В монографии представлена авторская концепция, структура и принципы такого учебника. Исследователи рассматривают курс “Основы социального времяведения” как обязательную учебную дисциплину для технических и естественнонаучных специальностей и рекомендуют его изучение студентам, аспирантам и преподавателям по социальной и русской философии, организаторам науки и образования, наконец, специалистам по Болонскому процессу.

Курс может включить в себя в интегрированном виде не только гуманитарные и философские науки, но и отразить профессиональное самосознание естественных и технических наук.

Исходя из своего педагогического, социального и научного опыта, ученые предлагают план дальнейшей разработки этой учебной дисциплины. Они предлагают выделить в ней пять разделов:

1. Дидактика социального времяведения,
2. Гипотеза о метавремени культуры,
3. Концепция культуры времени,
4. Философский диагноз времени,
5. Профессиональное самосознание науки.

Хорошей экспериментальной площадкой для введения учебного курса по

социальному времяведению ученые называют либо один из ставропольских технических вузов, либо естественно-научные (негуманитарные) специальности классического университета, каким является СГУ.

Наряду с учебником по “Основам социального времяведения” В.И.Каширин и О.В.Каширина предлагают создать учебник по “Профессиональному самосознанию науки”.

На наш взгляд, предложение о введении и учебно-методическом обеспечении такой интегративной дисциплины в виде эксперимента привлекает, с одной стороны, своей взвешенностью и осторожностью. Ибо экспериментальный опыт поможет выявить эффективность и просчеты предлагаемого курса, а с другой – как научная идея, это предложение плодотворно в условиях нарастания информационных потоков в мире.

В книге как раз и осуществляется поиск структурирования этого растущего в геометрической прогрессии потока информации, что, несомненно, связано с необходимостью структурирования времени. Проблема времени наиболее остро стоит в образовании, которое, как и общество, страдает дефицитом гуманизма. Совершенно очевидно, что, простое увеличение количества гуманитарных дисциплин, а также времени их изучения, то есть использование экстенсивных средств эту проблему не решает. В этих условиях интенсификация учебного процесса возможна, по мнению авторов, только через структурирование информации. Структурирование философско-гуманитарной информации может быть осуществлено при помощи преподавания “Основ социального времяведения”, а создание структурных форм естественно-научного знания – при помощи профессионального самосознания науки, которое философы рассматривают как метаобразование.

Как показал эксперимент по муниципальному самоуправлению, проведенный на Ставрополье, подобный опыт способствовал росту авторитета края в общероссийских рамках.

Можно согласиться с авторами книги, что удачно проведенный эксперимент по интенсификации учебного процесса в вузах даст возможность региону одному из первых войти в общеевропейское пространство со своим гуманитарно-компетентным подходом к высшему образованию.

Создание международных учебников способно сблизить российское и общеевропейское образовательное пространство-время.

Сегодня, когда состоялся указ Президента РФ о создании Ростовского национального университета, привлекательна идея об организации эксперимента в этом инновационном образовательном комплексе.

Содержание эксперимента авторы исследования видят не только в создании учебной дисциплины и обеспечении ее учебниками, но и в создании в вузах-полигонах эксперимента кафедр социального времяведения. Они предлагают со временем передать вновь созданным кафедрам функции координатора в преподавании гуманитарных циклов для технических и естественных специальностей с тем, чтобы учебный процесс был приведен в соответствие с международной практикой.

Вместе с тем, ученые полагают, что их идеи позволят организаторам и управленцам российской системы высшего образования провести работу с коллегами европейских стран для признания отечественного опыта интеграции гуманитарного знания. Ускорение и глобализация социальной практики заставляет понять предупреждение философов об опасности риска запоздать при ответе на вызов времени.

Текст монографии привлекает и своей открытостью для продолжения разговора в профессиональной и широкой общественной среде, и озабоченным, искренним тоном равнодушных к проблемам нашего образования и будущего России ученых-педагогов.

Внимательное прочтение монографии позволяет говорить только о первых шагах на пути разработки нового научного направления, которым является социальное времяведение. Ключевые тезисы авторов носят пока постановочный характер и требуют дальнейшего обсуждения широким кругом гуманитариев: философами, историками, социологами,

культурологами, педагогами. Только заинтересованный диалог ученых и практиков вдохнет в идею, предлагаемую ставропольскими учеными, ту жизнь, о которой мечтают авторы монографии.

Каширин В.И., Каширина О.В.

Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования.

Ставрополь, 2006. 112 с.